

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОГО ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ—

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

г. Чернигов, 1994 г.

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОГО ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ—

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

г. Чернигов, 1994 г.

Г. И. НЕВОЛЬКО

ПРОЛОГИ

НОВОЙ СИСТЕМЫ НАУЧНОГО ОБЪЯСНИТЕЛЬНОГО ЗНАНИЯ—

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

г. Чернигов, 1994 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга является третьей частью текста «Прологи новой системы научного объяснительного знания», состоящего из шести частей, которым, вместе с текстом «Логика новой системы научного объяснительного знания», издание которого будет осуществлено после издания «Прологов...», излагаются основания и основы новой СНОЗ (системы научного объяснительного знания) в развитии из нынешней старой СНОЗ.

Текстом этой книги (П-3) излагаются:

- объяснения основных вопросов, процессов и форм чувственного познания, неречевого мышления, поведения и пр.;
- уточнения, частичные или и радикальные переосмысления и обновления основных понятий и идей психологии познания; осуществления дальнейшего ее развития;
- поиски, находки и раскрытия необходимого для получаемости новой СНОЗ, объяснения, дальнейшее постепенное развитие и формирование смыслологии, оснований и основ новой СНОЗ.

ГЛАВА I.

§ 1. Ощущение.

1.

Итак, говоря словами Сен-Симона: «Вселенная состоит для каждого из нас из двух частей: одна — это Я каждого из нас и другая та, что лежит вне этого Я...», между которыми «...постоянно происходит взаимодействие». ¹⁾ Субъективная и объективная части реальности абсолютно одинаковы между собой по существу тех начал и простейших элементов, из которых там и там все начинается и составляется. Вся разница между ними только в концентрации и структуре объединения этих простейших элементов и, следовательно, в итоговом общем взаимодействии и проявлении их множеств и

¹⁾ «Аналогия мировой философии». М., 1971 г., т. 3 стр. 509,

подмножеств. И достаточно нам до предела истинно познать сущность начал (всеобщих начал, исходных элементов сущего), чтобы затем познание всего интересующего нас свести к прослеживанию верениц следствий, эмерджентно появляющихся из различных структурно-элементных объединений этих начал и тех условий, которые они же создают собой вовне и внутри рассматриваемого. «Поиски единого обоснования для объяснения различных видов изменений в процессах развития является одной из самых важных проблем, стоящих перед философской теорией развития, ибо она дает такой синтез знания, на который возможно опираться в разработке и согласовании специальных теорий развития» ²⁾. И решить эту проблему можно только окончательным познанием всеобщих начал и выведением из них объяснений развития, работы и возможностей нас интересующих объектов познания. Так будем же проявлять неотступно правдоискательскую добросовестность перед лицом гносеологических затруднений в нынешней СНОЗ ради преодоления их и обеспечения дальнейшего прогресса научного познания, ради полной и окончательной победы над неизвестным.

Но это цель, к которой мы прошли едва ли треть пути. И до тех пор, пока не достигнем этой цели и не получим истинного, отчетливого и окончательного знания своих сознания и яйности в качестве следствий в результате повторного выведения из до дна и предельно ясно познанных начал всего того, что необходимо для этого, мы будем пользоваться предварительным уровнем и четкостью смысла понятий сознания и яйности, начиная с весьма общего и недостаточно отчетливого смысла этих понятий. И дальнейшим движением мысли будем развивать, конкретизировать, уточнять и углублять знание о сознании и яйности и о всей субъективной реальности человека. А пока понятия сознания и яйности определим так:

Сознание человека есть какое-то образование из всеобщих начал реальности в организме этого человека, взаимодействиями которого с остальным этим организмом (и через орга-

²⁾ Л. Ф. Ильичев. «О материалистической диалектике как общей теории развития». Ж. «Вопросы философии», № 3, 1979 г. стр. 11.

низм с объективной реальностью) вызывается и обуславливается проявление у человека всего того, что осознается им как его яйность, как актуальное течение феноменов, явлений, реалий его психики (чувства, ощущения, хотения, восприятия, представления, страдания, настроения, мысли и пр.) и посредством чего осуществляется управление поведением и жизнедеятельностью этого организма. К определению сознания имеются фрагменты текста и далее, например, на 51 и 52 страницах этой книги.

Яйность человеческого субъекта есть то в живом организме человека, что актуально проявляется в нем как результат взаимодействия его сознания с остальным в организме и за его пределами, — есть то, что проявляется совокупным течением, переживанием ощущений и хотений, чувств и настроений, восприятий, представлений и мыслей и ими несущихся отбразжений как следствий и причин его жизнедеятельности, — есть то, что проявляется в нем совокупным течением, переживанием всевозможных психических процессов, активирующихся сознанием и проявляющихся в результате взаимовлияния и взаимодействия сознания и его содержащего организма и окружающей и пропитывающей его среды, и посредством чего осуществляется управление поведением, жизнедеятельностью этого организма.

Человек посредством и в результате взаимовлияния, взаимодействия и взаимодействия своего сознания и всего остального, с целостностью всего его организма связанного, вынашивает (периодически и в соответствующей мере) и сохраняет таковы существования всего своего и этим: — противопоставляет все свое (структура элементов, его целостность составляющая; все с его целостностью связанное, ему принадлежащее и подвластное) всему не своему (его окружающему и его пропитывающему, с его составляющей структурой элементов не связанного); — по отношению к своему сознанию становится субъективной реальностью в объективной реальности, обеспечивает целостность его образующей структуры элементов, живость и сохраняемость живости этой целости; — чувствует все чувствуемое, мыслит все мыслимое, волит ему подвластным (вопреки объективному или на согласие с ним), влияет на поддающееся его влияниям, испытывает влияния на него влияющего; — в нем в результате этого проявляется существование его яйности.

Сознание живого организма есть то и такое в нем, что и какое так влияет на него, вызывает и обуславливает такие процессы и взаимодействия с ним, что обеспечивает собой обобщающее объединение, взаимосроднение, связь и существование всех остальных существенно важных элементов и частей и существование существенно важной целостности этого организма, в котором и которым и существует его яйность.

И вправ Мельбранич, когда он говорит, что чувства даны нам для сохранения тела, но заблуждается он, когда ограничивается предназначением их этим, ограничивается признанием познаваемости посредством чувств лишь отношений вещей к нашему телу и на этом основании отрицает возможность истинного познания чувствами вещей самих в себе ¹⁾, т. к. без тех способности к познанию вещей самих в себе, которые дают нам наши чувства и которые мы стремимся более точно и глубоко познать, чувства не могли бы сохранять наше тело столь успешно, как это они делают.

Тело, мозг и нервы человеческого организма есть созидатель, колыбель, хранитель и носитель своего сознания, в результате взаимодействия с которым индуцируется яйность субъекта, — есть исполнителем всех и всяких волевых инициатив субъекта, посредством сознания осуществляющихся и предопределяющих акт перехода к изменению состояний субъекту подвласного. В результате взаимодействия структуры элементов тела, мозга и нервов организма, тела, мозга и нервов его органов чувств с теми элементами среды (окружающей и пропитывающей), которые не приобрели с первыми связями (достаточно прочных и энтропию понижающих), которые еще не стали телом субъекта или которые уже перестали быть ими, которые не освоились или уже отбросились, оторвались, в соответствующем органе чувств возникает, индуцируется соответствующая чувствительность и яйностью проявляется благодаря сознанию и по отношению к сознанию. Телом и нервами же организм реализует, исполняет, осуществляет всевозможные движения, управляющиеся сознанием и яйностью.

Здесь проведено различение сознания, яйности и тела (вместе с первой системой) в субъективной реальности, находящейся в объективной реальности. Мы кое-что уже знаем

¹⁾ «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 443.

о том, какие они,* а остальное еще будем познавать. Но какие бы они ни были, а из того, что все и всякое существующее реальное состоит из материального и идеального, следует, что если и насколько есть и существует какое-то мое сознание и какая-то моя яйность как в чем-то и насколько-то иное по сравнению с сознанием, то есть и настолько есть между ними и идеальное ничто, которым они отделяются друг от друга, которое есть и не яйность и не сознание, а лишь прерыв того в другого и граница между одним и иным другим. Сознание, яйность и тело составляются лишь из материально-идеальных элементов и поэтому их следует представлять протяженными; а границу между ними, чем-то отличающимися, следует представлять как границу-ничто, форма которой пока не учитывается. Сознание находится в окружении яйности, а не наоборот. Вель сознание волит и организмом и кое-чем в яйности, а не яйность сознанием; и, кроме того, вель наше сознание никак и никогда не вступает в соотношение, в соприкосновение или во взаимодействие хотя бы с чем-нибудь не через феномены яйности, а непосредственно, если при этом полагать (а это так и есть, что будет доказано), что сновиления и всякие патологические галлюцинации есть особые состояния яйности субъекта, возникающие в результате особых качеств и форм взаимодействия тела и среды с особым состоянием сознания, а не выход сознания из тела и яйности. Да и во сне наше сознание всегда остается окруженным феноменами своей яйности и своим телом.

Следовательно, моя яйность содержит в себе, окружает собой мое сознание, соответствующим образом взаимодействуя с ним и воздействуя на него, и сама содержится в теле, окружается телом, вызывается в теле и в результате взаимодействия сознания, тела и объективной реальности, имея, конечно, и с этой стороны идеальное ничто, которым отграничивается от тела; яйность между сознанием и телом. А тело содержит в себе яйность, окружающую собой сознание, и само содержится в объективной реальности, окружается и пропитывается ею. Ясно, что сознание может взаимодействовать с окружающим посредством приема чего-то от яйности и тела и передачи чего-то телу через яйность; но это может осуществляться или в результате изменений и сохранений состояний составляющего сознание или посредством обмена материально-идеальными элементами, или посредством обмена ото-

бражениями, в результате процессов отражения, уяснявшихся во второй части «Прологов...». Следовательно, в сознание что-то и как-то поступает из или от яйности, а из сознания что-то и как-то поступает в или к яйности. Яйность также что-то и как-то получает от тела и что-то и как-то отдает ему, а тело, в свою очередь, что-то и как-то получает от объективной реальности и что-то и как-то отдает ей. Между ними идет процесс взаимообмена и взаимодействия. Вспомним процессы отражения и распространения отображений и модель простейшей системы живого и применим это ранее полученное знание к здешним и последующим размышлениям. И если для объяснения психики человека и всех его психических и познавательных процессов будет достаточно понятий материального и идеального в новом их смысле, то этим и будет доказана несостоятельность отождествления сознания и субъективного с идеальностью, — то этим и будут выяснены заблуждения, путаница, неизвестности и неясности в соответствующих вопросах.

«Если старая философия, — писал Л. Фейербах, — имела исходным пунктом положение: я есть абстрактное, только мыслящее существо, тело не относится к моей сущности, то будущая философия начинает, напротив, с положения: я есть действительное, чувственное существо; тело относится к моей сущности, именно тело в своей целокупности и есть мое я, моя сущность»¹⁾. К последним словам необходима некоторая поправка: тело относится к сущности субъекта; именно тело в своей целокупности и содержит в себе сознание и яйность субъекта и дает все то, что дает и что необходимо для существования существенного яйности и сознания. Нельзя яйность отождествлять с телом, нельзя ее и неопределенно растворять во всем теле субъекта или во всей реальности, нельзя ее считать и как нечто иное, нежели известные нам материальное и идеальное. «...Мы должны начать наблюдать себя с первых испытываемых нами ощущений, мы должны вскрыть причину наших первых операций, добраться до источника наших идей, показать их происхождение, проследить за ними до границ, поставленных нам природой; одним словом, мы должны, как выражается Бэкон, возродить весь человеческий разум.»²⁾, — замечательные и очень верные слова Кондильяка.

¹⁾ Л. Фейербах. Соч., Госизд. М.—П., 1923 г., т. 1, стр. 123.

Всякую разновидность реального материала, который является результатом изменения структуры элементов любого органа или участка организма субъекта (изменения соотношения энтропии и негэнтропии) или от соприкосновения структуры элементов организма с элементами объективной реальности, или от нарушений, от изменений структуры элементов в самом организме по каким-нибудь внутренним причинам (например, отчуждение освоенных элементов или освоение отчужденных), и который (материал) поступает к сознанию и благодаря взаимовлияниям сознания и организма через этот материал проявляется по отношению к сознанию и благодаря ему и организму как как-то чувствующееся, как-нибудь обнаруживающееся, будем называть чувственной данностью соответствующего органа чувств. Это чувственные данные и зрения, и слуха, и обоняния, и осязания, и вкуса, и терморцепции, и проприорецепции, и интерорецепции, и вестибуларорецепции, и боли. Сознание питается данными, подаваемыми ему, шутя скажем словами митрополита Никифора: очами, слухом, обонянием, иначе говоря, ноздрями, вкушением и осязанием, иначе говоря, руками.»³⁾ Разумеется, что изменение структуры элементов соответствующих участков организма субъекта происходит в результате соприкосновения и взаимодействия структуры этим организмом освоенных элементов с элементами объективной реальности (как вовне, так и внутри организма, в среде, которой пропитывается каркасная структура элементов этого органа или организма). Лишь тогда, когда движение последних отличается как-то от движения соответствующих элементов, оструктуренных в теле субъекта. Если такого отличия нет, то нет и различия между проявлениями этих элементов и их множеств; совпадение, согласование или отождествление движений (такостей существования) элементов объективной реальности с движениями стационарно оструктуренных элементов организма субъекта и связывание их с элементами, ранее оструктуренными в его тело и есть присоединение их к организму субъекта, и есть освоение отчужденного, субъективация

²⁾. «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 637.

³⁾. «Антология мировой философии». М., 1969 г., т. 1, стр. 701.

объективного, последствиями чего и являются разrostания соответствующих органов и частей организма и этим вызываемые изменения в энтропии их образующей структуры элементов. Противоположный процесс, т. е. выход элементов тела субъекта из под контроля, из под управления (когда направления их последующих движений перестают однозначно предопределяться на движения, совпадающие, согласующиеся или одинаковые с остальными элементами организма этого субъекта), появление непредопределенной многозначности равновозможных направлений движений и приобретение или реализация ими своих движений, отличных и неподвластных структуре тела субъекта, проявление ими инакоостей существования и ведет к отчуждению освоенного, к объективации субъективного, вызывает соответствующие последствия: изменения разrostания и энтропии, разрушение или восстановление целостности, прибытие, пополнение, повышение концентрации в организме того, чем замещается убывающее в объективную реальность, и пр.

Ощущение является исходной для индивидуального субъекта формой чувственной ступени познания объективного материала в реальности. Оно есть последственный результат воздействия на элементы, оструктуренные во всех органах и частях целостной системы тела субъекта, элементов внешней среды (элементов объективной реальности), движение (такости существования) которых чем-либо отличается от движения первых. И поэтому соответствующее количество их вызывает такое изменение соотношения энтропийности и неэнтропийности структуры элементов организма субъекта, которое оказывается достаточным для того, чтобы выделить множество соответствующих элементов и обеспечить прохождение их соответствующими строями в область между сознанием и его окружающим организмом, вызвать и обусловить соответствующее взаимодействие сознания и соответствующего участка организма и проявиться перед сознанием и по отношению к сознанию и организму соответствующим феноменом яйности, какой-то такостью чувствования — как нечто внутреннее субъекту, но внешнее и иное по отношению к сознанию. Объективные элементы соприкосновением инакости своего существования с такостями существования элементов тела субъекта причиняют изменение состояния энтропийнос-

ти структуры его элементов и этим самым возбуждают в нем то, что поступая к сознанию проявляется субъективно чувствующимся. Ощущение получается от того, что объективное, не имеющее устойчивой, достаточно прочной и постоянной связи с субъективным, входит в соприкосновение с субъективным, как-то с ним взаимодействует, как-то на него воздействует и этим соответствующим образом влияет на состояния субъективного сознания, взаимодействиями которого с организмом и индуцируются, возбуждаются экзистенции яйности (феномены чувствования и настроения).

В процессе отражения мы различаем отображение, отображающееся и отображающее. И в процессе ощущения следует различать ощущение (как данная сознанию такость чувствования), ощущающееся (как то объективное, что инакостью своего движения производит в теле субъекта такость чувствования) и ощущающее (как тот орган или та часть тела субъекта, которая обнаруживает инакость движения объективного и дает сознанию такость чувствования, т. е. то, чем вызывается и дается сознанию ощущение).

Ощущение, как форма отображения и как форма чувственной ступени познания, проявляется по отношению к сознанию вследствие поступления к нему из тела как-то чувствующегося возбуждения и является только ощущением (не переходя в высшую форму отображения или познания) тогда и до тех пор, пока по отношению к полю проявлений того объективного, которое вызывает это ощущение, не проявится какое-нибудь субъектом вызывающееся движение тела субъекта (или органа или участка его тела), испытывающего воздействие ощущение вызывающего. С появлением такого движения со стороны субъективного тела ощущение заканчивается как форма чувственной ступени познания (отображения) и переходит в высшую форму.

Так определяемое ощущение не фиксирует собой, не выявляет структуры-ничто внешнего, субъектом ощущающегося и по отношению к субъекту объективного. И это потому, что изменение структуры элементов тела чувствующего органа вызывается множеством воздействий множества элементов ощущение вызывающего; но границы этого множества, такую ощущаемость вызывающего, не выявляются, не обнаруживаются без наличия движения тела субъекта относите-

льно поля воздействий данного множества объективных элементов. И поэтому ощущение не фиксирует собой четко и точно очертания чувствующегося, границы-ничто перехода этой такой чувственности в иную, не фиксирует архитоники чувственно данного, не фиксирует прерывности, окаймляющей, ограничивающей и оформляющей пространственно и по времени чувственно данное.

Ощущение непосредственно связано с фактом наличия в данном месте и в настоящее время того, взаимодействие органа чувств с чем или принятие отображения чего вызывает это ощущение; и если нет предмета, объекта или его отображения, объективировавшегося реального материала, внешнего по отношению к структуре элементов данного органа, принимающего результаты взаимодействия с этим, то нет и ощущения в этом органе. А отображение не возникает без индуцирующего или индуцировавшего его ранее предмета, находившегося или находящегося рядом или в некотором ином месте. Поэтому ощущение (как форма отображения, познания) даст нам достоверное знание о том, что если есть как-то чувствующееся ощущение, то есть нечто внешнее, объективное по отношению к осящающему. В ощущении субъективно дается нам объективное нечто без выявления его ничто, субъективно дается объективное материальное без выявления того объективного идеального, которым оно оканчивается и отграничивается от иного. В ощущении нами обнаруживается только материальное объекта соответствующего уровня сложности и только объективного по отношению к субъективному, ощущением его обнаруживающего. Из этого и логически не следует, что субъективное не есть материальное, и фактически — ведь левой рукой мы можем осящать осящаемое правой руки. Из того, что в объективном, дающемся нам только ощущением, мы не можем выявить идеального без применения иных форм познания, не следует, что нет его в глубине ощущение вызывающего или как внешней границы его с иным.

«Причиной ощущений, — писал Томас Гоббс, — является внешнее тело, или объект, который давит на соответствующий каждому ощущению орган непосредственно... или опосредованно, как при зрении, слухе и обонянии... Все эти так называемые чувственные качества являются лишь разнообразными

движениями материи внутри вызывающего их объекта, движениями, посредством которых объект различным образом давит на наши органы» ¹⁾.

«Ощущение есть образ движущейся материи, — писал В. И. Ленин, — Иначе, как через ощущения, мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем; ощущения вызываются действиями движущейся материи на наши органы чувств. Так смотрит естествознание. Наши ощущения отражают объективную реальность, т. е. то, что существует независимо от человечества и человеческих ощущений» ²⁾. В. И. Ленин отмечал также, что взгляды материалистов по вопросу о сущности ощущения состоят не в том, «чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи. Энгельс в этом вопросе стоял на точке зрения Дидро». ³⁾. Именно таким и получается ощущение в данной работе. Ведь оно есть одно из свойств особым образом организованной и особым образом существующей субъективной реальности, свойство противостоять объективному и изменениями в себе обнаруживать объективное при соприкосновении с инакостью движения его составляющего реального материала. Ощущаемое может существовать независимо от осязающего и от ощущения. Более того, оно потому и ощущается, что существует независимо, что движение его отличается от движения элементов в структуре осязающего и не подчиняется, не увлекается подчиненно, не управляется тем участком тела субъекта, из которого постукает к сознанию чувственность в форме ощущения. Вместе с упразднением осязающего упраздняется и ощущение, но от этого не упраздняется ощущаемое или в ощущении отображающееся. Оно разве только может как-то измениться под влиянием изменившихся условий от упразднения осязающего. Субъект может упразднить вообще или изменить такость этого своего ощущения, сохраняя или видоизменяя ощущаемое, но лишь благодаря изменению структуры

1). «Анатология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 309—310.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 320.

3). Там же, стр. 41.

элементов или такости существования своего ощущающего, лишь благодаря приобретению нового состояния ощущающего или благодаря произведению им какого-то нового движения по сравнению с тем состоянием или движением, при каком он ощущал до этого состояния или движения это ощущение. Если же у субъекта ощущение есть, то не может быть никаких сомнений и в том, что есть и какой-то объект (что-то объективировавшееся), который вызывает это ощущение. Ощущение этого субъекта подлинно удостоверяет его о наличии объективного по отношению к нему и о непосредственном соприкосновении субъективного с этим объективным или с его отображением. Без ощущений «мы вообще не знали бы, что существует еще нечто вне нас, мы не знали бы вообще, что сами физически существуем» — эти слова Диггена В. И. Ленин подчеркнул тремя линиями.¹⁾ «Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира, — не за образ соответствующего ощущению внешнего явления, а за «единственно сущее»²⁾. Следует, однако, отметить, что если речь идет об образе, дающемся сознанию субъекта только его ощущением (в здесь уточняющемся и обновляющемся смысле этой формы отражения), то в этом образе еще не фиксируется и субъектом еще не выявляется архитоника, очертания границ-ничто между инакостями объективного в этом образе отображающегося.

III

1. Ощущение дает нам весьма общую и субъективную характеристику чувственно созерцаемого предмета; оно предстает для нашего сознания приятным, или неприятным, или индифферентным при соответствующей субъективной чувственной окраске этих приятности, неприятности или индифферентности, что обуславливается частично спецификой элементов и структуры элементов соответствующего органа чувств и частично свойствами и уровнем сложности того объективного, что вызывает ощущение. Оно предстает сознанию часто уже не теми объективными элементами, которые изначально вызывают изменение или реагирование структуры элементов

¹⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 417.

²⁾ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 46.

тела субъекта, а вторичными продуктами, элементами тела, выделяемыми им сознанию в результате реагирования, изменения своей структуры. Т. е. происходит подстановка, подмена множества элементов объективной реальности множеством элементов тела субъекта (а иногда или в некоторых частях тела и в некоторых процессах и одним), или передающих собой сознанию субъекта отображение объективного, или фиксирующих собой форму отображения объективного в устойчивых структурах элементов субъекта И выходит, что ощущение есть субъективное отображение объективного, или отображение объективного в субъекте, отображение, исходившее из структуры элементов объективного и вошедшее в субъективное и «пересевшее» своей идеальностью на элементы тела субъекта. А поэтому оно весьма приближенно и субъективно определяет экстенсивную и интенсивную меру воздействия внешнего, без выявления и различения ступеней, дискретностей этих интенсивности и экстенсивности и градаций их изменения, без определения количества этих дискретностей, без выявления архитоники, без выявления прерывающего эту чувственную данность идеального и им очерчиваемой формы, а как нечто одно сплошное, более или менее интенсивное или экстенсивное, но не различаемое ни с чем иным в себе и вне себя.

Таким образом, ощущение дает нам знание о наличии реальных объективного, но в окраске субъективного чувствования, сильно зависящей от степени развитости чувствительности этого органа и его состояния в данное время, а также от уровня сложности, от свойств структуры элементов этого органа чувств и от особенностей его предшествующего развития. Характеристики субъективных модусов знания, получаемого людьми только ощущением (качественные окраски чувствования, их приятности, неприятности или безразличности, интенсивность), становятся еще менее надежными, когда речь идет об ощущениях одного и того же предмета (или его отображения) разными людьми. Оценочные мнения об этих модусах оказываются еще более разнообразными и противоречивыми, что подтверждается и поговорками: на вкус и цвет согласий нет, о вкусах не спорят, и пр.

2. Сам орган чувств, передавая отображение объективного предмета через изменения в структуре своих элементов к

сознанию человека, в некоторой мере может видоизменять структуру этого отображения и таким образом привносить субъективные изменения в отображение объективного.

3. Отображение внешних предметов, находящихся на некотором расстоянии от принимающего это отображение органа, вообще представлено в ощущении материальностями тех элементов, через которые отображение распространяется, и поэтому такое ощущение получает чувственную «окраску», которая обусловлена спецификой элементов канала распространения отображения, состояниями и строями элементов, фиксирующих и несущих собой таковы воздействия отображающихся предметов.

4. В ощущении познается какое-либо отдельное и одно свойство с какой-либо одной стороны одного и конкретно индивидуального предмета во время и в результате взаимодействия его или его отображения с ощущающим органом и в какой-то конкретной и неизменной позиции его по отношению к ощущающему органу, что не дает чувственного знания об этом предмете с других его сторон, со всех сторон и тем более изнутри его. Ведь форма структуры-ничто отображения снимается, исходит преимущественно с соответствующего участка внешней поверхности предмета.

5. Прошлое или будущее состояние объективного предмета познать только ощущением невозможно, т. к. ощущение есть лишь тогда и там, когда и где есть непосредственное воздействие этого объективного на тело или в теле в результате соприкосновения с предметом или приема отображений с некоторого расстояния, индуцируемых им окрест.

6. В ощущении мы можем получать сведения об объектах не всего диапазона действительно существующих уровней сложности, а лишь о тех, которые доступны для соответствующих органов чувств. Например, волновые излучения тех элементов, которые истекают из одного и одиночного атома, не в состоянии вызвать в органе ощущения такие волнения, которые были бы достаточны для проявления в ясности субъекта соответствующей чувственности. И уж никак нельзя в ощущении получить не одностороннее, достаточно полное знание о воздействиях на орган ощущения целостности таких систем, в качестве элемента которых выступает сам человек

(общественные системы, например, или солнечная система, галактика и пр.).

7. Человек, имеющий данное конкретное ощущение, не может передать его другому или иначе как-то познакомить с ним другого без помощи иных форм познания; разве только предмет, вызывающий данное ощущение, он передаст другому и поставит другого для ощущения этого предмета точно в такую позицию, в какой он ощущал его сам. Но не всякий вызывающий ощущение предмет позволяет это сделать и для этого необходимо некоторое движение субъективного относительно данного в ощущении объекта, чем и обуславливается переход ощущения в иную форму познания.

8. Звук слова, или знак, буква слова, и прочее дано нам в форме ощущения лишь тогда, когда наше сознание принимает такость чувственно данного без его смысла и даже без архитоники изменений, фигуры, формы принимаемого, т. е. когда сознание субъекта принимает из своего организма материальное без выявления идеального.

9. Ощущение является для человека индивидуальной формой познания, хотя влияние на него со стороны общества весьма значительно и усиливается. Общество в ходе развития производства представляет все большее разнообразие предметов, которые могут вызывать ранее не встречавшиеся ощущения. Кроме этого, общество, включая человека в систему общественного существования, обуславливает специализацию, дифференциацию и усовершенствование в развитии чувственности и гибкости некоторых его органов чувств, представляет возможность вооружить их некоторыми инструментами и орудиями, неприятное может превратить в приятное, дает новые предметы, вызывающие новые, еще не знакомые качества ощущений, оказывает и другие влияния на ощущение как форму познания.

10. Весьма существенный недостаток ощущения состоит в том, что им не выявляется, не дается идеальное, не дается архитоника, не дается структура-ничто, не дается форма границ различных такостей ощущаемости, без чего невозможно различение ни внутри чувственно данного, ни отличие его от иного, что не позволяет запоминать очертания предметов и опознавать предметы, вызывающие одинаковые ощу-

щения. Ощущение поэтому не может обобщенно представлять собой множества единичных предметов, вызывающих одинаковое ощущение, т. к. оно не позволяет их запоминать, опознавать и отличать от других. Тем более оно не позволяет разубнать внутреннюю сущность предмета, причины и механизм его движения и развития.

11. В какой мере ощущение не лает возможности для нахождения различий внутри ощущаемого и для нахождения отличий от других ощущений, поступающих от этого же органа чувств, в такой мере ощущение не позволяет запоминать, хранить и накапливать только им данное знание.

§2. Восприятие.

1

«Философы, — писал Ф. Бэкон, — прежде чем приступить к своим сочинениям о чувстве и чувствующем субъекте, должны были установить ясное и четкое различие между восприятием и чувством в качестве основополагающего принципа такого исследования. Ибо мы видим, что почти всем телам в природе присуща ярко выраженная способность восприятия и даже своего рода выбора, дающего им возможность принимать то, что им приятно, и отвергать то, что им чуждо и враждебно». ¹⁾ Критика разума не может быть чистой, если 11. Кант даже в своем главном труде «Критика чистого разума» не удосужился разобраться в этом вопросе и оез различения путает формы чувственного познания. В неудовлетворительном состоянии находится этот вопрос и в настоящее время: много неясного, запутанного, ошибочного и нерешенного в доселе публиковавшейся литературе.

* * *

Как же выявить, получить идеальную архитонику (= граница-ничто между чем-то различающимися тонами чувствования) ощущаемого, ощущающегося, которой фиксируются некоторые объективные свойства в ощущении отображающегося предмета, что позволит избавиться от субъективного в ощущении данном, позволит избавиться и от других ограничений ощущения как формы отображения, как формы познания? Мы знаем сущность идеального, знаем что идеальная структура-ничто предмета может сниматься и исхо-

¹⁾ Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1971 г., т. 1, стр. 286—287.

дить от предмета и распространяться посредством формы стросв элементов среды. Теперь нас интересует, может ли и как может субъект получить ее при помощи чувственности, чем и какова она будет для него. Сохранит ли она соответствие с тем предметом, отображением которого она есть, из которого она снимается и от которого она исходит и распространяется в объективной и в субъективной реальности? Как добиться познающему субъекту получения отображения и выявить в нем форму идеального при сохранении максимального соответствия с предметом, отображающимся в нем? Так как идеальное ничто отображения есть или образует собой архитоническую форму границ перехода этого такого материального в иное, то получить ее от предмета познания такой, какова она у него есть, весьма важно — в дополнение к чувственной данности (сигнализации, характеристике) материального ощущением. Ведь ощущением мы познаем то, как существует объективное материальное по отношению к нам: какое субъективное ощущение возникает в результате взаимодействия объективного материального с субъективным материальным соответствующего органа чувств субъекта? Какого цвета, тона, оттенка это ощущение? какого запаха, какой осязаемости, какого звука, температуры и пр.? приятное оно или неприятное? какие прочие чувственные такости этого ощущения? Мы твердо знаем, что различия в такостях наших ощущений обуславливаются различными чувственными последствиями для субъекта воздействий различного в объективном агенте на одно и то же и такое же субъективное органа чувств. И если мы как-то получим еще и истинное знание о структуре-ничто предмета познания, то это будет очень важным и необходимым дополнением. Ведь ощущение дает нам чувственную такость существования предмета по отношению к нам, а форма структуры-ничто архитоники ощущений, сохранившая свое соответствие с отображающимся в ней, дала бы нам знание той формы, в которой этот предмет существует сам по себе, границы, рамки и пространственно-временные размеры его составляющих такостей в сопоставлении с другими.

Уясняя сущность элементов реальности мы убедились, что без структуры-ничто, без идеальной формы материальное нечто элемента не может существовать, т. е. не может

хоть как-нибудь проявляться, двигаться вовне. Вспомним, что суть смысла понятия идеального реальности мы получили при помощи выпротивоположения сути смысла понятия материального. Используем знание сущности идеального и знание сущности объективного по сравнению с субъективным для получения следствием, для выведения знания о том, как познавать идеальное чувствами. Любое нечто объективной реальной действительности без идеального ничто, прерывающего собой это нечто образующую материю и отделяющего его составляющую материю от материи иного нечто, не может проявиться никакой такости своего существования, не может проявиться вовне хоть как-нибудь иначе чем его окружающее. Следовательно, при чувственном познании объективного предмета реальности без проявления движения тела соответствующего органа чувств субъекта хоть как-нибудь иного, чем движение чувством познаваемого объективного, в чувственных данных не может проявиться или выявиться идеальное ничто, прерывающее собой чем-то различающиеся материальности, составляющие собой этот предмет познания.

Без движения соответствующего органа чувств относительно ощущаемого предмета или, наоборот, без движения последнего относительно первого *) невозможно чувственное познание идеального, невозможны углубление, конкретизация, уточнение, отчетливость и прочие продвижения в развитии познания, невозможны объективизация знания (т. е. избавление от всего того, приносимого субъектом, — его чувствами, состояниями, настроениями, интересами и пр., — что не

*) . Примечание: Слуховой анализатор, к примеру, у человека устроен так, что такое передвижение воздействия элементов внешнего относительно принимающих это воздействие элементов субъекта может осуществляться без соответствующего передвижения уха, а за счет падения звуковых колебаний различной частоты на различные участки принимающей их внутренней поверхности уха, имеющей для этого лабиринтообразную форму с переменным диаметром и улиткообразным окончанием.

имеет соответствия в им познающихся реалиях) и уменьшение невыявленного, непознанного этим субъектом в этом предмете. Невозможно выявить и заметить какое-то отличие объективного нечего от нашего тела, если оно не имеет иного движения, кроме тождественного с движением тех элементов нашего тела, с которыми оно соприкасается.

Ощущение дает лишь частичное знание — знание о том, что что-то объективное есть, оно взаимодействует с чем-то субъективным ощущающего органа и последствием этого взаимодействия является такость чувствования, которая, взятая без выявления границ с инакостями чувствования, и есть ощущение и только.

Ощущение действительно является единственным источником знаний человека о мире потому, что через ощущение дается объективное материальное реальности; без ощущения невозможно ни обнаружение, ни познание и идеального реальности как прерывности материального, т. к. без чувственной данности в ощущении перед человеческим сознанием не могла бы являться никакая прерывность, — нечего было бы прерывать. Но идеальное обнаруживается лишь в такой форме познания, как восприятие, в результате наличия иного движения ощущающего органа относительно движения ощущаемого этим органом. Восприятие не существует без ощущений, заполняющих архитектуру восприятия, обнаруживающуюся в результате наличия указанного движения. Развитие познания невозможно при помощи только такой простейшей формы чувственной ступени познания как ощущение.

II

Наличие движения предмета познания или его отображения относительно того органа тела, от которого в ясности субъекта получается ощущение и воздействия объективного на который производит некоторую такость чувственности, или наличие движения этого органа относительно этого предмета или его отображения образует такие условия, при которых ощущением субъект выявляет, обнаруживает границу такости чувствующегося в ощущении, прерывающую тождественность этой такости в пространстве и (и или) во времени, выход за пределы которой вызывает новую, иную такость чувствования, иную такость видения, иную «окраску» ощущение.

ния (иной тон цвета, иной цвет, иной тон звука, иной запах и т. д.). Появляется возможность различения. Познается не только чувственная данность посредством такости чувствования, но и ее противоположность: ничто между такостями чувствования, граница, прерыв этого и такого-то чувствования, непрерывным данного в ощущении. Познается идеальное. Поэтому это будет уже высшая форма чувственной ступени познания — восприятие. При отсутствии такого движения невозможно точно определить границу ощущаемого, а границу ощущающего можно ошибочно принять за границу ощущаемого. А при наличии движения ощущающего относительно ощущаемого границей ощущающего обнаруживается граница только так ощущающегося. Проверьте это скольжением руки с края стола или движением руки и ее остановкой над исходящей из пылесоса струей воздуха. Палку чувствуем как внешний предмет, если мы держим ее в руке так свободно, что между рукой у рукоятки палки происходят какие-нибудь перемещения ощущающей ладони и ощущающегося рукоятки; но когда этого нет, когда мы плотно охватим и крепко сожмем палку, то чувство чужого тела теряется и ощущение иного локализуется там, где палка соприкасается с исследуемым телом. Нег необходимости еще перечислять в этом убеждающие нас примеры, т. к. абсолютно все и именно таким образом нами воспринимается то, что воспринимается.

Проявление в явности субъекта одного ощущения с неизменной такостью чувственности и с познанием, с выявлением архитоники, формы идеальной границы его с инако ощущающимся, — в результате взаимодействия ощущающего и источника ощущения, — есть восприятие субъектом соответствующего реального.

Ранее мы выявили смысл идеального реальности путем выпротивоположения смысла определений материального и, уяснив сущность и взаимосвязь этих противоположностей, получили улучшение возможностей для более отчетливого и точного познания объективной реальности в движении и развитии, хотя еще и на предварительном уровне, не настолько глубоко, подробно и окончательно, насколько способно человеческое познание вообще. Познавая субъективную реальность и ее способности к познанию объективной реальности нам важно выяснить как субъект-индивид при помощи своих

субъективных чувственных форм познания выявляет объективное содержание предмета познания, выявить возможности для уточнения и развития форм, возможностей и методов познания, для достижения в познании предельно возможных ясности, отчетливости, глубины, подробности, полноты и точности. Но без познания материального и идеального элементов реальности и их взаимосвязи в объективном предмете познания, в знании и у познающего невозможно достигнуть такого познания предмета, его элементов, сущности структуры элементов, проявляющихся и возможных такостей существования и развития.

Наш орган чувств дает это ощущение потому, что на его чувствительную поверхность или объем таким-то конкретным образом воздействует множество элементов этого предмета или множества элементов среды, передающих отображение от этого предмета. Ведь элементы среды низших уровней сложности могут проникать в межэлементную среду систем высших уровней сложности.

Если движение элементов, достаточно прочно оструктуренных в теле воспринимающего органа чувств, не отличается по направлению от движения объективных элементов среды, то не может быть обнаружена и граница, прерывающая их множество. А если нет разницы в движении субъективного и объективного еще и по скорости, то вообще не может сформироваться и быть обнаружена хоть какая-нибудь чувствительность. При наличии же разницы только в скоростях движения субъективного и объективного может быть обнаружено изменение интенсивности и такости ощущения, обусловленное изменением результатов взаимодействия субъективного с объективным.

Если мы будем производить движение элементов органа чувств в том же или в противоположном (в попутном или во встречном) направлении по отношению к движениям, к воздействиям объективных элементов, то мы сможем обнаружить изменение интенсивности и такости ощущения, вызванное нами.

Если элементы нашего органа чувств имеют инакость движения в поперечном направлении по отношению к направлениям движений объективных элементов, вызывающих та-

кость ощущения, то появляется возможность обнаружить объективную границу такости их воздействия, т. к. граница множества так воздействующих элементов, перемещаясь по чувствительной поверхности органа чувств, обнаруживает себя относительно структуры элементов этой поверхности в результате появления и перемещения по поверхности и по телу органа чувств инакости воздействия того, что следует за границей множества так воздействующих объективных элементов. Способность так-то ощущать такое-то внешнее, объективное (обуславливающаяся наличием какого-то иного движения элементов объективного по отношению к субъектом освоенным элементам, от соприкосновения и взаимодействия с которыми и происходит изменение структуры элементов тела субъекта, чем и обнаруживаются субъектом неосвоенные элементы и ими составляющееся объективное) этим органом тела субъекта в данное время сохраняется относительно постоянной. И следовательно если при таком движении этого органа тела, когда имеется поперечная инакость направления движения элементов этого органа с движением множества, потока тех объективных элементов, соприкосновения с которыми и вызывая собой соответствующее ощущение, обнаруживается изменение в степени или в качестве, в такости этого ощущения, то достоверно, что причина этого изменения находится не в чувствующем органе, т. е. достоверно, что идеальная граница-ничто перехода одной такости ощущения в иную, если она не следует за движением ощущающего органа относительно ощущаемого, задается объективной границей перехода одной такости воздействия объективных элементов на орган тела в иную такость воздействия их или иных объективных элементов. Следовательно, достоверно, что граница-ничто между инакостями ощущений в восприятии, — при наличии поперечной инакости движения ощущающего относительно ощущаемого, — даст нам объективную границу-ничто объективных рядом расположенных инакостей.

Таким образом мы обнаруживаем идеальную границу-прерыв того внешнего, что вызывает у нас такость ощущения, получаем ощущение в восприятии, т. е. ощущаемое внешнее нечто в его архитонической форме, — получаем восприятие объективного (непосредственное восприятие объектив-

ного предмета или восприятие отображения такого предмета).

Мы можем получить или пространственно-временную прерывность такости ощущения, или изменение его интенсивности, что обусловлено или прерывностью и изменением воздействия внешнего, если мы не меняем положения своего органа чувств, или тем, что мы произвольно производим соответствующее движение своего субъективного, что прерывает или изменяет такость ощущения. В том и в другом случае это будут восприятия. В них дается нам интенсивность или экспрессивность (выразительность) такости ощущений, оструктуренных в архитонике пространственно-временных взаиморасположений и взаимоследований по разному чувствующегося.

В восприятии нам дается ощущаемое объективное материальное нечто (соответствующего, ощущающегося уровня сложности), очерченное его архитоникой, формой его идеальной границы-ничто, воспринимаемой через такое движение органа чувств, которое отличается от движения этого внешнего, объективного.

Уяснение истинных смыслов ощущения и восприятия и их различий позволяет понять и объяснить то, почему ощущения, идущие к нашему сознанию изнутри нашего тела, не воспринимаются в архигонической пространственной структуре (ощущаем ли мы и когда и как ощущаем свою печень?): насколько невозможно различное движение органа чувств, посредством ощущения воспринимающего иное, и этого иного, вызывающего ощущение, относительно друг друга, настолько и не выявляется архитоника, идеальность, ограничивающая собой идущие от него ощущения. От своего внутреннего в таких условиях мы получаем ощущения, оструктуренные только во времени и по интенсивности; более точная локализация и очертание обнаруживаются лишь при пальпации, при ощупывании, при проминании, т. е. при производстве взаимного движения ощущающего и ощущаемого в одном и том же организме. Этим же и подтверждается истинность развивающихся, уясняющихся и определяющихся здесь понятий ощущения и восприятия.

Родившийся ребенок начинает познание внешнего восприятиями; в новой среде с подвижными элементами и в резуль-

тате производимых движений его тела на него обрушиваются различные потоки объективных элементов с наличием иного движения, чем у элементов тела. А в утробе, вследствие отсутствия движения относительно ее, он мог получать лишь некоторые ощущения по мере формирования соответствующих органов чувств. И эти ощущения, не переходя в форму восприятия, не позволяли ему ни различать окружающее, ни отличить себя от окружающего. В этом то и состоит роль активности субъекта в познании восприятием, как формой чувственного познания, чем и начинается вскрытие сути смысла активности субъекта в познании, вокруг чего происходят споры, очень часто заидеологизированные политикой. По этим же причинам «Чтобы лучше воспринимать предмет зрительно, приходится не просто смотреть на него, а рассматривать, словно ощупывая предмет взором. При осзании предмета человек пользуется ощупывающими движениями рук». ¹⁾ А. Спиркин дает очень хорошую характеристику восприятия в указанной статье, что от многого нас освобождает. Но причинно-следственный механизм известного факта подвижности воспринимающих органов и его гносеологическое значение в молистической системе понятий до сих пор не выяснены, не объяснены и не поняты.

Объективный предмет воспринимается в результате различия в движении соответствующего множества или слоя его элементов или элементов среды (канала связи), передающих его отображение, и элементов соответствующего органа субъекта, познающего этот предмет восприятием. Объективное различное в объективном предмете чувственно познается в результате выявления различности чувственной данности (такости ощущения) из-за воздействий объективного на один и тот же участок однородного субъективного сенсорного поля. И чтобы инвариант архитоники восприятия был яснее, отчетливее, полнее и точнее, необходимо проявлять более всестороннюю и разнообразную активность, необходимо разнообразное движение субъективного (органа или всей целостности организма) относительно познаваемого восприятием предмета. Выявляемая структура его при этом будет более

¹⁾ А. Спиркин. Философская энциклопедия. М., 1960 г., т. 1, стр. 292.

объективной, обусловленной внешним и больше высвобожденной от субъективных привнесений. Сама «окраска», чувственная такость ощущений, заполняющих собой архитектуру восприятия, будет оставаться в сильной степени зависимой от субъекта; а конфигурация архитектуры восприятия (вид, лик, очертания того идеального, которое есть между тем как-то и инако ощущающимися нечто, которыми составляется мозаика воспринимающегося субъектом) обуславливается, детерминируется структурой элементов того объективного, в результате взаимодействия органа чувств с которым и получает субъект восприятие, и сохраняет соответствие с конфигурацией структуры-нечто, отображающей при этом в восприятии (сохраняет это соответствие в случае и настолько, если и насколько промежуточная среда — канал связи — не разрушает этого соответствия).

Все это совпадает с экспериментально установленными закономерностями поэтапного становления форм сенсорно перцептивных сигналов-образов. Общим для процесса «формирования сигнала-образа» являются следующие четыре этапа:

1. Аморфная и вариативная структура замкнутого контура (при зрительном восприятии включающая эффект мерцания формы).

2. Выделение резких сдвигов кривизны, выраженное в частности, переходом одной прямой в другую.

3. Грубое воспроизведение общей формы при некоторых нарушениях пропорции, углов и смещении деталей.

4. Адекватное воспроизведение формы.»¹⁾

Далее Веккер отмечает, что эти этапы соответствуют соответствующим формам (уровням) изоморфизма.

«...наше (в первую очередь зрительное) восприятие окружения как реальности зависит от нашей способности отличать движение в нем от нашего собственного движения»²⁾.

А насекомые с неподвижно фиксированными глазами добиваются эффективной выявляемости инвариантного архитектурного зрения и как модель поведения».

1). Л. М. Веккер. «Психические процессы». ЛГУ 1974 г., т. 1, стр. 186.

2). Б. Х. Гуревич. «Движение глаз как основа пространственного зрения и как модель поведения». Л., 1971 г. стр. 193.

Из таких смыслов ощущения и восприятия следует, что сложное ощущение вне восприятия невозможно. Ведь если оно только ощущение, то оно простое и одно, т. к. не имеет замечающегося отличия и разграничения от иного ощущения, здесь же или рядом и в это же время вызывающегося. Если ощущение сложное, т. е. состоит из нескольких элементарных, простых, так-то неразлично в себе но различно между собой чувствующихся данных, то оно дается нам в восприятии, т. к. невозможно ощущать одну чувственную такость и иную без ничто между ними. Поэтому как любой элемент сущего объективной реальности (в том числе и простейший) не существует без своего материального и идеального, так и восприятие не может проявиться для субъекта только ощущением, которое обнаруживается только материальность объективного.

Следует различать простое и сложное восприятие. Простое элементарное восприятие — это любое какое-то одно ощущение, полученное от объективного предмета вместе со своей идеальной границей (временной или пространственной) с иным ощущением, выявленной в результате различия в движении воспринимающего органа и объективного агента. Простое элементарное восприятие есть простейший элемент чувственного знания объективного предмета, доступного для ощущения и восприятия соответствующими органами чувств, в то время как одним ощущением, без перевода его в форму восприятия, субъект может осознать актуальное существование своей яности, наличие объективного агента и познать такость вызывающегося им ощущения в соответствующем органе чувств без возможности отличения так ощущаемого от инако ощущаемого и без возможности отчетливого отличения объективного от субъективного.

Сложное восприятие образуется в результате получения, в результате течения комплекса ощущений в архитонической структуре, выявляющейся в результате разнообразного и разностороннего движения соответствующих органов чувств относительно объективного агента.

Некоторому относительно устойчивому состоянию движения объективного, восприятием познающегося, следует противопоставить инакие и разнообразные состояния и движения одного и того же воспринимающего субъективного. И чем раз-

ностороннее и различнее эти движения (конечно в пределах сохранения получающихся и интересующих нас такостей чувствования), тем отчетливее, точнее, объективнее то знание, которое вообще мы можем получить восприятием, как формой чувственной ступени познания.

Как в стражении и в ощущении, так и в восприятии следует различать, во-первых, восприятие как весь процесс, дающий сознанию субъекта восприятие как особую форму отображения чувствами познаваемого; во-вторых, восприятие как тот чувственный результат в идеальной архитектонике, который осознается субъектом в протекании восприятия; в-третьих, воспринимающее как все то субъективное, что обнаруживает, выявляет и дает сознанию ощущениями заполненную идеальную архитектуру восприятия; и в-четвертых, воспринимающее, то, что отображается в восприятии, т. е. в архитектонике восприятия, заполненной всем разнообразием субъективных ощущений во всех их эмоциональных сочностях и окрасках, или в строе того множества элементов, которые передают собой структуру отображения отображающегося, т. е. как какие-то элементы объективной среды или даже элементы субъекта, которые строями перемещаясь передают, распространяют собой отображение.

VI

Что ощущения субъективны, подтверждается не только тем, что мы по разному можем ощущать одно и то же в разное время и находясь в разном состоянии, и не только тем, что для одного из нас это ощущение приятно, а для другого нет, но и тем, что иные живые организмы ощущают как приятное то и питаются тем, что человеку вообще крайне отвратительно и отравительно. Общее архитектурного вида восприятия и у собаки, и у обезьяны будет такое же, как и у человека, если они воспринимают один и тот же предмет и с той же стороны и позиции; хотя глубина, подробности различения индекостей, а следовательно и выявляющейся архитектуры может различаться (хищные птицы свысока различают даже мышшь в траве). Тот архитектурный лик восприятия, которым фиксируются объективные границы-ничто между различными элементами объекта, выявляющиеся восприятием собаки, обезьяны или человека на том же объективном уровне глубины и подробностей (среди элементов одинакового уровня

сложности), будет одинаково соответствовать (подобной) этой структуре-ничто у этого объекта, воспринимающегося этими существом различными организмами. «Окраска» же, такость или модус ощущений, заполняющих архитонику восприятия одного и того же предмета, у каждого организма будет отличаться. Например, известно явление дальтонизма. И не только зрительные, но и чувственные различия в ощущениях будут. Приятное одному может ощущаться другим как неприятное.

Ощущением вне архитоники восприятия мы не могли бы отличать те разные предметы, которые вызывают у нас одинаковые ощущения. Восприятие позволяет нам это делать, но лишь когда эти разные предметы находятся рядом и теперь в зоне живого созерцания (т. е. когда эти предметы даны нам чувственно, или зрительно в непосредственном контакте, прикосательно или дистанционно, восприятием отображения этого предмета). И все же при помощи объяснения только ощущения и восприятия, без объяснения представления и мышления извлечения из памяти, без объяснения представления и мышления, мы не можем понять и объяснить, как связывается прошлое состояние воспринимаемого с настоящим, прошлый опыт с текущими восприятиями, как вырабатываются опережающие отображения, интересы, цели и как управляется всем этим поведение организма.

Но в результате воспринимания разными людьми (и даже не людьми) одного и того же предмета с одной и той же стороны его и с одинаковых позиций выявляется восприятие, в архитонике которого фиксируются объективные очертания границ между различающимся в объективном, — отображается структура-ничто объективного при сохранении взаимосоответствия в зависимости от состояния каналов связи у разных людей и в среде между ними и объективным, в их восприятиях отображающемся, — выявляется то дополнительное и очень важное содержание знания объективного, которого не дает ощущение вне восприятия.

Материальное объективного предмета или элементов, передающих его отображение, взаимодействуя с одной и той же субъективной структурой элементов одного и того же органа чувств дает или производит то, что поступает к сознанию, вызывает и обуславливает активацию и взаимодействие соз-

нания с его окружающим субъективным, результат чего у субъекта проявляется феноменом чувственной данности, феноменом ощущения.

Объективное идеальное объективного предмета познания в результате процесса восприятия, выявляющего и фиксирующего границы между различающимися объективным в форме идеального архитоники комплексов наших субъективных ощущений, снимается с объективного и с архитоникой восприятия входит в субъект. Идеальное архитоники восприятия, тщательно и правильно выявленное в процессе воспринимания, как неизменность границ такостей ощущений одного и того же участка сенсорного поля (участка сенсополя с одинаковой такостью проявления вовне его составляющих элементов) относительно перемещающихся границ так ощущающего, и сохраняет такую же форму, какую имеет структура-ничто объективного, отображающегося в этом процессе восприятия. Оно (идеальное архитоники восприятия) находится в субъекте, но соответствует объективному, оно объективное по происхождению и не отличается от него по своей сущности, т. к. оно и в субъекте и в объекте есть ничто.

Восприиманием мы можем познавать лишь те предметы, которые актуально воспринимаются нами и которые вызывают у нас соответствующие сущности, заполняющие собой архитонику восприятия, что связывает воспринимание с теми ограниченностями для возможностей познания, которые свойственны ощущениям.

§ 3. Дополнительные рассуждения, уясняющие ощущение, восприятие и прочие вопросы.

I

В феноменах яйности (в потоке всех и всяких чувственных данных), окружающих сознание, осыпающих и пронизывающих его и по разному активизирующих, беспокоящих, волнуящих его, сознанием, мышлением и волением субъект выявляет признаки один за другим и один рядом с другим и в результате чувственно познает чувственно познающееся. Возможность для исчерпывающего познания вопросов о том, из чего же и как образуются, как устроены и как работают сознание, процессы яйности, мышление, воление, взаимодействие всего этого и их взращивающего и содержащего организма и объективной реальности и прочих вопросов, будет достигнута после окончательного и абсолютно истинного познания на-

чал реальности и ее наипростейших элементов, из которых затем можно будет выводением получать знание о всем из них получающемся и сохраняющемся в соответствующих условиях. Но для этого и прежде этого необходимо исчерпывающе познать суть процессов и форм познания, возможности дальнейшего развития познания, возможности использования еще неиспользующихся или неверно использующихся познавательных способностей человеческого разума, внести поправки в неверно понимающееся и использующееся, освободиться от заволащывающего в заблуждения, к чему мы и продвигаемся.

Здесь исследуется суть и возможности ощущений и восприятий как форм чувственного познания. Что выявляется и осознается субъектом в яйности? Может ли оно рассматриваться как верное отражение объективного? То, что мною рассматривается в моей яйности, находящейся в моем организме, содержит ли оно в себе истинное отображение не-меня, не-моего, не во мне находящегося? Насколько и при каких условиях оно не обманывает нас? Необходимо выяснять, познать, наряду с прочим, очень важный вопрос о том, что такое истина и можно ли и почему и как можно истинно познать человеку то объективно-реальное, что находится не только за пределами его организма, но и за пределами чувствительности его чувств, — можно ли истинно познать не только видимое, но и невидимое? можно ли познать предмет вглубь до дна и дно, почему и как это можно познать?

«Утверждение, — писал Джордано Бруно, — что Вселенная находит свои пределы там, где прекращается действие наших чувств, противоречит всякому разуму, ибо чувственное восприятие является причиной того, что мы заключаем о присутствии тел; но его отсутствие, которое может быть следствием слабости наших чувств, а не отсутствия чувственного объекта, недостаточно для того, чтобы дать повод хотя бы для малейшего подозрения в том, что тела не существуют» ¹⁾. Истинность этих и других слов освящает и бессмертием и облик их автора, который смертию ложь пограл.

Однако этот вопрос так завалили различными хитроумными выдумками, что до сих пор есть много людей, всерьез

1). «Антология мировой философии». М. 1970 г., т. 2, стр. 169.

или с лицемерием уверяющих себя и других в том, что чувственные данные не удостоверяют нас в существовании объективной реальности. Поэтому требуется очистительная работа.

Скепсис по отношению к роли чувственных данных в познании многие мыслители, например Декарт, обосновывают изменчивостью ощущений, не видя при этом существенного различия между ощущением и восприятием. В том-то и дело, что именно восприятие позволяет выявить объективную структуру-ничто реальных объектов на тех уровнях сложности существования или общего проявления составляющих их элементов, которые чувствуются соответствующим органом или частью тела субъекта. И выявление этого достигается независимо от некоторой изменчивости субъективной такости ощущения, обусловленной изменениями состояний субъективного. Очертание одного и того же дерева будет таким же и днем, и в вечерних сумерках, хотя такости цветовых ощущений, наполняющих собой архитонику восприятия очертаний этого дерева, будут разными. Для больного человека мед может казаться горьким. И то, что больной сам по себе, только в себе и только по инициативе своей произвольной воли без всякого проявления по отношению к внешнему не может сменить эту горечь ощущения на сладкость, уже является доказательством того, что ощущением горького ему дается нечто внешнее, что наличие и такость проявления этого внешнего не зависит от воли субъекта в указанном смысле, несмотря на то, что оно, соприкасаясь с телом больного субъекта, вызывает у него ощущение горького, а у здорового — ощущение сладкого. Данность субъекту ощущений есть необходимое и достоверное доказательство ему существования объективного. Конечно, субъект может прожечь на огне мед и этим сделать его горьким. Но данность субъекту любого ощущения является лишь следствием наличия взаимодействия субъективного с объективным (с соответствующим результатом этого взаимодействия) и поэтому служит доказательством наличия объективного агента. Архитоника интенсивности и границ горечи, выявляемая движениями органов вкусовых ощущений, будет отображать собой объективные очертания и взаиморасположения частей того, что вызывает эту такость ощущения в данной ситуации обстоятельств и состояний ощущающего. Архитоника восприятия ребенка за-

полняется более сочными, более яркими, более экспрессивными ощущениями, чем у взрослого или у старого человека, но архитоника той идеальной структуры, которая выявляется и выражается в восприятии благодаря этим ощущениям, обусловлена соответствием с объективной структурой-ничто, воспринимаемого.

Здесь же таится один из источников успеха изобразительного и исполнительного искусства: добываться произведения как можно более ярких, пусть даже необычных, но более сильных и контрастирующих ощущений, чтоб вызвать ими максимальное эмоциональное возбуждение и посредством их произвести прочную фиксацию и максимально глубокую, отчетливую и впечатлительную воспринимаемость форм, очертаний, идеальных структур-ничто, которые отображениями исходят при этом от изображения или исполнителя, привлечение внимания и возбуждение ума которыми и запечатляемость которых у наблюдающего субъекта усиливают контрастами сопоставлений, гиперболизацией и прочими приемами.

Рене Декарт писал: «Если кто-нибудь утверждает, что он видит в данном теле цвет или чувствует в каком-либо члене боль, то это совершенно подобно тому, как если бы он сказал, что видит или чувствует нечто, но совершенно не знает природы этого нечто, то есть не имеет отчетливого знания того, что он видит и чувствует.»¹⁾ Далее находим мысль у него, что каждый, несомненно, найдет, что он вовсе не знает того, что же ему представляется в виде цвета или боли как нечто существующее в так окрашенном теле или в так болящей части тела субъекта. Мы легко видим, что трудность здесь происходит от того, что не уяснена сущность и различие ощущения и восприятия и, разумеется, сущность идеального и материального реальности.

Есть ли зеленость, например, сама по себе, вне чувственной данности? Нет, конечно, ибо зеленость как раз и есть чувственный результат взаимодействия соответствующих элементно-структурных образований органа чувств и тех множеств элементов, которыми распространяются отображения и структурой элементов (такостями строев и волн) которых

¹⁾. «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 251—252.

фиксируются и передаются очертания границ различий объективного, различными последствиями воздействий которых на орган чувств и обуславливается и зеленость, и различие в оттенках этой зелености, и отличие зелености от иных цветов.

«Попадающие в нас молекулы пахучих веществ вследствие явления резонанса погашают колебания молекул пигмента, покрывающего поверхность обонятельного органа, и тем вызывают ощущение запаха.» ¹⁾ Сохраняет истинность такое выборочное словосочетание Гегеля: «Таким образом, видимость — «феномен» (в учении) скептицизма или же «явление» (в учении) идеализма — это такая непосредственность, которая...; вообще не есть такое безразличное бытие, которое существовало бы вне своей определенности и соотношения с субъектом.» ²⁾ Но непосредственно чувствующийся субъектом результат взаимодействия объективного и субъективного ощущается; и в процессе воспринимания этих ощущений выявляются границы между интакто чувствующимися элементарными ощущениями в их комплексах, чем и выявляется архитоника восприятия, в которой отображается идеальное содержание объективного предмета.

В результате взаимодействия объективного и субъективного в процессе восприятия идеальное содержание отображений, распространяющееся структурами строев и волн множеств элементов соответствующих уровней сложности, переходит на множества таких же или более сложных (или менее сложных) элементов тела и субъективной реальности субъекта, последственными движениями, функциями, проявлениями которых оно распространяется дальше в форме чувственно воспринимающегося образа (видимости). Понятно, что очертания строя множества множеств может отчичаться от очертаний строев отдельных множеств, составляющих собой это множество множеств; подобно тому, как линия переднего фронта стрелковой роты может быть в виде клина несмотря на то, что строи всех ее составляющих стрелковых отделений будут иметь форму прямолинейно развернутой цепи, или как, говоря словами Э. В. Ильенкова: «Замысловатая форма

1). М. Н. Руткевич. «Диалектический материализм». Изд. «Мысль», М., 1973 г., стр. 218.

2). Гегель. «Наука логики». М., 1971 г., т. 2, стр. 14.

готического собора совсем непохожа на форму кирпича, из множества которых он построен...»³⁾). Чувственность, вызываемая объективными реалиями в чувствующем, может быть испытана чувствами как феномен актуального чувствования, но может быть познана и другими формами познания и как следствие выведения знания ее вызывающих образований и процессов из знания соответствующих исходных элементов, что еще будет выясняться.

Цвет или боль есть такости чувствования, обусловленные и субъективным; и если они даны нам лишь в ощущении, а не в восприятии, то действительно мы не можем сказать что-нибудь больше, кроме того, что видим или чувствуем такой-то цвет или такую-то боль, и не знаем и знать не можем не только природы этого цвета или боли, но и очертаний того, из или от чего они исходят. Лишь переход к познанию восприятием позволяет избавиться от этих неясностей, а переход к познанию мышлением позволяет избавиться и от прочих неясностей. В размышлениях над этим вопросом Декарт предлагает на неуловимое и таинственное ничто, дающее опору и чувствам и разуму и открывающее собой дорогу к истине, но не видит его, ибо оно есть ничто между различающимися нечто и не может быть видимым само по себе. Подобно тому, как дневным светом ослепляются летучие мыши, так чувственностью ощущений в восприятиях отвлекается наш разум от ничто. Декарт даже замечает какую-то инакость в чувственном познании формы тела и его окраски, но не замечает и не вскрывает здесь сути ощущения и восприятия как разных форм чувственного познания и сути их различия. Вот его рассуждение: «Величины, фигуры и пр. познаются совершенно иначе, нежели цвет, боль и т. п. ...расположение частей, длительность, число или прочие свойства ... ясно воспринимаются во всех телах; совершенно иначе познает(ся) в том же самом теле цвет, боль, запах, вкус или что-либо другое, относящееся к чувствам. Ибо хотя мы, видя какое-либо тело, не менее уверены в его существовании, воспринимая в этом случае его цвет, чем воспринимая ограничивающие его очертания, однако несомненно, что мы совсем иначе познаем

а). Э. В. Ильенков. «Проблема идеального», ж. «Вопросы философии» № 6, 1979 г., стр. 132.

то его свойство, на основании которого говорим, что тело скорее имеет фигуру, чем то, которое заставляет нас видеть его окрашенным». ¹⁾

Об исключительной полезности учения о чувствах и восприятии, которое признавалось нуждающимся в более глубоком развитии, о необходимости исследования различия восприятия и чувства убедительно написано у Ф. Бэкона. По неосведомленности именно в этой области приписывают душу всем телам и не понимают, что же она собой представляет; не понимают, может ли и каким образом может происходить произвольное движение без участия чувства, может ли и как может существовать чувство без души и что же оно собой представляет, возможно ли восприятие без участия чувства. «Ведь ни одно тело, приближенное к другому, не может ни изменить его, ни измениться само под его влиянием, если этому действию не предшествует взаимное восприятие. Тело воспринимает пути, которыми оно проникает внутрь; воспринимает силу другого тела, которому оно уступает; воспринимает, отходя назад, удаление другого тела, которое его удерживало; воспринимает разрыв своей целостности, которому оно определенное время сопротивляется. Словом, всюду существует восприятие». ²⁾

Мы исследуем развитие процесса отражения и приходим к восприятию как к форме чувственной ступени познания, смысл которой определен и уяснен в предшествующем параграфе. Может ли восприятие как форма отображения иметь место и в процессах отражения систем иных уровней сложности и иной организации структур своих элементов, чем человек? Мы уяснили уже, что в отражении одна система может принимать в себя отображение другой системы и в результате этого изменять внешнее проявление своей целостности. Восприятие это или просто прием отображения? Если что-то в своем развитии, как, например, процесс отражения, проходит различные стадии и достигает различных состояний и проявлений на различных этапах, развиваясь при этом то постепенной эволюцией, то радикально преобразуясь скачком, то все дело в установлении того, с какого этапа это развива-

¹⁾). «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 252.

²⁾). Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1971 г., т. 1, стр. 287.

ющееся называть так-то, а с какого этапа, т. е. с появлением каких новшеств и сложностей, называть иначе. Нам сейчас ясно, что фрагменты структуры-ничто объективного предмета в результате процесса отражения отображаются, фиксируются в границах изменений структуры элементов окружающей среды, а распространением границ этих изменений — при сохранении неизменности их форм — отчуждаются в виде отображения от отображающегося в нем тела. Далее это отображение распространяется элементами среды по мере сохранения своей структуры-ничто, меняя при этом слой за слоем элементы, передающие собой идеальность этого отображения в неизменном состоянии или изменяя, что зависит от свойств элементов среды и связывающей их структуры, от условий в канале распространения отображений. Это отображение, выходя из среды, как из канала связи, и доходя до субъекта, при помощи его ощущений и восприятия (через восприятие или восприятием) входит в субъект. Посмотрите как близко около истинных смыслов начал гносеологии и реальности бродит Р. Декарт: «Все что подлежит нашему восприятию, я делю на два разряда: в первый входят вещи, имеющие некое существование, во второй — истины, которые вне нашего мышления — ничто...» ¹⁾. Ведь идеальное отображения и есть ничто — вне нашего мышления и в нем. Благодаря идеальной структуре-ничто и оказывается возможным отображение на расстоянии, восприятие и, как мы это выясним, истинные результаты мышления.

Объективная вещь в себе существует вне субъекта и независимо от него там и до тех пор, где и пока она не субъективируется, не усваивается структурой элементов тела субъекта, не попадает в какую-то зависимость, под какое-то влияние от него. Но она может воздействовать на органы чувств субъекта или непосредственно, или через индуцирование своих отображений. И если результаты этого воздействия достигают порога чувствительности, то эта вещь и будет отображаться в чувствах субъекта. Согласно Канту объективная «вещь в себе» ни в малейшей степени не входит в содержание наших ощущений. Здесь то и получается пропасть между «вещами в себе» и нашими восприятиями, если не признавать наличия идеального ничто, не понимать его гносеологической и онтологической функции и если мыслить монисти-

ческой логикой, — пропасть, за которую и хватаются агностики, которую всячески они обосновывают, углубляют и отстаивают. И на самом деле, если бы мы не знали сущности идеального в отображениях, исходящих от всякой «вещи в себе», его способности отчуждаться, распространяться, входить и выходить, меняя несущие его элементы и сохраняя соответствие своей формы с формой в нем отображающегося, то проблеме присутствия объективного содержания в субъективном знании решить невозможно. Но мы теперь знаем, что все материально-идеальное объективного предмета остается вне субъекта а восприятием субъект выявляет идеальную структуру-ничто отображения этого предмета, которая передается к его сознанию распространением изменения состояний структуры элементов и объективной реальности и субъективной реальности, сохраняя или искажая отображения по разному на разных участках его распространения в зависимости от особенностей среды, от свойств того канала связи, которым оно феноменами явности входит в сознание в форме архитоники такостей ощущений, т. е. в идеальной структуре-ничто восприятия. Чувственность, данная сознанию субъекта в восприятии, конечно, синтезирует или содержит в себе ощущения, но взаиморасположения всех такостей их по времени и пространственно предопределяются границами-ничто между чем-то различающимися результатами взаимодействия объективного предмета, восприятием познающего, и органа чувств субъекта, воспринимающего последствия взаимодействия с этим объективным предметом или с отображениями, из и от него исходящими. А т. к. и поскольку различности объективного воздействуют на один и тот же участок однородного в себе сенсорного поля органа чувств, воспринимающего это воздействие этого предмета познания, то выявленной границ различных такостей в чувственных данных в процессе восприятия и выявляется объективное содержание субъективных результатов чувственного познания с учетом шумов, привносимых каналом связи объективной и субъективной реальности. Субъект не формирует в своей чувственности архитонику восприятия, а выявляет ее такой, какова она поступает от отображающегося в восприятии. Это существенное для восприятия как формы чувственного познания в отличие

от других форм познания. Идеальная архитоника восприятия, которой разграничиваются различные такости комплекса ощущений, не предшествует в восприятии чувственному опыту и снимается и исходит из и от объекта, а не из субъекта, как это изображает Кант, выдумывая для этого чистые формы априорного созерцания. Идеальное в восприятии принимающемся образе, видении, знании не может вноситься субъектом из себя, если речь идет именно о процессе восприятия и о его идеальном архитоническом результате, а не о представлении и пр.

Умные мыслители древности, когда система знания была еще молодая и не была еще так раздута, засорена и заслонена различными предрассудками и наукообразными примыслами, когда логика познания еще не была так запутана, как теперь, и когда еще не так давили накопившиеся предрассудки и мнения авторитетов, открыто и непосредственно выражали свой свежий взгляд на мир как он есть. Как свидетельствует Теофраст: «Видение, — по мнению Демокрита, — возникает от отражения... Отражение не прямо возникает в зрачке, но воздух, лежащий между глазом и видимым (предметом), получает отпечаток, сдавливаясь видимым и выдающим. Дело в том, что от всего всегда происходит некоторое истечение»¹⁾. А от Аэция узнаем мы, что «Левкий, Демокрит, Эпикур полагают, что зрительное восприятие происходит вследствие вхождения образов».²⁾ Нам теперь понятно, что не образ входит в субъект а в результате взаимодействия соответствующих органов чувств субъекта с соответствующими объективными структурами элементов в процессе восприятия у субъекта формируется комплекс ощущений, архитоникон которого и снимается и фиксируется структурани-что объективного предмета.

Разберемся в следующем рассуждении Фихте (³⁾): «Я рассматривает некоторое не-Я, и ему при этом не присуще ничего более, кроме рассматривания»... Значит сознание субъекта получает какой-то феномен яичности, какую-то чувственную или ту, которую имеет в виду Фихте, данность как

1). «Антология мировой философии». М., 1669 г., т. 1, стр. 334.

2). Там же.

3). «Антология мировой философии». М., 1971 г., т. 3, стр. 215.

не-Я, как рассматриваемое, и так приковано к ней своим рассмотрением, что «ему при этом не присуще ничего более, кроме рассматривания». «Оно полагает себя, — читаем далее, — в рассматривании, как таковом, совершенно независимо от не-Я: Вот уже и ошибка. Как же оно может полагать себя в рассматривании независимо от рассматриваемого? Наоборот, возможность полагать себя в этом рассматривании оно получает именно благодаря наличию рассматриваемого. Для того, чтобы субъекту быть рассматривающим, необходимо рассматриваемое и процесс рассматривания. Для того, чтобы осознавать себя как воспринимающее, необходимо воспринимемое и процесс восприятия. Далее Фихте пишет: «Оно созерцает по собственному почину без самонаименования принуждения извне»; это возможно; далее мы будем толковать об этом. Ведь я могу по собственному почину начинать и прекращать созерцание того, тогда и там, что, когда и где я могу созерцать и могу не созерцать. Но из этого вовсе не следует, что при этом я извлекаю созерцаемое из себя самого, как к этому выводу пытается привести читателя Фихте. Вот он как для этого изворачивает ход мысли дальше: «Оно полагает посредством собственной своей деятельности и с сознанием собственной деятельности один признак за другим в своем сознании...». Значит оно полагает себя «посредством собственной своей деятельности»? Значит Я как нечто одно без всякого иного может проявить свою деятельность и посредством этой деятельности осознать себя? Но как возможна деятельность деятельного без деяемого?! Посредством деяния в себе самом? Но деяние невозможно без деяемого. И если я действую в себе самом, то я действую собой над чем-то иным, т. е. Я действует над не-Я, я действую своим телом над тем, что к так действующему телу не принадлежит. Значит оно объективное по отношению к так действующему субъективному. Может возражать здесь тем, что, де, возможно действие действующего без того, на что или по отношению к чему действующее действует? Попробуйте дать такой пример?! Движение движущегося в пустом пространстве? Но то, во что или на место чего движется движущееся нечто, ведь тоже есть нечто, хотя и иное, чем то, которое движется! Таким образом, полагать себя посредством только собственной своей деятельности невозможно. Субъективное Я может вы-

явиться и осознаться только в результате проявления несоответствия, инакости движения структуры элементов субъективного и структуры элементов объективного, вследствие чего производится энтропия соответствующих элементов и чувственная данность не-себя, дающая субъекту феномен его яйности.

Далее Фихте ведет объяснение так, что субъективное Я, получающее самополагание посредством собственной деятельности без самонаименьшего принуждения извне, с сознанием собственной деятельности полагает один признак за другим в своем сознании. «Но оно полагает их как отображения чего-то вне его сущего». Значит Я выявляет признаки один за другим в себе самом и «полагает их затем как отображения чего-то вне его сущего»?! Но когда сознание выявляет один признак за другим в осознающей им яйности, проявляющейся в результате взаимодействия сознания, тела и среды, то это же не в себе оно выявляет, а в своей яйности, которая окружает его и которая дается ему как все то, что получается в результате взаимодействия объективной среды, тела и сознания субъекта и что оказывается таковым, что в состоянии вызвать чувствующиеся феномены яйности. Ведь сознание и Я (яйность) не одно и то же, ибо в противном случае (если они одно и то же) невозможно сознанию субъекта получать и различать какие-нибудь признаки, ибо чувственность не может проявиться сама в себе и для себя, а значит невозможно и достижение самополагания. Необходимо чувствующее, чувствующееся и процесс чувствования. Следовательно ошибочны, ложны те исходные позиции и смыслы тех начал, из которых Фихте пытается вывести объяснения развития реальной действительности. Далее Фихте пишет: «В этом вне его наличном нечто отображенные признаки должны обретаться действительно, и притом отнюдь не в силу положенности их в сознании, а совершенно независимо от Я, согласно своим собственным, в самой вещи обоснованным законам». Здесь Фихте работает уже известной нам логикой самопревращения Я в не-Я и рассмотрения яйностью в не-Я себя самой уже как объективного, и таким образом вымучивает подобие объяснения и этим пытается убедить других в истинности начал своей объяснительной системы.

«Не-Я не порождает в Я созерцания, Я не порождает

природы не-Я, но оба они должны быть совершенно независимы друг от друга; и все же между ними должна существовать глубочайшая гармония». Значит Я производит свои созерцания в себе, из себя и своей собственной деятельностью без самонаименованного принуждения извне; но производит так, что природа произведенного им независит от Я, т. е. из монистического субъективного начала монистической логикой выводится объективное, в результате чего и эта логика и ею выведенное получают фиктивными, софистическими.

А вот еще такое суждение: «Нет внешних чувств, ибо нет внешних восприятий» (Фихте, там же, стр. 234). Как это: «нет внешних чувств»? По отношению к чему внешних? А чувства вообще-то есть? или нет и чувств? Если чувства есть, то чувства чего? Чувства субъекта? Далее, если у субъекта есть чувства, то они есть лишь тогда и лишь потому, что он что-то чувствует?! Значит он испытывает какую-то та-кость чувствования?! Значит в нем есть то, что чувствует, есть и то, что чувствуется! Нельзя отождествлять то и другое. Если есть нечто и если оно как-то проявляется, то это возможно лишь тогда, когда есть и иное, по отношению к которому это нечто проявляется. Восприятия одного субъекта есть внешними для другого субъекта, а восприятиями данного субъекта, не являющимися ему внешними, воспринимается внешнее. Далее Фихте пишет: «Есть только внешнее созерцание». Значит чувств внешних нет, ибо нет внешних восприятий, а созерцание внешнее есть?! Вот так логика! Чувствовать или воспринимать внешнего я не могу, ибо нет внешних по отношению ко мне чувств и восприятий, а созерцать могу? Но если субъект созерцает, то именно этим созерцанием он и выявляет себя как иное по отношению к тому, что им созерцается; следовательно, если есть созерцание, то есть созерцающее и есть ему иное, им созерцающееся. А Фихте далее пишет: «Это внешнее созерцание, это знание, являющееся вне субъективного знания и предносящееся ему, есть не созерцание вещи, но сама вещь, и другой вещи нет». Значит созерцание есть знание и знание вне того, кто знает? И это знание «есть не созерцание вещи, но сама вещь и другой вещи нет»; следовательно, нет ни нужды, ни возможности познать внешний мир и себя, а есть знание вне нас, предносящееся нам и никакого сомнения в этом знании и быть не

может, т. к. его даже сопоставлять не с чем, ибо это знание и есть сама вещь. Вот что хотел доказать Фихте. Начав с дуалистического начала Я и не-Я Фихте приходит к монистическому тождеству знания и известного, субъективного и объективного и наводит читателя на пассивное принятие всякого знания, предлагающегося ему, чтоб отвлечь его от искательства наиболее истинного и прогрессотворного. От утверждения, что «нет внешних чувств, ибо нет внешних восприятий», Фихте приходит к утверждению, что «Благодаря этому внешнему созерцанию являются для нас внешними само восприятие и чувства». Значит чувства и восприятия есть внешние, но через и благодаря внешнему созерцанию, которое есть внешнее знание? И оказывается в итоге, что все является внешним. А зачем же было утверждать что внешнего чувства и восприятия нет?! Да чтоб отвернуть человека от познания правды не только мышлением, но и чувственностью; чтоб убедить, что и знание и чувственность есть такие-какие есть и какими они предлагаются тебе извне и сверху или от мзодателя. Отвлечь и успокоить как-то лужно недовольных и правду ищущих. Для этого и объясняют ему картину мира: все идет сверху, от внешнего знания, от внешней идеи, от мзодателя к каждому из нас через созерцание, а из последнего наши чувства и восприятия. Поднимешься против — так сотрет тебя в порошок эта внешняя предопределенность или, в лучшем случае, лишишься мзды.

И сейчас столь же назойливо и с тем же широким использованием средств массовой информации, какое применяется обычно на Западе для рекламы нового стирального порошка или жевательной резинки, пропагандируется как некое откровение возврат к традиционному «англо-саксонскому вкусу» в области мышления: не утруждайте, мол, себя попытками анализировать социальные процессы, пусть все идет, как идет, и да здравствует голый практицизм», — пишет Юрий Жуков в газете «Правда» за 30.10.78 г. в статье: «Псевдотеории «нового мышления»».

II

«Надо тщательно отличать ощущение от причиняющего его предмета, например ощущение белого от белого предмета, надо отличать его и от качества белизны, которое мы приписываем предмету на основании производимого им ощущение».

ния», 1) — говорит Д. С. Милль. Но как? Посредством чего? Ведь сознание не может оставить создающие и окружающие его яйность и тело, чтобы вступить в процесс взаимовлияний с предметом познания непосредственно, не через тело и яйность, т. к. вне живого тела и без того, что мы назвали яйностью, сознание не может образоваться, поддерживаться и выполнять свои функции. Сознание, вследствие сути и состояний своего состава и жизнедеятельности его создающего, окружающего, сохраняющего и воспроизводящего организма, поддерживается в том особом состоянии, благодаря которому оно и вступает во взаимодействие и этим и выполняет соответствующие влияния на окружающих его яйность и тело и само испытывает влияния от них. Вне организма, его создающего, окружающего, охраняющего и воспроизводящего, образование, сохранение и выполнение функций сознания невозможны. (Все, здесь остающееся еще неизвестным и непонятным, познается и выяснится в «Логох...»). А ощущение дает лишь субъективизированную (субъективностью окрашенную) такость проявления этого объективного по отношению к этому субъекту. Я ощущаю белизну листка бумаги. Могу ли я отделить ощущение этой белизны от этого листка бумаги, не меняя условий взаимодействия ощущаемого и ощущающего? Нет, не могу, т. к. этот листок бумаги дан моему сознанию именно ощущением белизны, приходящим к моему сознанию в восприятии выявленных очертаниях и оттенках. Достаточно изменить среду канала связи, смотреть, например, через зеленое стекло, и тот же листок бумаги предстает для меня иным, — зеленым: потому, что отображение фиксируется строями (волнами) множеств соответствующих элементов, исходящих от этого листка бумаги, а проходя через стекло строи (волны) этих или вместо них вставших элементов соответствующим образом изменяются. Оторвать мое такое-то ощущение от того, что его вызывает, с сохранением этого же ощущения во мне и с устранением предмета, вызвавшего это ощущение, невозможно. Именно ощущением нам дан (мы обнаруживаем) объективный предмет, вернее, нам дан соответствующий результат процесса взаимодействия ощущающего органа с этим предметом или с его отображением; а восприятием мы можем выявить его

1). «Антологи мировой философии». М., 1971 г., т. 3, стр. 597.

объективную идеальную архитонику. Отличать чувственно ощущение от того объективного, что вызывает у чувствующего это ощущение, невозможно; но ощущение позволяет чувствующему отличать себя от ощущаемого; а восприятие уже дает возможность, кроме того, сличать и различать ощущение с тем предметом, который его вызывает, т. к. восприятием выявляются различные такости ощущений и комплексом такостей ощущений фиксируется идеальная форма, снимающаяся в результате процесса воспринимания с объективного предмета. Если же мы отличаем ощущение от ощущаемого, то при этом мы имеем дело уже не только с ощущением, а и с представлением или понятием (эти формы познания нам еще предстоит уяснять и переосмысливать). А если я реально ощущаю, то некоторая структура элементов моего тела имеет реальное соприкосновение с чем-то иным, объективным, ей не принадлежащим. И любое здесь возражение субъективных идеалистов, устраняющих объективное отождествлением объективного с субъективным, или объективных идеалистов, устраняющих субъективное отождествлением субъективного с объективным, неотвратимо опровергается. Все признаки различных предметов репрезентируются в наших чувственных данных, вызывающихся и формирующихся в нас вариациями такостей ощущений и такостей очертаний идеального архитоники восприятий, получаемых нами в результате соприкосновения и взаимодействия объективного и субъективного.

«Таким образом, — писал Гольбах, — по отношению к нам материя вообще есть все то, что воздействует каким-нибудь образом на наши чувства, а качества, приписываемые нами различным веществам, основываются на различных впечатлениях, или изменениях, производимых в нас этими веществами»¹⁾. И это суждение отчасти истинно. Но следует учесть новый смысл материального и реального, — учесть, что любое материальное всегда имеет вокруг себя идеальное как конец себя и границу с иным. У Гольбаха по сути дела речь идет о чувственных последствиях взаимодействия и взаимовлияния объективной и субъективной реальности. Но и при этом следует учесть то, что объективная реальность не исчер-

1). «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 678.

пывається тільки всім тём, вплив чого на наші органи чутств як-нібудь чутвуются. Вель єсть все остальное (отдаленное, все очень простое (разрозненні елементи мікромира) или очень сложное реальності и пр.), что или не впливует на наші чутства, или эти впливы столь слабые, что не возбуждают чутствительності и не вызывают чутвуемости. Кроме того, следует осторожно относиться к приписыванию качеств вѣщам по впечатлениям, производимым ими на нас, т. к. здесь возможны ошибки из-за принятия субъективного за объективное и наоборот. Объективным вѣщам мы должны приписывать лишь только то из произведенных ими в нас воспріятійных впечатлений и приписывать только так, что и как єсть на самом деле в объективной реальности, а субъективному мы должны приписывать то и так, что и как єсть в субъективной реальности.

Так называемый закон специфических энергий внешних чутств, сформулированный физиологом И. Мюллером, согласно которому ощущение не єсть доведение до сознания качества или состояния внешних тел, а єсть вызванное внешними причинами доведение до нашего сознания качества или состояния наших нервов, правильно выражает процесс отражения и распространения отображения, которое с переходом этого распространения через элементы нашего тела перед нами и для нас предстает ощущениями в воспріятии. Но из этого вовсе не следует, что мы не имеем возможности чутствами истинно познавать внешнее, объективное. Напротив, именно благодаря ощущению и воспріятию, мы не только познаем объективное, но и устанавливаем истинность знания, добытого иным способом. «Человек не мог бы биологически приспособиться к природе, — писал В. И. Ленин, — если бы его ощущения не давали ему объективно-правильного представления о ней»¹⁾. Объективное возбуждает, аффицирует в субъективном чутственность. Объективное множество элементов, несущих отображение этого предмета, может и заменяться элементами, извлекающимися из тела субъекта, а несомое им идеальное (границы между различными элементами или их волнами и строями), сохранившее при этом существенное своей формы без изменений или без значительных изменений, остается объективным в том

1). В. И. Ленин. Полн. соч., т. 18, стр. 185.

смысле и в той мере, в какой в нем сохраняется соответствие с соответствующим объективным предметом. Идеальность в архитектонике чувственного восприятия и в структуре объективного отображения есть ничто и отличаться или совпадать она может размером и формой тех изгибов и прерывов, которыми обособливаются инакости, объективные и субъектом в восприятии выявленные. Структуре-ничто еще объективного отображения и потом структуре-ничто этого же отображения, но уже субъективировавшегося в форму восприятия, нечем сличаться и отличаться друг от друга, кроме только соответствием и несоответствием их форм, ибо они есть ничто и только, хотя и несомые разными элементами. Следовательно, идеальность отображения, распространяющегося по каналу связи, затем входящего в тело субъекта и становящегося архитектурой комплекса различных ощущений, выявляющейся в процессе воспринимания восприятием, сохраняет соответствие с очертаниями границ между объективно отличающимися участками объективного предмета, конечно, в случае и в меру отсутствия шумов в канале связи, нарушающих это соответствие. А не выявленные субъектом объективные очертания между объективно отличающимся в этом предмете или в исходящих от него отображениях восприятием, как формой чувственного познания, не познаются. Идеальность отображающегося предмета исходит от него и входя в нас и, даваясь нам идеальностью архитектуры восприятия, соответствием своим несет и дает нам истинность знания, содержащегося в этом восприятии, истинность и ясность, отчетливость которого зависит от среды распространения и от тщательности выявления ее в процессе восприятия, а глубина и подробность которого, кроме того, зависит от особенностей строения и уровней сложности чувствующего тела и от чувствительности нашего тела к различению инакостями ощущений объективных инакостей в ощущающемся. Следовательно, не одни только ощущения мы познаем, а познаем мы и внешний мир через ощущения и благодаря ощущениям, производимся в нас в результате взаимодействия наших органов чувств с внешним миром и в результате вхождения объективных отображений и несущихся ими идеальных структур-ничто в субъективную реальность соответствующего организма. «...Будущая философия, — предвосхищая свою современность писал Л. Фейербах, — напротив, мыслит в тесном

согласии и мире с чувствами ... будущая философия ... совершенно сознательно и радостно признает истинность чувственности; она откровенная чувственная философия». ¹⁾).

Конспектируя книги Гегеля «Лекции по истории философии» В. И. Ленин выписал и подчеркнул следующее: «С поверхности предметов исходит непрерывный поток, который не заметен для ощущения». Далее, в этой подчеркнутой выписке теории познания Эпикура, находим: «Следовательно, от них переходит нечто такое, что в нас является чем-то таким, как внешнее». «И вследствие того, что истечение входит в нас, мы знаем об определенности того или другого ощущения; определенное находится в предмете и перетекает таким образом в нас²⁾». Вот то, «что в нас является чем-то таким, как внешнее», и есть очертания, форма идеальной структуры — нечто отображения. Именно отчуждаемость структуры — нечто от отображающегося в ней предмета и способность сниматься со структуры множества одних элементов и фиксироваться в структуре множества других элементов понятным образом позволяют реализоваться уникальным феноменам, присущим психическим формам отображения, таким как: воспроизведение верного образа одной вещи — отображающегося объекта в другой вещи — в отображающем органе, но без того, чтобы это место образа реально занимал собой отображающийся в нем объект; предметность или «объектная» структура комплексов субъективных ощущений. Л. М. Веккер из-за незнания истинной сути (нзвого смысла) идеального и его онтологической и гносеологической роли, работая монистической диалектикой и испытывая непреодолимую трудность в объяснении психических процессов, вынужден придерживаться мнения, согласно которому «есть, по-видимому, основания предполагать, что в закономерностях состояний субстрата, являющихся материалом формирования психических структур, мы сталкиваемся с частным случаем таких состояний взаимодействия этого субстрата с объектом, которые от этого взаимодействия принципиально не могут быть полностью абстрагированы, аналогично тому как нельзя «безнаказанно» отвлечься от состояний взаимодействия прибора с

1). Л. Фейербах. Соч., М.—П., 1923 г., т. 1, стр. 123.

2). В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 264—265.

объектом в области квантовой механики.»¹⁾

«...Чтобы не существовали те предметы, которые вызывают чувственное восприятие, хотя бы самого восприятия и не было, — это невозможно. Ведь чувственное восприятие, конечно же, не воспринимает самого себя, а имеется и нечто иное помимо восприятия, что необходимо पहले его...»²⁾.

Ранее было уяснено, что среда со слабо взаимосвязанными элементами хорошо передает собой отображения, но плохо их сохраняет, а твердые структуры элементов хорошо сохраняют полученные отображения, но плохо распространяют их. А поэтому, если мы имеем восприятие, то до тех пор, пока мы имеем или можем опять и опять получать это восприятие, до тех же пор и тот предмет, который отображается в этом восприятии, есть на самом деле и есть таким для нас, каким он отображается в наших восприятиях его. Следовательно, если сознание, находясь в заточении своего тела и не выходя из него, получает восприятие, то это удостоверяет владельца этого сознания в том, что есть канал связи, по которому отображение доходит до его сознания, и что есть объективная реальность, индуцирующая это отображение на противоположном конце этого канала связи. И если при этом мы имеем возможность вновь и вновь получать восприятия с одинаковой архитектурой одинаково чувствующихся ощущений, то это говорит о том, что вызывающие их такости состава и взаимодействий соответствующих реальностей (объективной и субъективной) сохраняются, — это говорит о том, что объективные предметы есть и они настолько неизменны в очертаниях идеальных границ их составляющего объективно взаимоотношающегося, насколько неизменно идеальное восприятие, составляющего комплексом ощущений, различия в такостях которых и очертания идеальной архитектуры комплекса которых выявляются субъектом в процессе воспринимания. А через изменение такости наших ощущений, заполняющих собой архитектуру восприятий, и через изменения этой архитектуры мы можем познавать и изменение объективной и субъективной реальности. «Иначе, как через ощущения, — писал В. И. Ле-

1). Л. М. Веккер. «Психические процессы». т. 1. ЛГУ, 1974 г., стр. 27.

2). Аристотель. Соч. в 4-х томах. М., 1976 г., т. 1, стр. 139.

нин, — мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем.» ¹⁾

В результате всего предшествующего и последующего неопровержимо доказывается и убедительно объясняется наличие объективной и субъективной реальности и их познаваемость.

«Созерцайте же природу, — писал Л. Фейербах, — созерцайте человека! Здесь перед вашими глазами вы имеете тайны философии». ²⁾

§ 4. Память.

1

Исчерпывающее и несомненно и неопровержимо истинное знание о сути состава и структуры того образования, которое выполняет функции сознания, мы достигнем выведением его из начал, к открытию и окончательному познанию смыслов и состава которых мы и продвигаемся. При изложении нижеследующего, правда, уже используются результаты всего исследования, включая и изложенное в «Логиках...». Но выводимость нижеследующего получается и из предшествующего, уже изложенного в «Прологах...».

Сознание особым образом образуется из протяженных элементов реальности вследствие жизнедеятельности его окружающего, его создающего и воссоздающего и им обладающего организма и пронизывающей его среды, но из элементов такой сути, такого глубинного уровня сложности и при таком состоянии им составляющегося, что оказывается протяженным, пронизываемым и способным опричинивать и обуславливать специфическое взаимодействие со своим организмом и вследствие этого взаимодействия может перемещаться в среде головного мозга, пронизывая само и пропитывая собой структуру элементов организма и поляризуясь элементами, из организма в сознание входящими, может обуславливать активацию или угасание устремляющейся в него яяности (продукта взаимодействия сознания и его имеющего организма, проявляющегося феноменами чувственных данных, потоком феноменов психического), — может вызывать и обуславливать это и само обуславливается и опричинивается последствиями этого, может усиливаться, расширяться, растягиваться, менять поляризацию, форму и размер, плавать по

1). В. И. Ленин. Полн. собр. соч. т. 18; стр. 320.

2). Л. Фейербах. Соч., М.—П., 1923 г., т. 1, стр. 72.

подобно солнечному «зайчику» под влиянием функций его окружающего организма (подобно тому, как плазма перемещается, сжимается и растягивается при помощи электрических и магнитных полей). Субстанция, сознание составляющая, есть то, чем занимается место, из которого убывают воспринятую информацию несущие элементы, что является существенной противоположностью этих элементов (об этом узнаем все, что можно о нем узнать вообще, в «Логах...»).

Посредством яйности осуществляется взаимовлияние сознания на тело этим сознанием обладающего организма (а через него и на объективную реальность) и тела и объективной реальности — на сознание. И сама яйность является последственным продуктом этого взаимовлияния.

Идеальное архитоники восприятия выявляется в результате движения сенсорного (ощущенияетворного) поля органов чувств или всего организма субъекта относительно того предмета или тех отображений, взаимодействием с которыми вызываются такости ощущений и их границами и комплексом фиксирующийся архитонический образ восприятия, в соответствующей мере сохраняющий и несущий собой соответствие с отображающимся в нем предметом. Ведь множества элементов, составляющих или отображающих своими строениями и структурой соответствующий предмет, особенностями строев, силы и структуры взаимосвязи соответственно особенно воздействуют на элементы сенсорного поля и взаимодействуя с ними производят в последнем соответствующие различия в такостях ощущений и вследствие этого передают сенсорному полю отображение этого предмета, фиксирующееся границами такостей элементарных ощущений в результате воспринимания их или их комплексов, — формой идеального архитоники восприятия. Процесс выявления и воспринимания инварианта идеального в архитонике восприятия, идущего или воспринимающегося с отображающегося в этой архитонике предмета, сопровождается, обратите внимания, соответствующими движениями моторных эффекторов, в результате чего различия и границы различий воздействий в восприятии отображающегося будут различно попадать и на одинаковые и на различные элементы и участки сенсорного поля. И вследствие этого будет соответствующим образом изменяться взаимная структура и

интенсивность тех ощущений, комплексом и границами которых фиксируется идеальное архитоники восприятия, чем и осуществляется отображение субъективных движений чувствующего органа или всего организма в воспринимающихся чувственных данных, — осуществляется совмещение и связывание информации о структуре движений чувствующего органа (в основном в форме последственных изменений интенсивностей и такостей ощущений) с информацией, несущей инвариант идеального архитоники восприятия, отображающем предмет, восприятием познающийся (это в основном границы между различно чувствующимися ощущениями в их комплексах).

Вся информация, получающаяся в результате процесса восприятия, идет к сознанию из его окружающего и им обладающего организма и, вступая в соответствующий процесс проникновения в сознание, ориентации его внимания (=поляризации), взаимообмена и взаимодействия с ним, проявляется как чувственно-психический феномен существования ясности. Ту сторону сознания, в которую входит информация восприятия, будем называть воспрятийной стороной. То, что вызывает психологический феномен чувствования, начинает производиться в соответствующих нейроканалах соответствующего органа чувств, возбуждающихся в результате взаимодействия чувствующего с чувствующимся, и подходит к сознанию, вступает во взаимообмен с ним, активизирует его, проникает, возбуждает, настраивает, влияет на ориентацию и волнует его, осуществляет роль посредника во взаимодействии сознания и тела его содержащего организма. И в результате всего этого у субъекта проявляется феномен чувствования чувствующегося. Состояния сознания обуславливаются и опричиниваются не только информацией восприятий, но и другими органами, факторами и состояниями организма, в частности, силой напряжений и структурой такостей напряжений органов, посредством которых осуществляется процесс мышления и волнения, что выяснится окончательно в «Логгах...».

Инвариант идеального архитоники воспринимающейся информации выявляется лучше, если внимание сознания обращено на восприятие комплекса ощущений, фиксирующих

собой именно этот инвариант. Элементарные ощущения' проходят через сознание, составляя собой архитеконику воспринимающегося видения, в инварианте идеального которого отображается восприятием познающийся предмет; а в изменениях интенсивностей и такостей ощущений, фиксирующих инвариант идеального в отображении, модулируется субъектом вызывающиеся движения чувствующего органа. Вследствие всего этого воспринимающаяся информация несет в себе и отображения предмета познания и отображения движений органов и образований субъекта относительно восприятием познающегося предмета, производящихся им в процессе воспринимания. Феномены субъективных такостей чувствования, конечно же, образуются и проявляются только у субъекта, но фиксирующийся ими инвариант идеального (гранично-ничто между различно чувствующимися ощущениями) может сниматься с объективного, фиксироваться между другими элементами, распространяться и вноситься в субъективную реальность из объективной. Вот и получается возможность объяснения того, как возможно телеотображение, как возможно то, что субъективный образ, не выходящий за пределы его реализующих нейродинамических процессов, неотделимый от них, получает и содержит в себе информацию о внешнем объекте. Объяснить это в монистической логико-понятийной системе, при помощи только одной материи, невозможно, о чем свидетельствует и полемика Д. И. Дубровского и Э. В. Ильенкова и что признает и Л. М. Веккер. А без познания онтологической сути и развития тех процессов, которые и есть процессом познания и развитием так называемой духовной культуры, невозможно устранить теоретической базы для идеологизирующих политических группировок, вооружающихся различными идеологиями, не являющимися наистиннейшими и наиболее прогрессотворнейшими.

Проходя через сознание, информация восприятия предстает для субъекта его явностью, а реализующие ее последственные процессы способны влиять на органы и процессы мышления и воления, в результате чего осуществляется ориентация сознания и выбор сознанием особого из всего представляющего перед ним в восприятиях и сосредоточие внимания на выбранном, чем и реализуется прохождение выбранной информации восприятия через функциональный центр сознания

субъекта. Выбранный поток комплекса ощущений данного восприятия проходит сознание, активируя и волнуя его, и превратившись в воспринятое поступает на вход памяти (соответствующие структуры соответствующих элементов мозга различных уровней сложности и функциональных свойств: нейроны, глиальные клетки и пр. — это предмет исследования физиологии) и, передвигаясь в глубь его тела, избирательно разлагается, разрушается, деструктурируется благоприятиями и неблагоприятиями, создающимися сродственностью и несродственностью элементов и структур элементов памяти со структурами строев и волн элементов, несущих собой информацию восприятия. Воспринимающее проходяйностью через сознание превращается в воспринятое и заменяется в пространстве сознания тем, что приходит на его место в качестве продукта обмена с тем, куда проходят элементы, несущие воспринимающуюся информацию. Убытие положительного заряда замещается пополнением или прибытием отрицательного, если выражаться понятиями старой СНОЗ.

Деструктуризация восприятия происходит потому, что элементы, ййностью проходящие через сознание и вызывающие у субъекта этим прохождением соответствующее ощущение, являются той противоположностью для соответствующих элементов головного мозга, которая питает их, сливается с ними в единство и отождествляется с их телами, т. е. является источником сохранения их целостности и жизнедеятельности. Проходящее восприятием в орган памяти питает и выращивает своими элементами элементы и тело этого органа. Эта деструктуризация происходит прямо противоположным образом по сравнению с процессом оструктурирования ощущений и той архитоники целостного восприятия, на которой было сосредоточено внимание и которая проходила через сознание в органы памяти, и одновременно сопровождается процессом (или вызывает процесс) соответствующего оструктурирования элементов органа памяти, которые в результате соответствующих взаимоперемещений взаиморасполагаются, взаимоподлаживаются, взаимосвязываются и объединяются в более сложные образования со структурой между различно объединяющимися элементами, фиксирующей идеальное архитоники восприятия и в некоторой степени

соответствующей деструктуризирующей структуре воспринимаемой информации. Процесс оструктурирования органа памяти есть и причина и следствие деструктуризации восприятия, так же как и деструктуризация восприятия есть причина и следствие оструктурирования или структуризации элементов органа памяти.

Последовательность деструктуризации воспринимаемой информации противоположна последовательности оструктурирования ее в ту структуру, в которой она проходила к и через сознание субъекта: что последним накладывалось на структуру воспринимаемой информации, то первым и легче снимается с нее при поступлении ее на вход, в структуру элементов органа памяти, и наоборот, что первым закладывалось в структуру информации и сохранялось в ней, то последним и наиболее прочно фиксируется в структурах элементов памяти.

Если архитоника восприятия дает субъекту объективное средство для различения разных и опознания одинаковых предметов, расположенных в разных местах окружающей среды, и дает возможность субъекту сосредоточить внимание своего сознания на приеме потоков того комплекса ощущений, которые заполняют собой выявленную и выбранную для приема архитонику данного восприятия, то в процессе деструктуризации она (архитоника восприятия) дает органу памяти столь же объективное средство (внешнее для структуры элементов органа памяти) для адресации всего восприятия и его фрагментов и элементов в соответствующие места своего тела благодаря преимуществу для соответствующих информационных структур, создающихся им родственными структурами элементов памяти. Структура воспринятого, поступившего на вход органа памяти, обуславливает собой проходимость по тем проходам этого органа, структура которых противоположно-сродственно соответствует проходящему, и непроедимость по ей несоответствующим (несродственным) проходам, чем и обуславливается то, что одинаковое воспринятое одинаковых восприятий адресуется преимущественно в одни и те же области органа памяти. Нарушение или соблюдение этого уже зависит от устойчивости, совершенства и достаточной «проторенности» и «подогнанности» каналов и проходов прохождения и структуры элементов воспринятого.

В процессе деструктуризации воспринимающейся информации на соответствующие структурные фрагменты, вплоть до воспринимающихся элементарных ощущений, вся объективная архитектура восприятия снимается и оструктурируется между соответствующими элементами и участками органа памяти. Далее, воспринятые элементарные ощущения, оставаясь в своей простейшей структуре и этим обуславливая адресацию составляющего эту структуру ощущающегося по соответствующим проходам к соответствующим элементам органа памяти, множества элементов, которые вызывали ощущения, питают соответствующие элементы памяти, вызывая соответствующие передвижения их, и в результате освобождаясь от той структуры-ничто, в которой они содержались, которая ограничивала их строю и волны в восприятии и которую передают они как элементы органа памяти, воплощают ее в структуру-ничто элементов органа памяти соответствующих уровней сложности и множеств, и или превращаются в тело элементов памяти, или проходят их и идут дальше. В итоге потоки различий ощущавшегося, фиксировавших собой идеальное архитектуры восприятия, по мере разложения и деструктуризации информации восприятия и адресуясь процессом избирательной деструктуризации к определенным наиболее сродственным местам, проходам и каналам органа памяти, поглощаются элементами памяти и в свою очередь еще более глубоко и дифференцированно оструктурируют их выпротивоположенным образом в обратной очередности по отношению к той своей структуре, которую они приобрели в результате отображения в них предмета и соответствующих движений органов субъекта относительно этого предмета или его отображений. Вся структура информации восприятия, отображающая в себе объективное и субъективное, фиксирующаяся и несущаяся строениями и волнами элементов более низкого уровня сложности, деструктурируется и оструктурируется между и внутри элементов органа памяти более высокого уровня сложности, превращается в тождественную себе противоположность, в структуру элементов (плоти, мозга, бионов) органа памяти, фиксирующими формы границ-ничто лишь соответствующих строев и множеств элементов низшего уровня, а не границ-ничто единичных элементов этих множеств. Объективные элементы

инакостями своих движений производили, вызывали чувствительность в теле субъекта, когда они взаимодействовали с сенсорным полем и проходили по сенсонейронам в процессе восприятия. А проходя сознание и вступая в движение по каналам органа опыта они субъективируются, усваиваются и перестают вызывать чувствительность настолько, насколько у них снимаются инакости движения по отношению к соответствующим элементам тела субъекта и органа памяти.

Все те процессы и формы познания, при которых знание получается, фиксируется, преобразуется, распространяется и содержится в чувственных данных, в комплексах такостей ощущений, относятся к процессам и формам чувственной ступени познания. А когда процессы, реализующие собой познание, не сопровождаются чувственностью, не возбуждают ее собой, то такие процессы и формы не относятся к области чувственной ступени познания со всевозможными ее формами.

Таким образом, память — это не мистифицированный дух и не застывшее и неподвижное состояние чего-либо, а реальный живой специфической структуры специфических элементов орган, часть биовещества в организме субъекта со своим материальным и идеальным, со свойственным для нее процессом снятия структуры восприятий в свою структуру, что и обуславливает собой способность к запоминанию. Способность органа памяти сохранять и изменять взаиморасположения и взаимосвязи ее составляющих элементов определяет собой способность к сохранению и изменению уже принятых в память информационных структур. Эти способности в значительной степени предопределены свойствами элементов органа памяти, что зависит от условий развития человека на всех этапах и уровнях, включая наследственную и всякую предопределенность в фило- и онтогенезе.

Известно и общепризнанно, что головной мозг (и не только он) составляется из элементов различных уровней сложности и различных структурных форм и что количество их чрезвычайно большое, что практически обеспечивает собой все потребности в них и что структура всего тела головного мозга и его элементов является очень мягкой, гибкой, эластичной, способной к различнейшим структурным образованиям и к сохранению образовавшихся структур, а следовательно

но, к запоминаниям и сохранению самого различного, способ-
на к различным преобразованиям и изменениям, а следова-
тельно, к забыванию и обновлению запомненного. Сейчас уже
едва ли кто станет отрицать, что для понимания механизмов
восприятия, памяти и прочих психических процессов необхо-
димо исследование элементарно-функциональной структуры и
микроструктуры головного мозга и всех эти процессы реали-
зующих образований; чрезвычайно важные достижения исследо-
вания этого в логике понятий новой СНОЗ излагаются да-
лее и особенно в «Логиках...». Но уже ясно, как это следует
из сущности памяти, процесс запоминания будет проходить
более успешно тогда, когда, во-первых, все внимание скон-
центрировано на те восприятия, архитонику которых избрана
для запоминания; во-вторых, когда мы будем достаточное
количество раз и достаточно часто принимать одни и те же
комплексы ощущений в восприятии; во - третьих, когда ощу-
щения, заполняющие собой архитонику восприятия, будут
максимально яркие, сочные, эмоционально насыщенные, мак-
симально впечатляющие; в-четвертых, когда в процессе вос-
приятия одного и того же комплекса ощущений разнообра-
зием движений и позиций субъекта относительно объекта
будет выявляться и четко фиксироваться инвариант идеаль-
ного в выбранной для запоминания архитонике восприятия,
фиксирующегося данным комплексом ощущений или одного
какого - либо ощущения.

Только одной такостью оощушаемости — без выявления в
результате процесса восприятия границ этой оощушаемости,
без выявления никаких ощущений, соприкасающихся с первой
оощушаемостью, и границы-ничто между ними, — и про-
цессе запоминания не может обусловиться, т. к. в таком слу-
чае: нет идеальной формы, эту такость оощушаемости огра-
ничивающей; нет того, относительно чего отличается эта
одна неразличная в себе такость оощушаемости; нет того, по-
средством чего и что фиксируется в памяти (комплекс оощу-
щений, хоть чем-то различающихся между собой и форма
границы-ничто между ними). Именно этим можно объяс-
нить начинаемость приобретения опыта у индивида с его
рождением и после этого.

Идеальное структуры отображения, воспринятого от ка-
кого-нибудь первого замеченного предмета, которым для

только-что родившегося ребенка чаще всего является мать, поступает в память, к элементам которой до рождения почти не поступали восприятия с достаточно ярко, точно и отчетливо выявленной архитоникой, поскольку отсутствовало движение ощущающего относительно ощущаемого. Память ребенка фиксирует в себе идеальное структуры первого выобособившегося из среды предмета, очертания которого сразу же и становятся самым общим образом, к которому относятся все поступающее в последующем и по отношению к которому все отличается и отличением адресуется в иные места памяти. Чем менее развита способность к различению, тем более общим является первое запомненное и наоборот, чем более развита различаемость, тем менее общим становится запоминающееся.

Идеальное архитоники первой чувственно воспринятой информации первым фиксируется в памяти и благодаря своей первичности становится первым и самым общим образом для самосличения и самоотличения всего последующего, затем поступающего в память. И лишь по мере накопления информации в памяти и по мере развития способности к различению в память поступающей информации память обособленно фиксирует в структуре взаимосвязей и взаимосположений своих элементов всякие многообразия отображений, подобных или чем-то отличающихся друг от друга предметов. Так и разрастаются полушария головного мозга, ветвистой кроной дробясь на все более и более мелкие веточки и соцветия элементами составляющихся структур (как «дивный распускается цветок»).

А от повторения воспринимания таких же информационных структур, под влиянием предшествующего восприятия которых элементы памяти уже избирательно сродственно взаимосположились, взаимосвязались и зафиксировали эти информационные структуры, осуществляется упрочение этих структур (утристка, подстройка) выобобщение подобного во множествах единичных предметов. Так и обогащается информацией орган памяти, питаясь продуктами чувственных восприятий, подобно тому, как растет крона дерева или головка цветной капусты, питаясь соками земли, поступающими из корневой системы. Да ведь и на вид нервная система человека подобна дереву: центральный ствол и разветвления

кроны и корневой системы. И не следует стесняться, высокомерно чураться и не признавать этого подобия. Посмотрите на рисуночное изображение нервной системы человека в любом учебнике анатомии и физиологии человека и вы убедитесь, что вышевыраженное подобие налицо. Нужно смотреть, как говорят, правде в глаза! Что ж поделаешь — какое есть, такое и есть! Или как? Закрывать глаза и утверждать, что оно есть такое для глаз, и на самом деле не такое, какое есть? а есть какое-то невообразимо запутанное и непонятное? Что же, соглашаться с гегелевской диалектикой, согласно которой что-нибудь есть и не есть такое? О-о..., сторонники этой логики здесь будут искать возможности зацепиться, будут кричать: «Это вульгаризация! Огрубление! Метафизичность! Наш разум, столь возвышенный и столь идеальный, уподобляют дереву! Да так могут договориться даже до того, что сознание и мышление есть результат структурных процессов из атомов!» Интересно, что они еще скажут? А забеспокоятся потому, что узрят опасность полного раскрытия истины о познавательных возможностях человека. Ведь успех в познании истины зависит не от того, что мы будем стыдливо отворачиваться и уклоняться от признания и выяснения причин подобия формы дерева и нервной системы — этим можно только отвлечь познающего от познания истины, что и нужно ее врагам. Познание истины требует более глубокого и исчерпывающего познания системы дерева и нервной системы человека и выяснения общего для них и специфического у каждой из них. Такой результат познания затем и следует запомнить: общее того и другого следует зафиксировать в одном месте памяти, а различающееся специфическое того и другого — в других местах органа памяти. Необходимы творческое напряженное мышление, поиски, выявление и созидание и использование всех путей и условий для наиболее полного развития и расцвета познавательных способностей и творческих способностей человеческой личности.

II

Уяснив сущность памяти и процесса запоминания (на предварительном уровне, конечно), мы видим, что и в этих формах познания осуществляется обобщение, выявляются одинаковые структуры-ничто; при получении отображений

различных единичных предметов в процессе восприятия и запоминания они объединяются, отождествляются накладываются одна на другую и сливаются так, что в определенном месте памяти остается и укрепляется лишь одна инвариантная форма идеального, выявляющаяся из множества, из потока отображений, поступающих в память в результате процесса восприятия. Отображения множества единичных и разрозненных предметов объективной реальности, каждый из которых обладает каким-нибудь признаком (общим, одинаковым с другим предметом этого же множества), фиксирующимися различиями в такостях проявлений соответствующих участков своей структуры элементов и границ-ничто между этими участками, т. е. структурой-ничто и структурой-ничто своего состава или своих отображений, посредством различения ощущений в восприятии субъекта овнутряются, интериоризируются в нем в свою противоположность — в такую одну структуру элементов памяти, в структуре-ничто которой и фиксируется, и отображается инвариант идеального, форма которого общая для всех отображающихся в нем предметов. Посредством восприятия и запоминания выобщается общее из множества единичных и отчасти разных отображений, идущих восприятием; и это выобщенное орган памяти локализует в определенном месте своего тела, составленного своими элементами, закрепляет структурой своих элементов и сохраняет в соответствии со своей способностью к этому сохранению.

Структурный критерий адресации восприятий в соответствующие области органа памяти и оструктуривание в элементах памяти деструктуриализующихся восприятий обуславливает собой отбор и закрепление общего для многих чувственностью познающихся предметов в одном и том же месте памяти и неспособность содержать различное воспринимающих отображений, освобождение от различного, частного, единичного или редко встречающегося в восприятиях данных. Из множества в чем-то подобных предметов и снимается общее, адресуется в соответствующую область памяти и фиксируется в ней в виде одноэкземплярной формы границ между разно оструктурируемыми элементами и участками биовещества памяти. Неповторяющееся в воспринимающихся структурах отображений, пришедших от

индивидуальных предметов и ийностью прошедших через сознание субъекта, не сохраняется, забывается, разрушается, т. к. оно не повторяющееся, а структура элементов органа памяти, как известно, все же живая и весьма мягкая, эластична, гибка, изменчива. А повторяющееся — укрепляется и сохраняется именно благодаря повторению.

Так и отбирается и запоминается общее в различных множествах индивидуальных предметов, что и служит основанием для различения объема предметов, отображающихся в одном и том же содержании запоминающегося, для установления видовых и родовых отношений между подмножествами и множествами единичных предметов, отображающихся в менее общем и в более общем содержании тех результатов восприятия и запоминания, в которых фиксируется эта общность. Обобщение производится в памяти и осуществляется через исключение в поступающем в память производящего индивидуацию. Общую и тождественную для множества предметов форму структуры-ничто память имеет в себе одну, в одном экземпляре, в одном месте, если только орган памяти в этом отношении в порядке, если подобные отображения, воспринимаемые от подобных предметов, адресуются в одно и то же место и если не вдаваться в рассмотрение вопроса о возможности запоминания одного и того же, в восприятии данного, двумя участкам или полушариями головного мозга порознь, для чего требуется специальное исследование, которое будет проведено при повторном более глубоко изложении этих вопросов в «Логиках...».

Мы знаем уже, что один и тот же предмет индуцирует в пространство следующие друг за другом экземпляры своих отображений. Но когда последние входят восприятием в орган памяти, то дальше они не идут, в нем они деструктуризуются; гасятся, фиксируются, оседают, сохраняя общее, тождественное, инвариант идеального в них в одном экземпляре. И таким образом, выявляющееся, фиксирующееся и сохраняющееся общее идеальной формы отображений от одного и того же предмета или от множества их, в чем-то подобных между собой, пребывает в памяти в одном экземпляре, но соответствует такой же форме, имеющейся у многих предметов. Ведь идеальное форм, если они одинаковые, подобные, гомоморфно или изоморфно соответствуют

друг другу, не имеют различия субстанционального, т. к. и в объективной и в субъективной реальности они есть очертание прерывности, есть ничто, которым оканчивается, ограничивается любое нечто от иного. Следовательно, идеальная форма различается только степенью несоответствия и отождествляется, оподобляется степенью соответствия. И выходит, что запомненное своей единственностью, одноэкземплярностью отображает в себе целый вид или род единичных и индивидуальных предметов настолько и в том, насколько и в чем одинаковое по виду структуры-ничто имеется и может восприниматься во многих единичных предметах, хотя и расположенных в разных местах и временах.

Суждение Уильяма Оккама, что «в отдельной субстанции нет ничего субстанционального, кроме отдельной формы и отдельной материи или чего-то составленного из той и другой»¹⁾ оказывается истинным и для объективной реальности, и для реальности органа памяти субъекта, т. е. и для субъективной реальности.

Людвиг Фейербах, опровергая и разоблачая измышления Гегеля, пишет, что «единичное относится к бытию, общее же к мышлению»²⁾, т. е. единичное имеет место в познаваемой субъектом реальности, а общее есть в том, чем, запоминается познаваемое, и есть то, что есть запомненное в запоминающем. У Гегеля же единичное и общее неразрывно слиты, т. к. в монистическом понятии, в монистической идее отождествлены и неразрывно слиты мыслящее, мысль, мыслимое и в мыслимом отображающееся. Ведь одно (по Гегелю) для-себя-сущее превращается во многое в результате расщепления для-себя-сущего на положение и отрицание себя и самоотношения так получающихся противоположностей себя. В познаваемой реальности общее есть в том смысле, что есть схожее, подобное, одинаковое, взаимосоответствующее в единичных предметах, каждый из которых имеет в единственном экземпляре то, что у него одинаковое или подобное с имеющимся у другого единичного предмета. Это-то одинаковое или подобное и фиксируется структурой-ничто, вос-

¹⁾ «Аналогия мировой философии». М., 1969 г., т. 1, стор. 898.

²⁾ Л. Фейербах. Соч. М.—П., 1923 г., т. 1, стр. 112.

приятием выявляющейся, идущей в память, оседающей там (деструктуризирующей) и сохраняющейся в памяти; и там оно сохраняется в единственном экземпляре.

Вывожимость и сохраняемость повторяющегося и подобного и забывание неповторяющегося и ценно для человека, т. к. истинное знание того, что многократно повторяется, как раз и дает возможность предвидеть будущее и подготовиться к нему. Вообразите себе, что было бы, если бы человеческая память выявляла и запоминала бы лишь однократное, неповторяющееся или очень редко повторяющееся, а часто повторяющееся забывала? А находятся же «мудрецы» (Виндельбанд, например), утверждающие, что «всякий человеческий интерес и всякая оценка, всё, имеющее значение для человека, относится к единичному и однократному».¹⁾ Уговорить прогрессивно настроенного человека на познание только однократного и тем самым отвлечь его от истинного познания общего, от познания закономерностей исторического процесса — вот что ценно для реакционного человека. И делают это, Риккерт например, так: доказывают, что в действительности общего нет, а есть лишь единичные предметы, каждый из которых хоть чем-нибудь да отличается от другого. Разумеется, что это верно. Но из этого делают вывод: следовательно, и в знании не должно быть общего. Вот какие есть лакеи кривды, выдающие себя за поборников истинного познания действительности. Нужно, дескать, мыслить действительную реальность такой, какова она есть, а значит нельзя мыслить общее, ибо его в ней якобы нет. Следовательно, необходимо и единственно возможно познавать только индивидуальные события, взятые в их однократности и неповторяемости. Применительно к логике естествознания общее не нужно, т. к. оно невозможно, де. А потом переносят это на логику познания истории и говорят, что не следует стремиться к выявлению общего в познании развития истории, т. к. общее познать невозможно, де, что и нужно реакции для политико-идеологической борьбы с прогрессивными правящими силами. Но ведь в том то и дело, что кроме различного, индивидуального и неповторяющегося между еди-

¹⁾ «Современная буржуазная философия». Учебное пособие. МУ, 1972 г., стр. 49—58.

ничными предметами есть и одинаковое, повторяющееся, общее, хотя оно и одно единственное у каждого предмета данного множества их, что и выявляется в памяти процессом сличения с ранее запомненными и сохраняется под влиянием повторяемости восприятия каждого предмета из этого множества и забывается под влиянием неповторяемости. Общее у множества единичных предметов познаваемой реальности не потому, что оно не одно у каждого, а потому, что в имеющемся у каждого из множества есть подобное. одинаковое, соответствующее с имеющимся у другого; и в результате одинакового отражения его в одинаковой структурно-элементной среде (на множестве элементов чувствующего или запоминающего поля) производятся одинаковые отображения. А общее в памяти не потому, что оно не одно в ней, а потому, что, будучи одноэкземплярным инвариантом структуры ничто, оказывается соответствующим форме идеального архитоники комплексов ощущений, воспринимающихся в результате многократного восприятия множества единичных предметов реальности, а следовательно и подобным с тем в этих предметах, что в них есть подобное между собой и что выявилось восприятием у них как взаимоподобное и осело, закрепились, задерживается и сохраняется в памяти.

Индукция как форма умозаключения и основывается именно на свойствах памяти. В ней не используются или мало используются другие познавательные возможности человека. Все сводится к выявлению подобного во множествах единичных предметов, к запоминанию этого общего и к классификации его на основании наличия и отсутствия этого общего.

Многие вслед за Аристотелем справедливо повторяют, что наши знания происходят из чувств. Однако некоторые делают вывод, что этим уже все и сказано, что более эффективного и надежного средства познания у человека и нет. Что наше знание происходит из чувств, еще не означает, что это знание не развивается далее, не обрабатывается, не фиксируется и не выявляется иными формами познания под воздействием форм познания мышлением, что оно не может достигать такого состояния и возможностей, которые позволяя субъекту «заглядывать» даже за пределы чувствам доступного.

Могут последовать упреки: мол, все упрощается, дело сводится чуть ли не к отпечаткам на воске; до непостижимос-

ти сложное уподобляют капусте и дереву. На это отвечу: во-первых, это не так просто, ибо многое в устройстве и работе дерева и капусты еще не известно; не изучено и то, чем отличается и что общее между ними и нервной системой человека; во-вторых, речь идет о том общем в дереве, в цветной капусте и в нервной системе, что и есть на самом деле, и что, собственно говоря, и находят нейрофизиологи. Спросите их какую способность к перестроениям и к сохранениям построенного проявляют нейроны, глиальные клетки и более мелкие элементы мозга человека. В-третьих, не следует усложнять простое и упрощать сложное, ибо это ведет к заблуждениям, что и нужно реакционерам и блудосоветствующим лжецам, подвизающимся у реакции за мзду несправедливую.

Итак, орган памяти снимает идеальное структуры восприятия, оструктурирует свои элементы в такую структуру, процесс и результат оструктурирования которой принимает на себя деструктуризирующееся идеальное структуры воспринимающихся отображений, в соответствующей мере сохраняющих соответствие с отображающимися в них предметами. И поэтому следует различать запоминаемое, орган памяти как запоминающее, задерживающее и сохраняющее в себе запоминаемое и замышленное. Запоминание еще не есть мышление; это лишь этап в процессе познания, которым заканчивается восприятие и после которого может начаться мышление. Память обеспечивает собой задержку идеального архитеоники воспринимающихся комплексов ощущений и этим обеспечивает возможность разрыва, перерыва между окончанием восприятия и началом мышления.

* * *

Знание идеальности, как одной из двух противоположностей реальности, мы выявили таким мышлением, которое назвали приемом выпротивоположения и суть которого в том, что опираясь на знание истинного смысла материального реальности мы производим новый ему тождественно-противоположный смысл идеальности реального. В приеме мысленного выпротивоположения успех достигается потому, что опираясь на истинный смысл материального разнообразными творческими усилиями мышления добиваются созидания такого нового смысла, который был бы прямо, глубоко и во всем противоположным по отношению к исходному смыслу Послед-

ний в связи с этим, при этом и для этого также должен уточняться и при необходимости изменяться.

А в рассмотренных формах чувственного познания? Если в такости ощущения дана одна противоположность реальности — материальное, — то произвольно выразнообразивая движения того субъективного, которым ощущается эта такость, и добываясь при этом инакости движения этого субъективного по отношению к источнику ощущения, мы получим выявление и фиксируемость и другой противоположности предмета, — мы получим и ту идеальную структуру-ничто, которая имеется в воспринимающихся отображениях и в отображающихся в них предметах. Инвариант формы идеального архитонии восприятия, фиксирующийся границами-ничто между ощущениями, различающимися такостами чувствования и выявляющимися в процессе восприятия, и есть то, что идет от предмета, восприятием познающего, что и является единственным вестником и что вместе с материальностью и идеальностью субъекта позволяет развиваться процессу отражения в новые формы познания в результате существования и развития реальности и отражения, и возможности чувственного познания чего не зависит от изменений в окрасках такоостей ощущений, происходящих из-за изменений состояний субъекта или индивидуальных особенностей его (форма очертаний листка березы такая же и у дальтоника и даже у слепого).

Смысловая суть материального нечто и идеального ничто не зависит ни от наблюдаемости, ни от позиции наблюдателя, ни от глубины в иерархии уровней сложности, ни от того, познаем мы их конкретное содержание и форму или нет. А есть ли какая разница (и какая, если есть?) между тем идеальным ничто, которое выявляется, выясняется и воспринимается человеком в процессе восприятия, и тем, которое есть в объективной реальности не зависимо от того, воспринимается ли оно (познается ли оно) человеком или нет? Смысловая суть и того и другого ничто одна и та же: оно есть ничего в себе не содержащая идеальная граница между хоть чем-то различающимися материальными протяженными нечто. Но если объективное ничто есть между и наименьшими нечто, хоть чем-нибудь отличающимися между собой, то восприятием принимающееся и познающееся ничто выявляется

лишь между теми нечто, таковы результаты взаимодействия сенсорного поля с которыми оказываются вызывающими какие-нибудь таковы ощущения, различие и граница между которыми проявляются, выясняются и замечаются в процессе чувственного восприятия. Т. е. воспринимающееся ничто отличается от объективного ничто тем, что первое связано с ошибкой, допускающей из-за ограниченности чувствительности различающей способности органов чувств или из-за пренебрежения глубиной, подробностью и точностью различения.

И в результате получается возможность для истинного познания смыслов обеих всеобщих и существенных противоположностей реальности, наличие которых в реальности выявляется и подтверждается и в чувственно воспринимающихся данных и без которых невозможно познать и объяснить возможность истинного познания предметов, не только далеко за границей субъективного находящегося, но и чувствами не воспринимающихся (в микромире, например), что достигается мышлением. Но многие вопросы о сути, о переходах и о различении ощущений, восприятий, представлений и мышления в нынешней психологии остаются запутанными, или не решенными, или решенными ошибочно, считаются неимоверно трудными «мировыми загадками». «Если вопрос о сенсорно-перцептивном переходе и, соответственно, о различиях между ощущением и восприятием при всей его запутанности и противоречивых решениях никогда все же не возводился в ранг принципиальной философской проблемы, то рубеж, разделяющий образ и мысль оценивался как одна из «мировых загадок» (Геккель) и «границ естествознания» (Дюбуа-Реймон) ...И несмотря на явную, казалось бы, несоизмеримость трудностей понимания природы этих двух рубежей (нервное возбуждение — ощущение и образ — мысль), то, что обе проблемы включались в число «мировых загадок» и тем самым трудности их решения как бы уравнивались, имеет все же свои эмпирические основания»¹⁾.

Конспектируя книгу Гегеля «Лекции по истории философии», В. И. Ленин отмечает: «Диалектичен не только переход

¹⁾ Л. М. Веккер. «Психические процессы» Изд. ЛГУ, 1976 г. т. 2, стр. 14.

от материи к познанию, но и от ощущения к мысли.» И тут же он пишет: «Чем отличается диалектический переход от недиалектического? Скачком. Противоречивостью. Перерывом постепенности. Единством (тождеством) бытия и небытия». ²⁾ Приготовимся к уяснению представления и мышления и так охарактеризованного перехода к ним.

ГЛАВА 2

Уяснение сути и возможностей представления и неречевого мышления как процессов и форм отражения и познания.

I

«Каким образом сжатия, расширения и волнения духа, вне всякого сомнения являющегося источником движения, могут сгибать, поднимать, толкать огромное и плотное тело, этого еще никто до сих пор не исследовал и не писал об этом.»³⁾ Такое состояние знания о человеческой яйности было во времена Фрэнсиса Бэкона. Почти такое же оно и сейчас, несмотря на всю наукообразность и раздутость всех наук о человеке. Даже вопрос о причине и о механизме сокращения мышцы удовлетворительно не решен. Да что там говорить о сокращении мышцы, если неизвестна причина и механизм движения составляющих ее клеток! А причины и механизм движения последних тоже неизвестны, т. к. неизвестно это и у атомов, образующих собой клетки, и т. д. до дна вглубь.

«Между тем построение единой теории, не только охватывающей разные аспекты мыслительных актов, но и объединяющей мыслительные процессы с сенсорно-перцептивными в рамках общих закономерностей познавательной деятельности, с необходимостью требует однородной и связной системы понятий и единого языка, составляющих «общую психологию познавательных процессов», острая потребность в которой осознается все более ясно. Однако построение такой общей теории познавательных психических процессов властно диктует необходимость диалектического «снятия» всех этих внутриспихических границ, т. е. не их устранения, а выведения

²⁾ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 256.

³⁾ Ф. Бэкон. Соч. в 2-х томах. М., 1971 г., т. 1, стр. 286.

специфики разделяемых ими видов когнитивных структур из единых принципов организации, определяющих их совместную принадлежность к познавательной сфере.»¹⁾). Л. М. Веккер пытается (и не без частичного успеха) дать объяснения психических познавательных процессов с помощью применения логико-понятийного аппарата общей теории информации. Но из-за оторванности смысла понятий этой теории от тех реальных структурно-элементных механизмов, которыми реализуются информационные и психические процессы, и из-за монистического основания использующейся им системы научного объяснительного знания успехи в объяснении этих процессов менее значительны, чем могли бы быть. Некоторый успех достигается — потому, что некоторые понятия теории информации хотя и с туманным и несчетливым смыслом, но все же позволяют в некоторой мере объяснить то, что невозможно объяснить при помощи только одной материи, и что может быть исчерпывающе объяснено при помощи новых фундаментальных понятий (ничто, ничто и пр.).

^{истинно} Ничего невозможно познать, если не известны те первоначала, из которых все образуется и состоит, и те первопричины и механизмы, вследствие которых все образуется, существует и развивается. Возьмите вы любой учебник, или любую серьезную научную работу, или популярную книжку и найдите там ответ на вопрос о том, почему что-нибудь движется и как возможно это движение. Почему движется, скажем, фотон или любая элементарная частица? Нет ответа на такой вопрос. Есть ответы, что нечто движется так-то, с такой-то скоростью или еще как-то, но почему и как возможно само движение — на это ответов нет. Говорят, что движение имманентно присуще материи и баста! То есть дело познания сводится к описанию наблюдающегося. Преобладание описательности и непознание глубинки и начал и являются основными недостатками нынешней системы научного объяснительного знания. Ведь не познано ж дно реальности, не познаны ее концы или ее начала, а поэтому не познан и причинно-следственный механизм, вызывающий

¹⁾ Л. М. Веккер. «Психические процессы». Изд. ЛГУ, 1976 г., т. 2, стр. 6—7.

и обуславливающий собой зарождение, движение и развитие сущего, не познаны особенности структур и причинноследственных механизмов превращений одних элементов вещества в другие, элементов низших уровней сложности в высшие и наоборот. Ведь знают, например, что движется то, что называют атомом или электроном а почему — не знают. Да и как можно знать это, если не познано все то глубинное и изначальное, из чего называющееся атомом или электроном и их окружающее состоит, как это все устроено, почему и как взаимодействует и что получается в результате. Описательный характер нынешней СНОЗ как раз и обусловлен отсутствием несомненно истинного знания о всеобщих началах. Не хватает знания того, что необходимо знать для исчерпывающих и несомненно истинных объяснений исходно глубинных элементарно-структурных механизмов. А необходимо объяснение выведением из начал, для чего необходимо познать те начала, которыми все составляется, образуется, развивается и обуславливается, и в которые все разлагается; и так познать эти начала и логику выведения, чтоб из абсолютно истинного и окончательного знания об этих началах и исходных условий можно было бы мысленно выводить все возможные следствия.

Поэтому отложим окончательное решение вышепоставленных вопросов, пока не вскроем предельно глубоко и предельно ясно и точно глубинную суть всеобщих начал, сущность, причину и механизм образования и движения из этих начал получающихся элементов реальности и пока не получим (повторным выведением из них) окончательных объяснений интересующих нас вопросов, для достижения чего и продолжим уяснение развития процесса и форм познания и знания; что необходимо для познания того, как можно и следует познавать, для познания того, можно ли и как можно достичь окончательного и абсолютно истинного познания начал и предельно-возможной объяснительной познаваемости всего, что может и при каких условиях может образоваться из этих начал; ибо познание сначала следует начинать не с познавания того, что есть начало в предмете, если оно еще неизвестно, а с познания того, что лучше всего приведет к познанию всеобщих начал любого предмета, и потом начинать его познавание выведением с них.

Психологически переживающийся феномен восприятия и

запоминания воспринимаемого есть тогда и до тех пор, когда и пока имеется процесс взаимодействия соответствующего участка сенсоного поля с соответствующим предметом или его отображениями и процесс прохождения результатов этого взаимодействия через сознание. А почему, при помощи чего и как осуществляется извлечение, переработка и использование восприятием получающегося и в памяти фиксирующегося опыта, связывание предшествующего в памяти задержанного опыта с настоящим и прогнозирование возможного будущего? Как происходит и как может происходить развитие и совершенствование знания? Почему, чем и как образуется в живом организме возможность целесообразно и преднамеренно вызывать в себе или принимать для себя и повторять одни чувства и избегать, уклоняться от других? Как получают в живом организме произвольная подвижность и самоуправление ею? Как может разум разглядеть то, чего глаза не зрят?

§1. Антиощущение.

I

Чувственность также диалектически противоречива. Она не является монистически однородной; во всем многообразии такостей чувствования можно выявить две диалектические взаимопротивоположности: во-первых, все многообразие чувственных такостей ощущений, вызывающихся результатами взаимодействия структуры элементов рецепторов организма с объективными (иначе движущимися и субъективной структурой элементов организма еще не освоенными) элементами внешней и внутренней среды; и во-вторых, антиощущение, которое есть некая сознанием активированная протяженность сенсорного поля, зияющая потребностью, возмущаемостью на ощущение соответствующей чувственной окраски (такости); которое есть психическая данность (явление, чувство, переживание, феномен), являющаяся противоположностью ощущения, испытываемая человеком как результат вспоминания протяженной чувственной окраски ранее ощущавшегося ощущения и только (т. е. только вспоминающаяся такость, чувственная окраска или качество ощущения — без его границы-ничто с инако чувствующимся ощущением; например, такой фон, каким вспоминается ощущавшаяся крас-

нота без вспоминания границы ее с иными оттенками красноты или с иными цветами) и вызывающаяся в результате взаимодействия сознания и его окружающего биовещества организма при помощи появления в организме, накопления и продвижения к сознанию организма того реального материала, которым замещаются те места, из которых уходят элементы вызывающие ощущения и строими передвижений своих множеств несущие информацию восприятия.

Некоторые смутные догадки о противоположных чувственностях были. Р. Декарт, например, писал: «...мы испытываем в себе и нечто иное, чего нельзя отнести к одному только духу или лишь телу и что (...) происходит от тесного внутреннего союза между ними, таковы голод, жажда и т. п., а равным образом движения или страсти души, не исключительно зависящие от мышления, как, например, побуждение к гневу; радости, печали, любви и т. д. ...» ¹⁾ В другом месте он делит чувства на внешние и внутренние: «Различить возможно лишь семь отдельных чувств: два из них могут быть названы внутренними, а остальные пять — внешними. Первое из внутренних чувств включает голод, жажду и прочие естественные побуждения; оно возбуждается в душе движениями нервов... Второе же внутреннее чувство ... это радость, печаль, любовь, гнев и все прочие страсти...» ²⁾ Но существенной специфики и противоположности различаемых им внутренних и внешних чувств и роли их в психо-физиологических процессах он еще не видит. Да и само деление на внутренние и внешние неудачно, т. к. объективные элементы мы чувствуем и внутренним чувством, например, боль или иное чувство в теле от чрезмерного сосредоточия там объективных, отчужденных элементов. А вот как об этом говорит Кондильяк: «Отсутствие какого-нибудь предмета, который мы считаем необходимым для нашего счастья, вызывает в нас то неприятное состояние, то беспокойство, которое мы называем потребностью и из которого происходят желания. Потребности эти повторяются в зависимости от обстоятельств, часто даже образуются новые потребности, и это способствует развитию наших знаний и наших способностей... Это беспокойство есть тот первый прин-

1). «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 249.

2). Там же, стр. 266—267.

ций, который порождает в нас привычки осязать, видеть, слышать, обонять, вкушать, сравнивать, судить, размышлять, желать, любить, ненавидеть, бояться, надеяться..., одним словом, благодаря ему возникают все душевные и телесные привычки». ¹⁾ Как же нам, прослеживающим путь развития познания и знания (в онтогенезе), не обратить внимания на такую важную роль той чувственности, которую предлагается назвать антиощущением в отличие от чувствования объективного актуально данного?!

«К этому же разделу рассуждения, — как по заказу пишет Д. Гартли, — может быть отнесено следующее замечание д-ра Джурина: «Если на нас в течение некоторого времени воздействовало одно ощущение, то как только его воздействие прекратится, в нас может возникнуть противоположное ощущение, иногда самостоятельно, а иногда из-за таких причин, которые в другое время вообще не вызвали бы этого ощущения, или по крайней мере последнее не достигло бы такой степени». Ибо продолжительное впечатление одного и того же предмета, — продолжает Д. Гартли, — так закрепляет на чувствительном нерве и соответствующем ему участке головного мозга склонность к этому одному конкретному виду вибрации, что впечатление противоположного или резко отличного от него вида должно вызывать более бурное, чем обычно, возбуждение мозга, т. е. возбудить яркое ощущение противоположного характера...». «Органы новорожденного ребенка столь нежны, что воспринимают страдания от многих из тех впечатлений, которые потом приносят удовольствие». ²⁾

И у Спинозы мы находим, что... «Аффект, называемый страстью души, есть смутная идея, в которой душа утверждает большую или меньшую, чем прежде, силу существования своего тела или какой-либо его части и которой сама душа определяется к мышлению одного преимущественно перед другим». ³⁾

¹⁾ «Анатология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 638.

²⁾ «Английские материалисты XVIII в.», М., 1967 г., т. 2, стр. 232—233.

³⁾ «Анатология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 386.

И Джон Локк в своем труде «Опыт о человеческом разуме», над которым он работал около 20 лет, отмечает два главных вида деятельности души — «это восприятие или мышление и желание или хотение».¹⁾ Следует отметить, что догадки о наличии каких-то существенных противоположностных чувствований не привлекли внимания последующих исследователей и сущность этих противоположностей и их роль, в том числе и гносеологическая роль, остались не поняты и доныне. В нашей литературе не различают чувственных противоположностей.

II

Наличие различных объективных предметов, систем и элементов различных уровней сложности и их отображений в среде, окружающей все тело субъекта или отдельные органы и даже элементы его, и воздействие их (инакостями своих движений) на любые части тела субъекта, на любые множества элементов и даже на отдельные элементы его тела (включая и элементы органа памяти) вызывают в соответствующих участках тела повышение энтропии структуры элементов, последствием чего является проявление феноменов чувствования, различием такостей чего выявляется воспринимаемая информация. Эти объективные элементы (не структуренные в тело организма субъекта и не отождествившие свое движение с соответствующими элементами этого тела; их движение чем-то отличается от движения элементов тела) могут быть как во вне тела субъекта, так и внутри; они могут поступать из внешней среды и могут появляться в результате распада соответствующих элементов тела субъекта на более мелкие элементы, в результате отчуждения, отмирания, перерождения и пр., или могут выделяться соответствующими органами организма субъекта в качестве продуктов их функционирования и развития. Если наличие и воздействие этих элементов впервые вызывает нарушение оптимально благоприятной для структуры элементов тела субъекта меры соотношения энтропии и негэнтропии, то в результате этого получают первоначально неизвестные для субъекта такости ощущений. Восстановления этой меры вызывают снятия, прекращения поступлений этих ощущений.

¹⁾ «Анатология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 419.

В результате закономерностей развития организма получается, что ощущения, которые вызываются объективными элементами, первоначально не нужны для питания или повышения негэнтропии структурно-элементных образований тела субъекта, оказываются окрашенными в неприятные краски чувствования. От взаимодействия с объективными элементами, в которых ощущающее тело субъекта не испытывает итогами предшествующего развития обусловленной потребности, субъект так или иначе страдает. Избавление от таких ощущения вызывающих элементов снимает это страдание.

Отсутствие же в теле субъекта тех элементов, которые необходимы для существования и развития, для удержания той оптимальной меры соотношения негэнтропии и энтропии структуры между элементами и внутри элементов всего организма или любого его участка или органа, которая и создает оптимальные условия внутри элементов тела субъекта и между ними и которая является оптимальной для сохранения целостности и здоровья всего тела, вызывает психическое явление, являющееся противоположностью ощущений, вызывает установку сознания на воспоминание ранее испытывавшихся чувственных данностей, вызывает осознаваемость отсутствия такого-то чувствования и воспоминаемость его, что обусловлено наличием потребности, хотения какого-то объективного, которое своим взаимодействием или воздействием на субъективное производило бы такое-то чувствование. Это и есть психический процесс, противоположный чувствованию ощущения; будем называть его антиощущением.

Последствия израсходования, убийства и отсутствия такого-то потербного объективного по мере своего накопления поступают к сознанию, усиливают его функцию взаимодействия с его окружающим и содержащим организмом, от чего и проявляется антиощущение: осознаваемость отсутствия и хотения каких-то ранее испытывавшихся ощущений, поисковая активация сознания на воспоминание их и испытание (прочувствование, антиощущаемость) их без их вызывающих агентов (что существенно для правильного понимания сути антиощущения); т. е. антиощущение — это не повторное принятие и переживание такости, ранее уже ощущавшегося, ощущения, а лишь воспоминание ощущения (и только ощу-

щения, а не восприятия), переживание, испытание остаточного чувствования таковости прошлого ощущения, выжимающегося или извлекающегося из сонсорного поля.

Антиощущение является формой познания субъектом своего же субъективного через осознание потребности отсутствующего объективного, необходимого для такого-то предшествующим обусловленного существования своей субъективной реальности. Если в результате ощущения и восприятия объективного, чувственно воспринимающегося субъектом, происходит питание и развитие (взрачивание) тела органа памяти, то то, что поступает к сознанию, и вызывает собой антиощущение, после вхождения его в сознание усиливает сознание и, входя в структуру элементов памяти, вызывает в ней последствия, функционально противоположные по сравнению с последствиями вхождения в память восприятных данных.

Тот материал, которым вызывается антиощущение, составляет из тех материальных нечто, которые поступают оттуда, куда уходят ощущения вызывающие и воспринимающиеся информацию несущие элементы. Накопление этого материала в сознании усиливает специфическое взаимодействие сознания с окружающим и проникающим его биовеществом организма, результатом чего будет вызываться эмиссия субэлементов, которые вынзлекаются и идут из структуры элементов памяти в область сознания и границами особенных строев и волн множеств которых фиксируется та форма структуры-ничто, которая снимается с соответствующих участков памяти, оструктуренных в результате деструктуризации воспринимавшейся информации. Посредством взаимообмена этими субэлементами, эмиссией снимающимися из памяти, между сознанием, памятью и сознание воссоздающим, содержащим, окружающим и проникающим телом живого организма осуществляется взаимодействие, результатом которого усиливается яинность и проявляется психический феномен воспоминания и антиощущения.

Итак, антиощущение — это чувствующаяся потребность в каких-то ощущениях, т. е. не есть результат взаимодействия объективных элементов с телом субъекта освоенными элементами, вызывающий какую-то таковость ощущения, а есть результат взаимодействия сознания с телом субъекта освоенны-

ми структурно-элементными образованиями, вызывающий слабо выявляющиеся следы структур ранее чувствовавшихся такостей ощущений, в структуре комплексов которых выявляется и ими фиксировавшаяся восприятием приносившаяся информация, — результат, вызывающий чувство отсутствия такой-то ранее чувствовавшейся осязаемости, т. е. вызывающий антиощущение. Исчерпывающие объяснения всего, остающегося здесь еще непонятым, будут даны в «Логах...» в результате последовательного выведения всего необходимого для этого.

Человек осознает себя через яйность, через чувствования, испытывающиеся в результате взаимовлияния и взаимодействия сознания и, с другой стороны, тела и объективной среды, осуществляющегося посредством взаимообмена соответствующим материалом и проявляющихся в двух взаимоположенных формах психического: ощущение такой-то чувственной данности и антиощущение отсутствия такой-то чувственной данности. Антиощущение выступает как чувствующаяся потребность на то, что вызывает соответствующую осязаемость. Проявление антиощущения обусловлено реальной ситуацией уменьшения или прекращения поступления в тело организма (в плоть соматического и мозгового вещества) соответствующих элементов объективной реальности, питающих это тело, взаимовлиянием которого с сознанием обуславливается проявление яйности всего этого организма.

Откуда уходят, где, когда и насколько расходуются в теле субъекта объективные субэлементы, необходимые для питания, взаимосвязывания, сохранения целостности и такости существования части или всего тела, туда приходит, там, тогда и настолько составляется и расширяется пространство, вовлекающее в себя элементы сущего, не связанные или слабо связанные с телом освоенными структурно-элементными образованиями. Тем самым оно и вызывает слабые следы чувствования, такости которого обуславливаются структурой и уровнем сложности элементов тела субъекта, окружающих собой это пространство. Протяженность этого пространства заполняется соответствующими элементами сущего, что приводит к увеличению пустоты в новом месте. Поэтому пространство материала, обуславливающего формирование антиощу-

щения как чувства потребности на объективные элементы, перемещается по телу, накапливается и подступает к сознанию, усиливая и активируя его и явность и влияя на объем, форму и локализацию сознания образующего материала, а пройдя сознание, вывлекает из памяти, вовлекает в себя и передает к сознанию субэлементы сущего и этим вызывает активизацию тех структур, которыми объединяются и связываются элементы памяти, и воспоминание следов соответствующих восприятий.

Мерой накопления материала, формирующего антиощущение, обуславливается его интенсивность, а мерой заполнения им составляющей протяженности элементами сущего ослабляется интенсивность антиощущения или снимается полностью.

В итоге субъект чувствует свое тело как-бы с двух сторон: ощущениями он чувствует его как бы извне, по результатам взаимодействия с объективным, а антиощущениями он как бы чувствует его изнутри, по последственным результатам жизнедеятельности своего организма; в ощущениях он чувствует данность наличных элементов сущего, объективных, еще не освоенных телом организма; а в антиощущениях — потребность объективных элементов сущего, подлежащих освоению.

Но антиощущение есть не какая-то форма мышления, а лишь одна из двух противоположных форм психического переживания. В противоположность тому, как восприятие (форма чувственного познания объективного) заканчивается ослаблением чувствительности по мере деструктуризации воспринимаемого в памяти (вплоть до полного исчезновения сопровождаемости этого процесса чувственностью), процесс мышления начинается с проявлением сначала слабых, еле заметных антиощущений, которые усиливаются по мере накопления их вызывающего материала.

§ 2. Представление.

I

«...Представление не то же самое, что восприятие.» ¹⁾

Ощущение переходит в восприятие в результате выявле-

¹⁾ Аристотель. Сочинения в 4-х томах. т. 1, М., 1976 г., стр. 138.

ния границ так ощущающегося с инако ощущающимся, что достигается соответствующими движениями частей или всего тела субъекта относительно предмета, вызывающего данное ощущение или их комплекс; а то, накоплением чего вызывается формирование процесса антиощущения, вызывает извлечение, воспоминание хранящейся в памяти информации, задержанной там в результате процесса деструктуризации предшествующих восприятий.

Выявленные в памяти и вспомнившиеся структуры восприятий прошлого предстают для субъекта в форме границ-ни что не между такостями ощущений, а между антиощущениями каких-то такостей ощущений; а поэтому вспоминающееся, выявляющееся в результате взаимовлияний и взаимодействий между сознанием и соответствующими структурно-элементными образованиями памяти, проявляется явностью субъекта и представляется ему антиощущениями и границами-ничто между ними, если они различны. Это и есть извлеченное представление как форма познания. При помощи него можно установить связь прошлого с настоящим; действительность восприятий, прошедших ранее через наше сознание, вспоминается и выясняется как комплекс различающихся антиощущений с границами-ничто между ними и может сопоставляться с текущими восприятиями.

По мере усиления сознания (вследствие возрастания того, чем вызываются антиощущения) из памяти извлекаются фрагменты представлений все более отчетливые и подробные, в результате чего выявляются представления тех восприятий и таких взаимосвязей их архитонику заполнявших ощущений, которые ранее приводили к снятию основного хотения, выясняющегося и в вспоминающемся теперь представлении. Выявление сознанием того представления, наполнение которого соответствующими ощущениями и превращение его в восприятие приведет к удовлетворению осознающей потребности, и есть выявление или **ф о р м и р о в а н и е** **и н т е р е с а**. Он есть потребность осознанная в форме представления. И если к сознанию в это время не поступают более сильные ощущения и антиощущения, то сформировавшийся интерес усиливает свое влияние, в результате чего процесс воспоминания усиливается и расширяется; одно вспоминающееся влечет за собой воспоминание другого, с

ним связавшегося при запоминании и т. д.

«Таким образом, всякий переходит от одной мысли к другой, смотря по тому, как привычка расположила в его теле образы вещей. Солдат, например, при виде следов коня на песке тотчас переходит от мысли о коне к мысли о всаднике, а отсюда — к мысли и о войне и т. д. Крестьянин же от мысли о коне переходит к мысли о плуге, поле и т. д.; точно так же и всякий от одной мысли переходит к той или другой подобно с тем, привык ли он соединять и связывать образы вещей таким или иным способом.» ¹⁾ В результате формируется сложное представление. Так осмысливающееся и определяющееся воспоминание соответствует и новейшим результатам экспериментальной психологии и древней идее здравого смысла, согласно которой воспоминание есть извлечение из памяти следов, последствий воспринимания воздействий объективного на субъективное.

На определенном этапе развития процесса образования сложного представления формируются представления о последовательности промежуточных движений соответствующих органов своего тела, которыми затем обуславливается механизм воления и управляющая функция сознания. В итоге, движения органов тела управляются структурой представления, в результате чего (и по причине того, что) происходит превращение всех элементов (антиощущений) и фрагментов структуры представления в восприятие состава и структуры ощущений, приблизительно или точно в тех случаях и в той последовательности, которые были вспомнены и сформированы в ходе образования целостного представления с целью реализации интереса. Это движение, управляясь таким представлением, будет приводить к повторению тех движений, которыми вызывались ощущения и восприятия, структурившие собой соответствующие элементы органа памяти и извлеченные сознанием в представление. Происходит отыскание того объекта, который представляется способным собой или своими отображениями удовлетворить потребность; происходит отыскание тех движений по отношению к этому объекту интереса, которые удовлетворяют потребность и

¹⁾ Бенедикт Спиноза. «Этика». Госиздат М.-Л., 1932 г., стр. 55.

этим деактуализируется интерес. В противном случае видоизменяется представление о данной потребности и формируется новая интерес-цель на базе этих же или и других антиощущений. Достижение цели и превращение представления об ожидающейся такой-то структуре (=взаиморасположение и взаимоследования) таких-то ощущений в воспринимание почти такой же структуры почти таких же ощущений (в дальнейшем это будет выражаться короче: превращение представления в восприятие) сопровождается эмоционально насыщенными переживаниями ожидавшихся ощущений и их взаимоструктур, от чего наступает состояние удовлетворения или блаженства. А всей воспринимающейся при этом информацией уточняются и закрепляются те структуры в памяти, которые дают собой представление интереса, сформировавшегося на базе данных антиощущений, и которые затем более легко извлекаются из памяти даже при меньших напряжениях и волнениях сознания.

Есть хорошо подходящий сюда фрагмент рассуждения у французского материалиста Д. Дидро: «Делаंबर. Без этой памяти человек не обладал бы самим собой, так как, испытывая свое бытие только в непосредственном восприятии, он не имел бы никакой истории своей жизни. Для него жизнь была бы лишь прерывной последовательностью ощущений, ничем не связанных... Дидро. Таким образом, существо чувствующее и обладающее этой организацией, пригодной для памяти, связывает случаемые впечатления, созидает этой связью историю, составляющую историю его жизни, и доходит до самосознания; тогда оно может отрицать, утверждать, мозаиковать, мыслить». ¹⁾

И русский материалист Н. Г. Чернышевский рассуждал так же: «Мышление состоит в том, чтобы из разных комбинаций ощущений и представлений изготовляемых воображением при помощи памяти выбирать такие, которые соответствуют потребности мыслящего организма в данную минуту, в выборе средств для действия, в выборе представлений, посредством которых можно было бы дойти до известного результата. В этом состоит не только мышление о житейских предметах, но и так называемое овлеченное мышление». ²⁾

¹⁾. «Антология мир. филос.» М. 1970 г., т. 2, стр. 654.

²⁾. Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., М., 1950 г., т. 7, стр. 277.

§ 3. Предварительное и поверхностное объяснение процессов общего поведения человека

I

Итак, в результате инакости проявления объективного по отношению к телу субъекта, последний получает чувственность и ощущения, а разнообразием движения субъективного относительно ощущающегося выявляет и воспринимает объективную структуру предмета, познающегося чувственно, что питает, опричинивает и обуславливает развитие памяти и органа мышления в целом. Если такои ощущения, наполняющие собой структуру восприятия, являются первичными, не знакомыми, то они не могут предстать ожидающимися в представлении; а протяженности в структуре представления заполняются антиощущениями лишь вспоминающимися ранее ощущавшимися такоими ощущениями.

Руководствуясь представлением цели и сопоставляя текущие восприятия с содержанием представления и о путях ее достижения сознание субъекта в результате взаимодействия через янность с телом и с механизмом воления и мышления вызывает соответствующие движения соответствующих органов и управляет ими ради достижения цели. В результате удаи субъект получает наслаждение от реализации своего интереса, т. е. от превращения представления об интересе в соответствующие ему восприятия, заполнение протяженностей антиощущений, антиощущающихся в структуре представления, протяженностями фактически воспринимающихся ощущений. При этом и в результате этого происходит уточнение, укрепление и приращение опыта. Так и развивается система живого организма, включая в себя материальное и идеальное объективной реальности, осваивая их в себе и используя для последующего существования и развития. «...В том то и состоит муки противоречия, — писал Л. Фейербах, — что я теперь страстно хочу быть и являюсь тем, чем в ближайшее мгновение я столь же энергично не захочу быть и не буду, что положение и отрицание следуют друг за другом и обе противоположности, каждая в своей сфере и в полной своей определенности, исключая другую, возбуждают меня». ¹⁾

¹⁾ Л. Фейербах. Соч., М. — П., 1923 г., т. 1, стр. 132.

Представление об интересе и о путях его достижения и текущие восприятия реальной действительности, ход превращения представлений в восприятия, обуславливают собой поведение субъекта и приводят к удовлетворению одних потребностей и к появлению других потребностей и интересов и т. д., или приводят к неудовлетворению и к разочарованию, что дает материал и для изменения и для развития представлений о целях, средствах и путях, и для получающегося в итоге развития тела организма, чем и опричинивается и обуславливается общий итог жизни и развития субъекта.

В результате проявления движений организма или его органов человек вносит, индуцирует в объективную реальность отображения, а через ощущения и восприятия принимает отображения внешнего, объективного, соответствующими последствиями чего и происходит удовлетворение потребностей этого организма, сохранение его целостности и дальнейшее развитие, что приводит к развитию и изменению его потребностей; и всем этим и обуславливается его поведение и деятельность и его влияния на окружающее.

Представление есть форма процесса отображения, протекающая в специфических условиях на специфических структурах специфических элементов организма. К уяснению представления мы и пришли в результате прослеживания усложнения и развития процесса и результатов отражения, ступенями чего являются: исходные материально-идеальные элементы, процесс отражения, отчуждение и распространение отображений, отражение и прием отображений процессом восприятия, запоминания, извлечения представления, которым управляет движение тела субъекта, затем отображения движений организма и органов в окружающем, отчуждение этих отображений и распространение и рассеивание их в окружающем пространстве. В результате всего этого и получается возможность «оторвать» образ мамонта от реального мамонта и отобразить его в рисунках, например, на стене пещерной. Из всего следует, что нет никакой возможности для того, чтобы кому-нибудь пришло в голову что-нибудь иное, кроме отображения с его структурой-нечто и структурой-ничто. Ведь невозможно никакое существование чего-нибудь без единства идеального и материального в нем. О каком же наитии идей извне может идти речь, если не о

приеме субъектом в свой орган опыта отображений от объективных предметов реальной действительности? Какие же еще могут быть сверхестественные существа, если не существа, образованные как-то из элементов реальной действительности? Какие еще могут быть смыслы понятий системы научного объяснительного знания, если не уясняющиеся здесь смыслы, истинно отображающие соответствующие реалии?

Любые мысли и идеи, какую бы форму и смысловое содержание они не имели, являются продуктом приема, обработки и переработки отображений объективного в субъективном, продуктом соответствующих приемов, усилий и форм познания как специфических форм отражения.

Из всего предшествующего неопровержимо следует, что в представлении, как бы мы ни силились, мы можем получить только как-то различно антиощущающиеся протяженности и границы-ничто между ними. Следовательно, успехи в познании могут быть достигнуты лишь в результате соответствующих обработок и переработок этого и соотносений с предметом познания, т. е. в результате процессов мышления, соотношения, сопоставления и проверки.

Реалии и возможности процессов человеческого (и не только человеческого, а всякого) познания получают вследствие проявления процессов отражения и развития их форм в результате имманентного существования и развития это осуществляющих материально-идеальных элементов и элементно-структурных образований из них (материально-идеальных т. е. имеющих свои какие-то материальные нечто и идеальные границы-ничто их с иными материальными нечто), к истинному, исчерпывающему и окончательному познанию чего и следует стремиться и мы продвигаемся, в том числе и в результате познания сути элементов и структуры элементов знания и процесса познания и возможности их уточнения, дальнейшего развития и использования.

ГЛАВА 3.

Дальнейшие уяснения сути и возможностей восприятия, представления и неречевого мышления как процессов и форм познания.

§ 1.

I

Из ранее уясненного процесса формирования представления следует, что восприятие и представление являются в некотором отношении противоположными и в некотором тождественными по отношению друг к другу.

Информация, восприятием выявляющаяся и принимающаяся, получается в результате проявления различия в движении восприятием познающего и органа чувств, выявляющего ощущения в процессе восприятия. Выявление и восприятие инварианта архитектоники восприятия происходит лучше, когда движение соответствующего органа чувств выражено соответствующим образом, т. е. в результате произведения разнообразных изменений во взаимных состояниях между объектом и воспринимающим органом субъекта. И, во-вторых, при таком состоянии сознания, когда оно обращено восприимчивой стороной к выделенной для восприятия информации, когда оно сохраняет свои форму, ориентацию и состояние (в результате участия в этом механизма мышления и воления) того участка сенсополя, из которого воспринимается сенсоинформация и на котором в результате этого оно сосредоточило свое внимание. Воспринимающееся субъектом вызывается взаимодействием субъективного и объективного и принимается в субъективное.

А информация, содержащаяся в представлении, сначала вызывается или извлекается из памяти в результате усиления это реализующих способности и усилий сознания (что достигается увеличением концентрации реального материала, область сознания составляющего, и соответствующей формой и ориентацией области сознания, принимающих им под влиянием и мышц, участвующих в процессе мышления). И она вызывается лучше, когда эти усилия и способности сознания выварьированы, выраженообразены соответствующим образом относительно соответствующих областей памяти и антиощущений и при сохранении относительно неизменным того состояния тела этого субъекта, которое ему

было задано сознанием перед тем, как оно отвлекло свое внимание от воспринимания идущих от тела ощущений и включилось в процесс извлечения, формирования, выяснения и уточнения этого представления. Представление у субъекта вызывается сознанием, но при помощи реального материала, накапливающегося в результате отчуждения от субъективного (освоенного) и убывания в объективную среду некоторых элементов тела субъекта или ощущения вызывающих элементов, вместо которых поступает этот реальный материал, вызывающий психический феномен антиощущения и управляющийся сознанием процесс вспоминания формы границ-ничто между различными антиощущениями.

II

Архитоническая структура-ничто, выявляющаяся и выявляющаяся субъектом как результат процесса восприятия, идет от восприятием познающегося предмета. Первична ли она по отношению к сознанию? Все зависит от смысла первичности и от конкретной ситуации, рассматривающихся элементов и сторон этого соотношения (что раньше образовалось? или что от чего зависит? какой же смысл первичности?).

А структура-ничто, выявляющаяся субъектом в результате процесса представления, фиксируется границами соприкосновения протяженностей извлекающихся из памяти антиощущений (а не ощущений, вызывающихся в результате фактического взаимодействия соответствующих органов чувств с ими чувствующейся и им внешней реальней), и поэтому она не зависит от передвижений того реального предмета познания, образ-представление о котором извлекается из памяти, и от тех движений, которые при этом совершает или не совершает тело данного субъекта по отношению к объективной реальности. Она дается субъекту не в готовом виде, а извлекается сознанием из памяти, вызывается и формируется им и поэтому зависит от субъекта, т. к. субъективное имело некоторые возможности повлиять на нее: собрать не в той последовательности, присовокупить к извлекаемому из памяти иные фрагменты и элементы антиощущений в ходе формирования представления, заменить протяженность одного антиощущения другим — т. к. память не очень жесткая и не вечная и т. к. тот реальный материал, которым сознание вывлекает из памяти антиощущения, не имеет жест-

кой предопределенности в адресации к различным областям органа памяти. Поэтому целостная структура представления хотя и не может быть составлена не из протяженных анти-ощущений и непротяженных границ между ними, но вся целостная форма его может подвергаться различным субъективным изменениям, преобразованиям и привнесениям, мера которых зависит от особенностей памяти и от произвольных усилий органов мышления, воли и возможностей различного проявления сознания в процессе формирования им представления. Чем прочнее память, тем труднее осуществляется процесс переформирования извлекающегося из памяти. Поэтому, если речь идет о таком представлении, содержание которого извлекается из памяти без изменений (по осознающимся или не осознающимся причинам), то представление с такой структурой будет вторичным по отношению к тому предмету, к которому оно соотносится и степень соответствия со структурой в процессе мышления и оформления образ-представления будут внесены субъектом (осознано или неосознанно) такие изменения, которые затем подтвердятся при превращении представления в восприятие и оправдаются, то именно благодаря этим изменениям в образе-представлении лучше, более полно отобразится структура элементов предмета познания и ее развитие.

Антиощущения, ганицами и комплексом которых образуются содержание обра-представления, зависимы от субъективного, но форма структуры-ничто образ-представления может быть соответствующей, подобной, а может быть и в различной степени несоответствующей, т. е. может быть в каком-то отношении и в какой-то мере истинной, а в другом отношении и в иной мере соответствия может быть и ошибочной или ложной.

В восприятии структура-ничто объективна, а заполняющие ее протяженные ощущения — субъективны по окраске и яркости чувствования, по модусу, по такостям приятностей и неприятностей, которые при этом чувствуются, хотя сами ощущения и получаются при этом лишь в процессе реального взаимодействия субъективного с объективным.

В представлении же структура-ничто может быть отчасти и субъективной. Но если она окажется такой, что в

и-м-то, которое формирует образ-представление. Если же

процессе реального взаимодействия субъекта с объективной реальностью будет заполнена такими ощущениями и комплексами ощущений, субъективными по характеру тех приятностей и неприятностей и в такой пространственно-временной последовательности, которые удовлетворят потребность, усиливающую и активирующую сознание, то такая структура-ничто образ-представления окажется в соответствующей степени объективной по содержанию своей формы, хотя и была субъективной по происхождению, по причинам и источникам формирования. Все те антиощущения, формы, взаимодействия и взаиморасположения ими заполняющихся протяженностей и границ-ничто между ними, которые имелись в образе-представлении о том, что получится летом и осенью из воспринимающегося и высевающегося весной семени, и что подтвердится результатами превращения соответствующих представлений в соответствующие восприятия летом и осенью, то это и будет в образе-представлении первичным по отношению к его подтверждающим и позднее образовавшимся реалиям.

Структура-ничто, точно снятая восприятиями с данного предмета в прошлом, затем запомнившаяся в памяти и хорошо сохранившаяся в ней, а теперь точно, без искажений и изменений извлеченная из нее в представление (такое представление будем называть представлением извлеченной формы), может оказаться ложной при сопоставлении ее со структурой-ничто восприятия, получаемого в результате повторного восприятия этого же предмета, из-за изменения состояния или места этого же предмета.

III

Чувственное восприятие не только не есть мышление, но есть его противоположность и как таковое оно исключает собой всякое мышление там, где осуществляется процесс приема и деструктуризации восприятия. Процесс мышления начинается извлечением из памяти оставшихся последствий процесса приема и деструктуризации восприятия и формированием содержания представления. Но это вовсе не значит, что когда субъект что-то чувствует и воспринимает, то он при этом не мыслит и не может мыслить. Мышление может осуществляться одновременно с процессом восприятия, но на базе других участков структуры элементов го-

лового мозга и того прочего, что в этом процессе участвует. Варьируя вниманием сознания субъект может выбирать из всех чувствующихся ощущений какие-то комплексы их, может расширить внимание и сосредоточиться на приеме многого и даже всего как-нибудь чувственно дающегося. Более того, субъект может так распределить, приглушить или как-то иначе отрегулировать свое внимание, что получает возможность одновременно и что-нибудь воспринимать и что-нибудь мыслить, и как-то двигаться, и управлять при этом своим движением. Представление и мышление и их результаты есть делом всего того, что эти процессы реализует. Но исходный информационный материал для представления и мышления субъект получает из памяти, а память — от воспринимающих эту информацию органов чувств, а последние снимают ее из ими познающихся реалий.

Результат процессов представления и мышления, осуществляющийся в ходе соответствующих взаимовлияний и взаимодействий между сознанием и участвующими в этом участками биовещества и органов организма, осознается как явьность, т. е. как феномен данности субъекту соответствующих мыслей, идей, переживающихся, испытывающихся субъектом как соответствующие структуры комплексов антиощущений, соответственность структуры-ничто которых с предметом познания или пришла извне, или сформирована в результате творческих мыслительных усилий и может быть проверена в результате превращения этих представлений в восприятия, если речь идет об отображении тех реалий, которые чувствуются и различаются органами чувств.

§ 2.

I

Хорошо и точно выявленная архитоника образ-восприятия в процессе воспринимания чувственных данных взаимодействия предмета и соответствующих органов чувств и объективная структура-ничто этого предмета находятся — и не могут не находиться — в некотором соответствии. И архитоника этого образ-восприятия является — и не может не являться — первично данной и подлинно достоверной для этого субъекта в момент приема этого образ-восприятия. В архитонике восприятия, хорошо выявляемой разнообразием движений орга-

нов чувств по отношению к объекту, нет и невозможна ложь по отношению к той же структуре-ничто того же предмета, воспринимающегося в это же время и с той же позиции. Ибо при этом имеет место процесс схождения с предмета его отображений, распространения их и вхождения в субъект структуры-ничто через среду элементов (канал связи) между предметом и сознанием субъекта, если даже она не вся выявляется в процессе восприятия или выявляется только на уровнях сложности, чувствами различающихся. Но та, что выявляется, есть такая же самая, которая есть и в восприятии отображающейся реальности. При помощи выяснения формы границ между такостями ощущений субъект выявляет ту идеальную архитонику восприятия, которая и есть структура-ничто взаиморасположения такостей воздействия объективных реалий на субъективное органов восприятия. И поэтому архитоника восприятий подлинно истинна. Это преимущество восприятия. Но архитоника восприятия не может быть соотнесена и сопоставлена со структурой-ничто этого же предмета в иное время его существования, или со структурой-ничто этого же предмета, но с иной позиции. Этим и обуславливается ограниченность восприятия, т. к. восприятием невозможно познать все развитие предмета и все глубинно-мелкие структуры элементов, вызывающие и обуславливающие его развитие. Мы не можем узнать, какова была структура этого предмета ранее и какова будет позже, т. к. восприятие, как форма познания, прекращается разрывом процесса соприкосновения и взаимодействия с объективным и воспринимания воспринимающего. Кроме того, одним восприятием мы не можем познать своего сознания и явность, т. к. не можем выйти из противостояния нашего сознания и данного ему в восприятии; восприятие сознанием самого себя (сознания) невозможно.

Что же касается тех конкретных ощущений, которые наполняют собой архитонику восприятия, то они могут быть изменчивы, т. к. одинаковые воздействия одинаковых или тех же самых объективных множеств элементов на одно и то же субъективное сенсорное поле могут вызывать в разное время различную по интенсивности и по субъективной окраске чувственность из-за изменений состояний этого субъек-

тивного сенсорного поля. Одна и та же температура одной и той же воды в 20°C может ощущаться и как теплая и как холодная, но начало ее поверхности обусловлено объективной реальностью в данном восприятии подлинно истинно.

Структура-ничто представления, без изменений извлеченная из памяти, находится в некотором соответствии с архитектурой тех восприятий, которые были зафиксированы соответствующими участками памяти. Но может и не находиться в этом соответствии настолько, насколько непрочна и не без изменений сохраняла их память и насколько были внесены в нее изменения в ходе процесса извлечения и формирования содержания представления. Преимущество представления перед восприятием состоит в том, что процессом превращения представления в восприятие можно осуществить проверку соответствия содержания представления с предметом познания, воспринимающегося в иное время или с иных позиций. При помощи представления извлеченной формы и повторного восприятия, обнаружением их несоответствия, мы можем познать изменение, развитие предмета или изменение его места без непрерывного чувственного восприятия его или изменение и развитие (в том числе и истинность, и ошибочность и ложность) представления у данного индивида об этом же предмете. Благодаря задержке отображения предмета в памяти и последующему извлечению этого отображения из памяти в форме представления и благодаря повторному восприятию того же предмета имеется возможность не только обнаружить изменения, происшедшие с предметом, но сделать и экстраполяцию, этих изменений на возможные будущие состояния этого предмета.

В восприятии субъект выявляет такости чувствования материального и границы-ничто между различающимися такостями чувствования. Непризнание же этих идеальных прерывностей как одной из двух противоположностей не только субъективной, но и объективной реальности вводит в заблуждение и в непреодолимые трудности объяснения. В представлении же субъект вспоминает и выясняет такости чувствования антиощущений, их взаимопротяженности и формы и границы-ничто между ними. А принятие феномена вспоминающей такости чувствования (антиощущения) за мифическую идеальность устраняет истинный смысл идеального как границы-

ничто между хоть чем-то отличающимися нечем, из-за чего разум и входит в заблуждения и встречает непреодолимые трудности объяснения.

Значение истинности и ложности такостей ощущений, заполняющих и несущих собой архитектуру образ-восприятия, субъект не может выявить без обращения к антиощущениям, т. к. такость (чувственная окраска, модус) ощущения является такой, какой она есть, какой она у субъекта вызывается в результате актуального взаимодействия субъективного и объективного, и сопоставлять ее можно только с ожидавшимися такостями антиощущений. Соответствие такости ощущения с ожидавшейся такостью антиощущения зависит от изменений, произошедших и в субъективном консорсном поле и в воздействующих на него объективных реалиях. Но если есть ощущение, то есть полная достоверность в том, что есть нечто объективное, что есть множество объективных элементов, которые из-за неосвоенности телом ощущающего органа и из-за инакости движений и воздействуют на субъективную структуру элементов и этим вызывается соответствующий феномен ощущения. Но из того, что у субъекта нет ощущения, не следует, что нет ничего объективного по отношению к этим субъектом освоенному, т. к. редкие, далекие или малые множества мелких элементов не в состоянии вызвать ощущение.

Соответствие (совпадение) и несоответствие (несовпадение) такостей антиощущений в представлении с отображающимися в них такостями ощущений устанавливается в результате процесса превращения соответствующих представлений в соответствующие восприятия. Но если есть антиощущение, то есть полная достоверность в том, что у субъекта нет какого-то объективного материала, внешнего по отношению к телу субъекта и потребного ему, а если у субъекта нет антиощущения или оно не осознается, то из этого следует, что у него нет потребности на объективное или она не осознается.

II

Истинность или ложность восприятия зависят от того, по отношению к чему мы выявляем степень его соответствия и что мы берем в нем для выявления этого соответствия — протяженные такости ощущений, наполняющие (вернее, составляющие) архитектуру этого восприятия, или форму, очер-

тания границ между различающимися ощущениями (т. е. идеальное архитоники).

Если в образе-восприятии мы берем только идеальное его архитоники и определяем его соответствие (или подобие) форме структуры-ничто восприятием познающегося предмета, то соответствие, (или подобие), истинность ее будет зависеть от характера и меры тех искажений, которые привнесены каналом связи в форму структуры-ничто отображения на его пути от отображающегося в нем предмета до становления его образом восприятия; а степень подробности структуры-ничто образа зависит от чувствительности и различающей способности соответствующего органа чувств и от степени и характера выразнообразности движений воспринимающего органа относительно предмета восприятия. Следовательно, лишь мера этого соответствия, лишь степень истинности может изменяться в разных случаях, в разных условиях и при разных состояниях органов чувств. Но нет никаких оснований для крайностей агностицизма, нет оснований для сомнения в том, что соответствие между хорошо выявленной и различением такостей ощущений выясненной структурой-ничто восприятия и вызвавшей ее структурой воспринимаемого предмета есть; степень же и характер этого соответствия обусловлены вышеохарактеризованными обстоятельствами.

Этот вывод получен нами в результате исследования процессов отражения в развитии, в результате исследования развития структуры систем, процессов отражения и процессов распространения отображений, одной из форм которых и есть восприятие.

Восприимчивая информация является для субъекта данной извне. И лишь с ней он может сопоставлять и к ней подгонять структуру своих представлений, мыслей, но не ее с ними, если он желает достичь максимально возможного соответствия своих представлений, мыслей с предметом познания, не изменяя его обработкой. Ведь архитоника восприятия потому и есть, что она субъектом выявляется в объективном и снимается как инвариант, как независящая от движений субъективного форма архитоники восприятия, по отношению к которой субъект и может проверять и устанавливать истинность результатов познания, полученных иными формами.

Степень инстинктивность информации, фиксирующейся в представлении извлеченной формы, будет обусловлена всеми теми факторами, которые имеют место при восприятии и запоминании того восприятия, результатом воспоминания которого является информация данного представления, и теми факторами, которые вызывают изменения информации при хранении в органе памяти и при извлечении ее из памяти и в ходе формирования этого представления. И поэтому мы имеем основания утверждать, что соответствие между структурой извлеченной формы представления и объективным предметом есть; оно обусловлено объективным процессом прохождения структуры-ничто отображения этого предмета в форме восприятия, памяти и представления. Естественно, что при этом следует учитывать помехи, шумы и все другие факторы, которые изменяют, искажают отображение и уменьшают степень этого соответствия по мере реализации всех процессов продвижения и преобразования отображения во всех его формах и по всему каналу и на его переходах.

Особенность поведения субъекта может быть следствием того, что он пытается превратить свои представления в соответствующие потоки восприятий и при всем этом уточняет и изменяет структуру своего представления, а не свои движения по отношению к воспринимаемому объективному предмету (установка на познание, а не на обработку предмета). Но если субъект стремится сохранить структуру того представления, которым он руководствуется, и добиться превращения его в ему соответствующие восприятия путем творения разнообразий своих движений и поведения по отношению к предмету и если он при этом добивается в конце концов успеха, то в таком случае речь идет об обработке внешних предметов в соответствии с представлением субъекта. Наводяющие нашу философскую литературу споры о первичности и вторичности вообще, без точного уяснения вопроса о том, первичность и вторичность чего, по отношению к чему и в каком смысле определяют, являются схоластичными, пустыми.

Целесообразное управление субъективного движения возможно лишь при ориентации его от представления через сопо-

ставление его с текущими восприятиями к будущему восприятию объекта интереса. Представление субъекта может содержать в себе возможное будущее как переформированные структуры прошлых восприятий, извлеченных из памяти. А движение тела субъекта в теперешних обстоятельствах дает сознанию субъекта текущие восприятия, в сопоставлениях которых с представлением о возможном будущем и о путях его достижения имеется возможность управлять движением тела и органов так, чтобы возможное в представлении превратилось в действительное восприятие. Потребности и интересы, выведение представлений будущего из воспоминаний прошлого и воспринимания теперешнего при помощи восприятий и представлений и обуславливают процесс активного движения, поведения и целесообразного преобразования объективной и субъективной реальности.

Основная ограниченность представления и неречевого мышления состоит в том, что без тех форм познания, которые развиваются у субъекта-индивида как элемента общественной системы, (а это понятие, суждение и пр.) весь опыт и результаты индивидуального познания оставались бы достоянием одного индивида и не могли бы быть переданы другим, что обусловило бы невозможность познания процессов развития тех объектов, продолжительность этапов развития которых равна или больше той продолжительности жизни человеческого индивида, когда он способен к активной познавательной деятельности, и невозможность избавления от некоторых субъективных привнесений без выявления адекватности результатов познания одного и того же объекта разными людьми с разных позиций, обусловило бы невозможность накопления и хранения человеческого опыта в ходе исторического развития общества. Это обусловило бы невозможность образования общественных систем, а следовательно, и невозможность существенного выделения человека из мира животных и опережения их в своем развитии.

IV /

Если имеется соответствие или подобие, изоморфизм или гомоморфизм между структурой элементов представления (форма и размеры протяженностей антиощущений и границично между ними) и структурой элементов того предмета, к которому соотносится данное представление в качестве

знания, отображения его, то такое представление истинно в соответствующих степени и отношении.

Факт — это термин для обозначения того фрагмента реальности, который был дан (тогда факт был), дан теперь (тогда факт есть) или может быть дан вновь (тогда факт может быть) субъекту лишь в форме восприятия, который как-то выявлен и выделен субъектом из реальности в целях запоминания или познания и соответствием содержания мысли с которым субъект согласовывает, ориентирует дальнейшее свое поведение и развитие познания. Факт является субъекту из реальности в процессе и в результате восприятия; но он может как предшествовать основывающимся на нем результатам познания, достигнутых любыми формами, так и быть предсказанным, угаданным, указанным мышлением. Если истинность представления устанавливается выявлением соответствия его с восприятием, то такую истинность будем называть фактической (в отличие от истинности логической, смысл которой уясним потом).

Известно, что геоцентрическое представление о вращении солнца вокруг земли подтверждается восприятиями даже, как это нам кажется, более точно и просто, чем представление гелиоцентрическое. Но здесь мы имеем пример развития содержания представления извлеченной формы в более сложное и творчески сформированное содержание. Простота структуры представления сама по себе не является критерием истинности, если даже она легче мыслится. Представление, чтобы быть истинным, должно быть не менее и не более простым, чем соотносимое к нему и им познающееся, отображающееся в нем и соответствующее ему в мере, определяющей собой меру истинности. Истинная мысль должна быть так и настолько проста или сложна, как и насколько проста или сложна отображающаяся в этой мысли реальность. Представление извлеченной формы, взятое само по себе или в связи с другими представлениями, в некоторых условиях может получать подтверждение в восприятиях, т. е. может оказаться фактически истинным, но взятое в связи с другими представлениями или с большим их набором может обнаружить неточность структуры своих элементов или полное несоответствие и ложность.

Может быть ошибка в установлении степени соответствия, могут быть разные мнения о степени соответствия, устанавливаемой в разное время или разными людьми или разными способами и пр. Но если такая-то степень соответствия установлена, то она будет только одна, потому что если не одна, то она не установлена, ее нужно еще устанавливать до тех пор, пока она не станет одной. Ведь в этом сам смысл подобия, соответствия, совпадения. И это вовсе не означает, что данное представление, степень соответствия смыслового содержания которого с предметом познания установлена, имеет это соответствие только по отношению к одному единичному предмету. Эту же меру соответствия или подобия представление с этим же содержанием может иметь и по отношению к целому множеству тех единичных предметов или их участков, каждый из которых имеет в себе такой же фрагмент структуры-ничто. Ясность в этом вопросе имеет принципиально важное значение, т. к. многие ловцы плетут здесь силки, убеждая улавливаемых: или в том, что истина что дышло — куда повернул, туда и вышло; или в том, что истинность не одна, что она многозначна и относительна; что с полным правом и с одинаковой истинностью мы можем об одном и том же, в одно и то же время и в одном и том же смысле думать так и этак, (что оно есть и что его же нет, что оно такое и что оно же не такое); что истина конвергенционирует в ложь и наоборот; убеждая во всякое такое, что хоть как-нибудь сбивает ищущих правду и справедливость с истинного пути.

Представление может быть соотнесено и сопоставлено с восприятием и при наличии соответствия может получить подтверждение своей истинности. Восприятие же само по себе, без представления, есть факт, есть такая чувственная данность реальной действительности, которая является непосредственно достоверным и мерилom истинности представления. Посредством восприятийных чувств объект дается нам в своем фактическом значении. Значение истинности может иметь лишь то, что может быть и ложным. Но чувственные данные актуально переживающиеся субъектом в этих условиях для этого же субъекта и в это же время не могут быть ложными. Именно как мерило истинности представляющегося, мыслящегося чувственные восприятия и прекращают сом-

нения и споры. Но чувственные восприятия как мерило истинности и как непосредственная достоверность, эту роль играют благодаря тому, что они оказываются единственным пропуском и подателем идеальности отображений, идущих из объективной реальности. Но это вовсе не означает, что нет иных способов появиться новому знанию в нашей голове, кроме, как войти в нее структурами-ничто восприятий. Оно может формироваться и развиваться нами в нашей голове из исходного, извлеченного нами из памяти, в результате процесса мышления.

V

Из уясненной сущности восприятия и представления становятся понятными некоторые возможности для дальнейшего развития познания. Новые восприятия в одних и тех же условиях можно получить лишь произведением новых видов и форм движения субъекта, направленных на изменение и вызывающих изменение условий и предметов; а новые виды и формы движений и деятельности можно произвести руководствуясь новыми представлениями.

Возможности познания структуры элементов и систем объективной реальности восприятием ограничиваются диапазоном тех уровней сложности и количества их, которые этой сложностью структуры этого количества своих элементов в состоянии вызвать какую-либо чувствительность в теле организма субъекта. Этим обуславливается наличие предела различающей способности органов чувств при продвижении вглубь строения вещества, при переходе к чувственному познанию элементарно-структурных образований низших уровней сложности (отдельный атом и тем более элементарная частица не чувствуются и не различаются) и при переходе к чувственному познанию систем таких уровней сложности, которые во всей своей целостности не охватываются нашими восприятиями (солнечная система, галактики и т. д.).

Из сущности представления следует, что возможность проверить и подтвердить истинность его содержания обуславливается возможностью получить превращаемость всего или некоторой части его содержания в восприятие. Но такое подтверждение в свою очередь можно получить лишь в диапазоне тех уровней сложности, которые доступны телесной чувствительности организма человеческого индивида. Однако

есть и другие возможности. Так, например, экстраполяция формы траектории и скорости движения интересующего нас предмета, выясняющиеся в процессе сопоставления представлений только что принимавшихся восприятий с восприятиями текущего мгновения, позволяют сформировать представление о его будущем состоянии и ориентировать движение тела или органа субъекта с учетом упреждения. Эта способность вырабатывать представления, упреждающие будущие восприятия, способность опережающего отражения в свою очередь может развиваться и совершенствоваться и достигать такого состояния, которое позволяет субъекту, развившему эту способность, быстрее и легче достигать намеченных целей. При этом субъект с такой ориентацией своего поведения все чаще будет действовать вопреки и наперекор текущим приятным и неприятным ощущениям и восприятиям и, подчиняя их выработанной цели, будет все же достаточно часто достигать ее. А по мере приобретения опыта в таком поведении — все чаще и все успешнее будет достигать своих целей. И тогда субъективно выработанные представления о путях к цели будут оказываться истинными и успешными для этого субъекта. Но разве нельзя эту способность представления как формы познания использовать не только для познания уровней сложности, доступных чувствительности, но и за пределами ее?! Естествознание уже давно этим занимается, конструируя мысленные модель-представления объектов микромира, макромира и метамира. Ни у кого не вызывает сомнения и такая особенность представления, как способность уменьшать и увеличивать структуры представлений о предметах. Ведь мы свободно можем вообразить в своем представлении множество домов и модель атома. Эмпирический феномен, которым отличаются мышление от домыслительных форм отражения, является резкая потеря зависимости от расстояний и времен между субъектом и отображающимся в его мыслях объектом и от размеров мыслящегося и в мысли отражающегося. ¹⁾

Внутренний состав и структуру, строение и работу какой-либо системы или ее части и ее элементов мы можем познавать при помощи разъединения этой целостной системы на

¹⁾ См. Л. М. Веккер. «Психические процессы». ЛГУ, 1976 г. т. 2, стр. 39.

ее составляющее, при помощи познания этих частей и элементов и при помощи последующего соединения их в такую же целостность. Но соединить разъединенное в такую же целостность можно при помощи представления о той целостности, которую имело разъединенное до этого, и о той последовательности и характере действий, которыми удалось разъединить целостность на ее составляющее. И даже простейшее действие, направленное на целесообразное преобразование предмета, возможно лишь тогда, когда действующий использует и представление и восприятие. Так что одним восприятием мы не можем познать внутреннее строение сложной системы, а в единстве с представлением уже появляется такая возможность. А вот представление без восприятия, если у субъекта достаточно развиты способности к преобразованию извлеченных форм представления и сила творческого переформирования, реконструирования и воображения, предоставляет возможность познавать состав и внутреннюю структуру систем путем мысленного разъединения и соединения выделенных в представлении элементов в исходную целостность составляемой ими системы, выявляя при этом возможные структуры, обеспечивающие целостность и функционирование системы.

«Теория рефлекторной деятельности, — писал И. П. Павлов, — опирается на три основных принципа точного научного исследования: во-первых, принцип детерминизма, т. е. толчка, повода, причины для всякого данного действия, эффекта; во-вторых, принцип анализа и синтеза, т. е. первичного разложения целого на части, единицы и затем снова постепенного сложения целого из единиц, элементов; и, наконец, принцип структурности, т. е. расположения действия силы в пространстве, приурочение динамики к структуре». ¹⁾ На эти принципы, помимо прочих, должно опираться исследование и объяснение любого предмета познания.

Смысл идеального и материального и из них составляющихся элементов и структур предельно всеобщий, т. е. настолько в отображательном аспекте всеохватывающий, что ими можно познать, отобразить и объяснить абсолютно все то, что

И. П. Павлов. Пол. собр. трудов. М.-Л., 1949 г., т. 3 стр. 436.

вообще можно познать, отобразить, объяснить в реальной действительности: ведь кроме протяженностей, материей составляющихся (=нечто), и непротяженных границ между ними в местах их взаиморазличения (=ничто) ничего в реальности, во Вселенной больше нет и быть не может. Вот мы и разложили познающуюся нами реальность до этих элементов. Теперь нужно окончательно и абсолютно истинно познать те причинно-следственные и пристрастенно-структурные механизмы и те исходные элементы, из которых все и начинается, и получается, и развивается, и обуславливается. И затем, в соответствии с самой сущностью реальной действительности, саморазвивающейся из своих начал и элементов, познавать ее и объяснять выведением всего получающегося из этих начал и элементов, опираясь на данные восприятий и обогащаясь ими, к чему мы и продвигаемся.

§ 3.

I

Многие трудности из тех, которые испытывает ныне господствующая теория познания и СНОЗ, в значительной степени обусловлены и тем, что не уяснены сущность и существенное отличие представления и восприятия как форм познания. Неуясненностью диалектики тождественного, различного и противоположного в восприятии и в представлении как процессах и формах познания, неразличением и неуясненностью сущности и роли ощущений и антиощущений, памяти, интереса, потребностей и другого в тех реальных процессах, которыми осуществляется познание, затрудняется обнаружение новых эвристических приемов и возможностей познания и путей его дальнейшего развития, обуславливается расхожее процветание несостоятельных гипотез, неразберихи и заблуждений, обуславливаются возможности для крайних и односторонних оценок роли и возможностей чувственных форм познания, возможности для обоснования агностицизма, основывающегося на недостатках, ограниченностях и субъективизме одних форм познания и возможности для обоснования переоценки роли чувственного познания, основывающейся на достоверности, точности и объективности информации, дающейся субъекту чувствами, что ведет к вредотворной недооценке роли представления и мышления, к вредотворному пренебрежению так наз. умозрительных форм познания.

Уяснение же и различение указанных понятий снимает эти ограничения и вооружает научное познание новыми эвристическими формами и приемами чувственного и нечувственного (умозрительного) познания, отсекает тот сук, на котором сидит агностицизм и созерцательный метафизический эмпиризм, дает простор для дальнейшего развития знания о процессе познания, о познаваемом и о самом знании. Так как вся старая и современная литература по теории познания представляет собой скопище заблуждений и верных шагов, запутанностей и проблесков, лживых и хитроумных измышлений и полезных и интересных размышлений, — скопище, которое своей запутанностью и массой в состоянии сбить с толку почти всякого, ищущего истинную дорогу к подлинно истинному знанию, то работа по разбору мыслей других авторов, когда бы они не высказывались имеет большое значение и для защиты правды и справедливости, и для расчистки путей к ним, позволяет более разносторонне поупражнять мышление в применении здесь развивающейся логико-понятийной системы и выяснить тот или иной вопрос. И поэтому следует быть признательными не только тем, чьи мнения мы можем разделить, т. к. они верны, но и тем, кто менее точными и даже ошибочными суждениями содействовал упражнению человеческих способностей к познанию.

II

Структуры, следующие друг за другом в восприятии, будут следовать в том же порядке в представлении лишь в том случае, если имеется в виду представление извлеченной формы: вспоминание хорошо сохранившегося в памяти и извлеченного из нее в виде структуры антиощущений без значительных изменений и дополнений. Неразличение двух форм представления, имеющих существенно важное значение для уяснения возможностей и путей развития познавательных способностей человека, и тем более отнесение представления к формам чувственного познания тормозят развитие теории познания. А такое отношение к представлению в немалой степени предопределено взглядами предшественников.

Английский материалист Т. Гоббс, например, смотрел на представление как на ослабленное ощущение. По его мнению все движения в представлении являются остатками движений, произведенных в ощущении, как будто субъект не имеет возможности в процессе мышления как угодно перестраи-

вать представляющиеся ему фрагменты вспомненных структур. «Представляя себе одну вещь, — пишет Т. Гоббс, — мы не можем сказать с уверенностью, каково будет наше ближайшее представление. Одно лишь можно уверенно сказать, а именно что это будет нечто следовавшее за имеющимся у нас представлением в то или иное время ранее». ¹⁾ Но ведь это если все представление сводить только к одной его форме — к форме извлеченного представления. А какие цепи накладываются на творческое мышление вот таким суждением: «У человека не может быть никакой мысли, никакого представления о вещи, которые бы не содержались в ощущении». ²⁾ Заметим, что Гоббс не видит существенного отличия между ощущением и восприятием. Значит такого представления, которое вызывается у нас словами А. С. Пушкина: «...златая цепь на дубе том, и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом...», нет и быть не может? Ведь ни читатель, ни поэт не воспринимал такое сочетание реальных предметов! Но если это имеет место в художественном творчестве, то почему же оно невозможно в научном творчестве? В том то и дело, что человек в процессе формирования представления может варьировать последовательностями и взаиморасположениями тех структурных фрагментов антиощущения, которые он извлекает из памяти. Более того, и эти фрагменты он может дробить и преобразовывать мышлением.

Возражая идее Аристотеля о том, что видимая вещь посылает во все стороны свои призраки, видимые видением, Гоббс закрывает возможность усмотреть в этой идее и долю истины: ведь истекают же отображения от тех вещей, которые мы видим на расстоянии! Но Гоббс остается прав, возражая идее Аристотеля, согласно которой причиной понимания является посылаемое понимаемой вещью умственное видение, как будто наше понимание этой вещи вкладывается нам посылаемыми этой вещью умственными видениями. Однако и здесь нельзя огульно отбрасывать Аристотеля. Ведь без принятия нами тех структур-ничто, которые истекают от вещи в форме отображения и поступают к нам в форме восприятия, мы не смогли бы правильно понять саму вещь. Другое дело, что прием и правильность понимания зави-

¹⁾ «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 315.

²⁾ Там же, стр. 318.

сят не только от вещи, но и от среды и, главным образом, от субъекта. Для доказательства идеи истечения отображений мы находим весьма важный аргумент у Гоббса: «Всякий из собственного опыта заст, что отсутствие или уничтожение вещей, раз воспринятых нами, не влечет за собой отсутствия или уничтожения соответствующих образов»¹⁾. Без истечения отображений и идеального в них объяснить это невозможно. И прежде чем обрушиться с критикой на идею истечения отображений критикам необходимо дать убедительное объяснение этому феномену: каким образом у нас остается представление с такой структурой своего содержания, которая соответствует, подобна, гамоморфна или иногда даже изоморфна некоторому фрагменту структуры предмета (на соответствующем уровне сложности элементов этого предмета, составляющих этот фрагмент его структуры), если этот предмет по какой-либо причине уже не воспринимается? «Простая духовная субстанция, — рассуждал Соломон бен-Иегуда Ибн-Гебироль, — сообщает свою форму и производит свои отпечатки в телесной субстанции таким же образом, как солнце излучает свой свет, который погружается в воздух и проникает в него, не становясь, однако, видимым вследствие тонкости воздуха, пока он не встретит твердого тела, какова земля; тогда свет становится видимым для чувства, так как он не может проникнуть в части земли и распространиться в них, но останавливается у поверхности тел, так что его сущность сжимается и его излучение усиливается.»²⁾ Учитывая историческую ограниченность понятий цитируемого автора, который подводит все под начало единой и верховной божественной воли и оказывается связанным монистической логикой мышления, продолжим это рассуждение по-своему. Дейдя до тела субъекта лучи солнца инаякими движениями своих элементов вызывают чувственность, комплекс такостей которой снимает, берет на себя, в чертах архитоники комплекса ощущений (в форме границ между различно ощущающимися) отображает соответствующую расположенность разных потоков (волн) элементов солнечных лучей или чувственностью различающихся участков агента и явностью несет ее к

¹⁾ «Антилогия мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 342.

²⁾ «Антилогия мировой философии». М., 1969 г., т. 1, стр. 772.

сознанию. Элементы солнечных лучей при этом остаются и делают свое дело на поверхности тела субъекта или в поверхностном слое его, а идеальное восприятием выявленного отображения входит во внутрь субъекта уже элементами, реализующими собой соответствующие процессы в организме субъекта, и благодаря сохранению формы очертаний границ между протяженностями различающихся материальных нечто субъект получает возможность познавать.

Субъект способен к отвлеченному мышлению благодаря тому, что его сознание может извлекать из памяти одни антиощущения рядом с другими или вслед за другими антиощущениями и перемешивать их и в результате этого складывать сложное представление с очертаниями идеальных границ между различающимися протяженными антиощущениями, формировать и переформировывать его и сопоставлять его с ощущениями и с формой границ различных ощущений (архитонику) в восприятии, если даже элементы, несущие собою архитонику восприятия, относятся к элементам иных уровней сложности и обладают совершенно иными свойствами.

III

В теории познания, как и повсюду, крайности и односторонности вредны. Одни мыслители утверждали, что сущность вещи можно познать только разумом, другие — только чувством. Но истинного познания этого вопроса можно достичь лишь олагодаря истинному познанию сущности, роли и возможностей чувственных и мысленных (умозрительных) форм познания и олагодаря правильному использованию их.

Джон Локк в познании этих вопросов в свое время был впереди других. Он говорит об ощущениях и о деятельности ума как о двух источниках идеи. Он говорил об идеях первичных качеств вещей, содержание которых определяется находящимся в вещах даже тогда, когда мы их не воспринимаем. Но у Локка формы чувственного и мыслительного познания не уяснены и не расположены одна к другой так, как они и проявляются в реальном процессе познавания. Трудности понять процесс познавания без признания паличия идеальных структур в объективной реальности вынудили Локка к поползновению в субъективизм. Ведь из того, что чувственностью данное не находится в самих вещах, делается вывод, что «все

наше познание состоит в созерцании умом своих собственных идей»¹⁾ и что познание поэтому есть восприятие соответствия или несоответствия двух идей, обосновывается возможностью познания только сопоставлением и достижением соответствия идей с идеями, а не сопоставлением и возможностью выявления соответствия идеи с вещью, представления с восприятием по меньшей мере не обращается внимание, а то и вовсе оказывается, что такой возможности нет. В том то ведь и дело, что оперируя с идеальными структурами в уме субъект оперирует такими фигурами, которые могут соответствовать познаваемым вещам и могут не соответствовать. И успех в познании зависит от субъекта, от знания им процесса и форм познания, от знания им того, как следует познавать интересующий его предмет. Незнание и непризнание того идеального, что вместе с материальным обеспечивает собой общую основу для процессов отражения и отображения, невозможно понять того, как вообще возможно вхождение к нам извне, от реальной лошади, например, того соответствия, которое мы имеем в своем представлении о лошади. Может мы вносим это соответствие в лошадь внесением в нее своей идеи? Но и в этом случае как возможен выход нашей идеи из нашей головы и перенос ее в реальную лошадь и отчуждение последней от нас? Невозможно это объяснить, если не признавать наличия в реальности границ-ничто между различными нечто. И границы эти таковы, что не чинят собой никаких препятствий и никаких преимуществ для движений ими ограничивающегося — все препятствия и прерогативы обуславливаются иными материальными нечто, соприкасающимися между собой через ничто, являющееся следствием различности взаимосоприкасающихся нечто. Телезио, находившийся в плену идей своего века и подчинявшийся все (и ощущения) священному писанию, был прав в том, что считал, что человеческая мудрость достойная почитания тогда, когда она достигает таких вершин, из которых становится возможным «обнаружить то, что явило ей ощущение, и что можно извлечь из подобия вещей, воспринятых чувством»²⁾.

¹⁾. «Анатолия мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 429.

²⁾. «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 124.

Человеческое мышление должно было пройти еще долгий путь, в том числе и школу осмысливания процессов кодирования, переноса и декодирования всевозможных изображений посредством множеств импульсов электрического тока в телевидении и в электронно-вычислительных машин, т. е. посредством формирования структур-ничто на материале потоков электромагнитного уровня сложности.

Пользуясь неизвестностью, неясностью, неопределенностью сути всеобщего в представлении, в мыслящемся, в идеях Беркли уговаривает читателя согласиться, что материи нет, т. к. протяжение, фигура и движение суть лишь идеи, которые он выводит из духа, и из которых он пытается вывести восприятия (путая, смешивая и отождествляя их и спекулируя на том, что таковы чувствования у субъекта меняются в зависимости от его состояний, и на том, что мы можем преобразовывать образы в воображении, мышлением). А затем он опять идет от восприятий к идеям и к духу, оставаясь в рамках монистического идеализма. Всю объективную реальность, вызывающую у нас потоки восприятий, Беркли перенес в субъективный мир и отождествил ее с последним, а в качестве главы и верховной причины всему поставил над всем этим бестелесный дух И теперь он говорит, что «вы можете, если это нравится вам, употреблять слово «материя» в том смысле, в каком другие люди употребляют слово «ничто», и таким образом, делать эти термины однозначными в вашем способе выражения»¹⁾. Здесь «ничто» употребляется, конечно, не в нашем смысле, а в смысле того тупика и предела для мышления, от которого следует поворачивать мышлению обратно. Таким образом Беркли пытался обратить в свою веру верящих в действительное существование объективного мира.

А монистический материалист, пустившись в противоположную крайность, уговаривает нас согласиться с тем, что идеального, противоположного во всем по отношению к материальной субстанции, нет, т. к. идея протяжения, фигуры и движения суть лишь материальное, пересаженное в голову и преобразованное в ней. Но тогда, спросим мы, благодаря чему и как представляющееся может иметь сходство с тем, что осталось непересаженным в голову? благодаря чему и как мы получили в голову соответствие и сохраняем его в ней, если

¹⁾ «Антология мировой философии». М., 1970 г., т. 2, стр. 523.

то, чему это соответствие соответствует, осталось вне головы? каким и чем же является то, что дается субъекту как представление, как идея? Возможно ли такое, чтоб нечто было материальным, а войдя в голову преобразовалось в идеальное? Что же тогда есть идеальность, если это не ничто между чем-то взаиморазличающимися протяженными элементами? А если это ничто, то почему же оно только в голове? Может ли хоть какой-нибудь элемент переместиться в голову извне, не сопровождаясь при этом своим ничто и вовне и в голове, а сопровождаясь им только в голове? Если единственно возможно, что нечто, протяженный элемент не может существовать без ничто ни в голове, ни вне нее, то и остается единственная возможность строить в голове различные формы из идеальных ничто при помощи перемещений и перегруппировок протяженных элементов, извлекающихся из памяти в виде антиощущений, производимых в органе мышления в результате произвольных или непроизвольных мыслительных усилий, воображения и пр. Сутью того всеобщего, из чего и составляются все и любые представления, мысли, идеи, и есть протяженности различных антиощущений и границы-ничто между ними.

В спорах древних и средневековых мыслителей о душе и теле, когда теория познания была еще не так очевидно и резко разделена на две взаимопротивоположные монистические системы, можно найти немало рассуждений, проводимых по правилам дуалистической логики. Но и дуализм еще был не осознан как методология, как логическая форма познавательного мышления; он еще не обособился от монистической логики. Лишь позднее под влиянием обострения классовой борьбы и преследования эмпиризма в познании, теория познания более резко раскололась на две монистические системы, а скомпрометировавший себя домарксистский дуализм отодвинулся на задний план. В спорах о душе и теле, о божестве и природе по существу шел спор о нематериальной субстанции, необходимость которой признавалась одними наряду с материей, другими как порождение материи, а третьими как порождающее материю. Пристли пишет, что Бейль и другие «смотрели на Декарта как на первого, кто создал подлинное учение о нематериальной субстанции, без всякого протя-

жения или отношения к пространству».¹⁾ Но понятие этой идеальной субстанции было у него в мистифицированной форме, допускалась возможность полного отвлечения идеальности от материи, мыслилась в образе какого-то миражного духа, существующего вне и независимо от материи. Здесь важно отметить лишь то, что уже осознавалась невозможность понять и объяснить процесс познания при помощи одной материи без противоположного ей во всем. Подпитывая свое исследование истории развития идей о нематериальной субстанции Пристли пишет, что «древние понимали под нематериальным бытием то, что мы сейчас назвали бы только более утонченной формой материи. Это нечто вроде воздуха или дыхания. Древние не отнимали у души свойства протяженности и способности занимать определенное место. По их представлению, душа имеет некоторые свойства, общие с материей, она может соединяться с ней, может действовать на материю и испытывать воздействие с ее стороны, может передвигаться с места на место вместе с телом. Но... такая нематериальная субстанция.... является в действительности совсем не имматериальной субстанцией, а лишь материальной».²⁾ И совершенно прав Пристли, ибо если что-то обладает хоть каким-нибудь свойством, хоть чем-нибудь, если оно не ничто, то оно уже есть материальное. Вся беда в том, что не замечали в реальности ничто как противоположности материи. А так как из того, что душа материальна, следовал опасный для духовенства вывод о том, что душа и тело умирают вместе, духовенство «принялось за очищение первоначального понятия духа, исключая из него все свойства, которые раньше считались для него общими с материей. Таким образом, они создавали нечто нематериальное,... без протяжения...»³⁾. Это вообще очень полезная была работа, если бы духовенству удалось очистить смысл понятия души от того смысла, который связывают с термином материя, и довести его до здесь определяющегося смысла ничто, чтобы открыть, уяснить и взять его в гносеологию как противоположность материи. Но до этого дело не дошло, т. к. очн-

¹⁾ Д. Пристли. Исследования о материи и духе. См. «Английские материалисты XVIII в.». М., 1968 г., т. 3, стр. 324.

²⁾ Там же, стр. 328.

³⁾ Там же, стр. 329.

щением души от материи духовенство искало не истину, а средство спасения своих привилегий. А ведь если бы эта работа была проведена до конца, то, отрицая у любого материального нечто всякое его составляющее, всякие и все свойства, неизбежно пришли бы к ничто. Пристли доказывает, что идеальное не может создать материального и поэтому отбрасывает идеальное, становясь на позиции монистического материализма. Но из того, что идеальное не может создать материю, вовсе не следует, что нет в мире того, что противоположно во всем материи. Ничто, представляемое как противоположность любого нечто, как раз и является таким, что и никакого места собой не занимает, и свободно может вноситься в любое тело, если оно только сложное, и выноситься из него. Теория познания понесла ущерб не от очищения смысла идеального от примесей смысла материального, а от того, что это очищение не было доведено до конца и что конечным результатом такого очищения не был получен смысл понятия ничто и не была познана и осознана его онтологическая и гносеологическая роль. Кроме того, теория познания несет не меньший ущерб и от очищения реальной действительности от всякой идеальности, что свойственно монистическому материализму.

Последуем за Пристли, который исследует развитие мнений о сущности души и нематериальности.⁴⁾ Хотя учение о нематериальности и бессмертии души современем и утвердилось, но нематериальная субстанция все же рассматривалась еще как нечто только более утонченное, чем грубая материя. А со временем защищалось представление о душе как вообще не имеющей ни одного свойства, общего с грубой материей, а потом и с материей вообще. Но как может душа не иметь никаких свойств? Тогда она не душа, а ничто!? А если она не ничто, то должна чем-то отличаться от него. Но отличаться от него она может лишь в том случае, если имеет хоть какое-нибудь нечто, ее свойства задающее, а следовательно и ее протяженность составляющее. И тогда она не может быть нематериальной.

Декарт, как пишет Пристли, «считал отличительным свойством души, или духа, отсутствие протяжения. На этой идее

⁴⁾ Там же, стр. 358—368.

была создана система имматериализма в ее самой утонченной форме, когда душа определялась как нечто нематериальное, неделимое, нерассекаемое, непространственное и не имеющее никакого отношения к месту или движению»¹⁾). Такая система не была создана потому, что идеальность отождествляли с душой, не познав ее, как теперь отождествляют ее с сознанием, не познав его; а не потому, что считали идеальность непротяженной.

Если спор об идеальности души и о материальности тела перенести на вопрос о ничто и нечто со здесь разъясняющимися смыслами этих понятий, то можно извлечь интересные рассуждения. Например, утверждали, что душа не имеет никакого отношения к пространству. А может ли наше ничто иметь какое-нибудь отношение к пространству? Ведь пространство — это уже не ничто, а нечто, ибо оно протяженное. И ничто имеет к нему то же отношение, что и к любому нечто: оно его прерывает там, где оно такое переходит в иное. Может ли ничто занимать собою пространство? Никак нет! Оно есть то, что есть там, где нет никакого пространства; оно прерыв всякого нечто, в том числе и пространства; оно ничто между любыми хоть чем-нибудь взаимоотличающимися нечто. Оно есть не какой-то носитель чего-то, а каждой всячиной носимое; и носимое не как нечто иное, а как чистая нагость предела всяко носящейся всячины; оно такое носимое, которым никакое носящее его нечто никак не обременяется — и поэтому никак этим нечто или другим не замечается, кроме только как предела, конца или начала каждого из них в месте соприкосновения и взаиморазличения их; а поэтому любой элемент сущего и носит его всегда с собой, существуя благодаря наличию иного нечто и отграничиваясь им от иного нечто.

А может ли и как же ничто может действовать на тело и испытывать воздействие от него? Никак! Оно не может действовать ни на что, через него действует всякое нечто на любое другое нечто! Ничто не может и испытывать воздействие, т. к. нечем ему испытывать — оно ничто. Через него всякие нечто испытывают воздействие иных нечто. В том то и беда, что и богословы и всякие прочие идеалисты мыслили некую

¹⁾ Там же, стр. 362.

идеальность, которая иногда у некоторых из них по смыслу кое в чем приближалась к смыслу ничто, но одновременно с этим они, не находя реального прообраза в реальности для этой идеальности, использовали ее в качестве хранителя и накопителя всякого незнания, в качестве пугала и демиурга все порождающего и все предопределяющего. Кроме того, они отождествляли такую идеальность то с богом, то с душой, то еще с чем-нибудь. С одной стороны, они очищали эту идеальность от матери, доводя ее чуть ли не до ничто; с другой стороны, они загрязняли ее, примешивали к ней всякие нечто, отождествляя ее то с духом, то с сознанием, то еще с чем-нибудь.

Ничто является тем единственным, через которое обнаруживается и соприкасается любое нечто с другим иным нечто, через которое соприкасаются и обнаруживаются и части Вселенной, части тела живых организмов, и части сознания и души, и части того, что реализует собой процесс мышления и того, что является результатом мышления. И поскольку мышление протекает в результате процессов образования и преобразования структур из комплексов антиощущающихся элементов, то естественно, что ничто в познании играет еще большую роль, ибо посредством его и достигается фиксация замечающихся янакостей ощущений (в восприятии) или антиощущений (в представлении), взаиморазмеров их протяженностей и форм их взаимоотнош. Мышление только и может заниматься извлечением и обработкой из памяти извлекающихся структур из антиощущений.

Английские материалисты XVIII в. обратили внимание на образование ассоциаций и их роль в процессе воспринимания и вспоминания, пытаясь объяснять при помощи ассоциаций даже и то, что ими не объясняется. Роль их ограничивается областью проявления мышления лишь в форме извлеченного представления. Формы творческого мышления потому и оказываются возможными, что в мышлении есть возможность (а для развития познания есть необходимость) разрушать и преобразовывать восприятиями ассоциированные и извлекаемые из памяти структуры антиощущений.

IV

«Итак, говоря, что один объект связан с другим, мы при этом подразумеваем только, что они приобрели связь в наших

мыслях и дают повод к заключению, посредством которого каждое из них становится доказательством существования другого...»¹⁾, — пишет Давид Юм вопреки тому, что различающиеся между собой элементы могут соприкасаться и связываться и в объективной реальности, а субъектом представляющиеся антиощущения могут получить такую же и не такую связь или такое же и не такое взаиморасположение. Для Юма «Нет заключений более приятных для скептицизма, чем те, которые открывают что-нибудь касающееся слабости и узких границ разума и способностей человека».²⁾ Для доказательства своего скептицизма в познавательных способностях человека он сводит все отношения к отношениям причины и следствия. Затем говорит, что «Единственная польза всех наук состоит в том, что они обучают нас управлять будущими явлениями и регулировать их с помощью их причин». Все это для того, что если удастся Юму доказать невозможность познания причины, то из этого будет следовать отсутствие всякой пользы от всех наук, что и требуется Юму доказать. Для этого он определяет причину как следование одного объекта за другим (см. там же, стр. 78). Вот ведь как: вместо того, чтобы искать то, благодаря чему нечто следует, следование одного за другим он берет за причину, — как будто следование каждого следующего опричинивается тем, что оно следует за другим. Но почему оно следует и почему следует за другим? Ответ на этот вопрос дал бы ответ и на вопрос о том, что такое причина! Но Юм уклоняется от поисков ответа на этот вопрос, а ведет к подмене следования одного за другим сопровождением одного другим в мышлении (когда мысль переносится с одного на другое). Разве из того, что одно сопровождается другим, следует что другое так-то проявляется именно потому, что оно сопровождается другим? Потом, разве если моя мысль переходит от одного антиощущения к другому или ставит их в представлении рядом, следует, что агенты, вызывающие одно и другое антиощущение, обязательно связаны между собой именно так? К тому же здесь дело запутывается и тем, что переход от объективного к мышлению осуществлен, минуя целый ряд

¹⁾ Д. Юм. Соч. в двух томах. М., 1965 г., т. 2, стр. 77.

²⁾ Там же, стр. 78.

ступеней этого перехода, и тем, что Юм путает, смешивает и не различает формы познания (ощущение, восприятие, представление, мышление). Далее Юм наводит читателя на то, что отношение причинности есть привычная связь в мыслях, сопровождаемая соответствующими переживаниями, не замечая и не желая заметить то, что связь вещей в объективной реальности может быть совершенно иной, чем связь мыслимого с этими вещами в мышлении субъекта. А если эта связь между мыслимым об этих вещах и такая же, то значит ли это, что эта связь пришла к нам в голову извне без изменения и вместе со связанным такой связью? Если мы сами в результате творческого мышления как-то связали нечто мыслимое, то причина связанности и причина именно такой связанности не в самой связанности, а в том, что связывало так связавшееся, и в том, почему связавшееся связалось именно так. Юм над этим не задумывается видимо из-за нежелания потерять приятность от заключений, «которые открывают что-нибудь касающееся слабости и узких границ разума и способностей человека». Он идет дальше: «Но упомянутая привычная связь или переход воображения и есть единственное обстоятельство, которым... отличаются друг от друга» следования друг за другом, и этот переход всецело обязан своим происхождением привычке и опыту. То есть причиной таковой существования одного нечто по Юму становится то, что благодаря моей привычке в моем мышлении за ним или перед ним всегда следует. Если я, идя на работу, всегда вижу сначала этот дом, за ним это дерево, то что же? причиной этого дерева и таковой его существования являются привычные для меня предшествующие следования этого дома в моем видении? А далее он «докажет» невозможность достоверного познания чувственностью, основываясь на том, что всякий и каждый в разное время чувствует по-разному одно и то же. И в заключение скажет, что науки не нужны, ибо они невозможны, и будет наслаждаться приятностями этих заключений.

V.

В главном своем труде «Критика чистого разума» И. Кант пишет, правда совсем не для той цели, для которой здесь используется им написанное. «Качество ощущения всегда чисто эмпирическое и его нельзя представить себе априори (на-

пример, цвет, вкус и т. п.)».¹⁾ Такость чувствующегося в ощущении всегда имеется лишь в результате реального процесса взаимодействия чувствующего и чувство вызывающего, и представить его можно лишь как антиощущение, но не как ощущение. Поэтому мы не можем вызвать представлением ощущение такой сладости, какую мы имеем, когда сосем сахар; но вызвать в себе антиощущение сладости и представить себе архитонику формы кусочка сахара мы можем, если до этого мы его уже соответствующим образом воспринимали. У только что родившегося ребенка еще нет антиощущений на материнское молоко, что следует из сути и процесса образования антиощущений; у него есть неосознающаяся им потребность на питание, образовавшаяся от прерванного процесса внутриутробного питания. И лишь получая материнскую грудь и молоко он получает первые именно такие-то ощущения, вызываемые восприятием груди и молока; и лишь снятие потребностей на питание и последующее возобновление их (воспроизводство организмом) образует соответствующие последствия и развивает способность к извлечению соответствующих антиощущений и способность к выявлению их и к организации тех движений, которые приводят к наслаждениям, связанным с и вызываемым превращением антиощущающегося в ощущающееся. Испытывая потребность в питании, которая усиливает его сознание и взаимодействие сознания с организмом, ребенок вспоминает и производит те движения, которые сопровождалась и связались процессом удовлетворения его потребности в питании, и ищет мать и ее грудь. А мать, обладающая несравненно большим опытом, в свою очередь испытывает соответствующие ощущения от скопившегося в ее груди и потребность избавиться от этого и формирует соответствующие представления. Так и устремляются с трепетом и радостью дитя и мать друг к другу, производя друг другу наслаждение и любовь. Во всем этом участвует вся уясненная нами цепь процессов взаимодействия объективного и субъективного (ощущения, восприятия, память, антиощущения, представления и движения); и вовлекает и впитывает в себя организм все новые и новые объекты и возвращает свое тело, накапли-

¹⁾ И. Кант. Сочинения. М., 1964 г., т. 3, стр. 248.

вает, развивает, разнообразит и совещенствует свой опыт, свои способности к мышлению и к движениям.

Тот факт, что интенсивности и такости чувствования внешних предметов изменяются в зависимости от изменений, происходящих в субъекте или с субъектом, настолько очевиден и неоспоримо доказан, что как ранее, так и теперь еще сбивает с толку мыслителей, исследующих вопрос о достоверности чувственного и мысленного познания. Чувственным восприятием, по мнению Канта, субъект не получает связи, единства ощущений, вызывающихся воздействиями предметов. Связь и единство ощущений в восприятии по Канту являются результатами деятельности рассудка, синтезирующего некоторым образом ощущения. Но ведь это лишь одна из способностей человеческого разума, которая почему-то замечается, выпячивается и преувеличивается, а другие отбрасываются, не замечаются. Конечно, человеческий разум может по-своему синтезировать те мысленные элементы (антиощущения), которые он извлекает из памяти. Но это ведь уже после восприятия, это делается мышлением; а в восприятии он получает комплекс ощущений в объективной архитектонике, объединяющей их так, как объединено и вызывающее эти ощущения. Мышление способно произвольно или творчески связывать разные антиощущения в содержание формирующегося им представления, которое затем может сопоставляться с принимающимися восприятиями и использоваться для управления движений. Принимание восприятий вызывает процесс деструктуризации их, который по своей сути противоположен процессу извлечения и формирования представления, — процессу, восприниманием и деструктуризацией подавляющемуся на тех участках, в которые принимаются и в которых деструктуризуются восприятия. Работа мышления по формированию представления предопределяет не такости будущих ощущений в восприятии (больной человек ожидает сладости от меда, а может получить горечь), а взаимочередование их, да и то если представление формируется в соответствии с возможностями организма и окружающей среды.

Кантовское понимание внутреннего чувства и его роли существенно отличается от здесь развивающегося: оно взято им лишь для перехода от никак не чувствующейся рассудочнос-

ти к ярко чувствующейся объективной реальности. Наши же антиощущения есть не измышление; оно взято из того, что в нас есть на самом деле, и таким, каким оно есть; оно определено и уяснено как противоположность ощущения, как некая сознанием активированная протяженность сенсорного поля, знаящая потребностью, вовлекабельностью на ощущение соответствующей чувственной окраски (такости); и расположено оно в цепи целостного процесса зарождения и развития систем, отражения и мышления так, как оно там и расположено, и в той роли, которую оно там играет.

Утверждение имманентов (Шуппе), что ощущение и мышление неразрывны, что они всегда, де, существуют в сознании вместе, связано с отождествлением, с неразличением ощущения и антиощущения и используется ими для доказательства того, что мыслимая вещь есть мысль, и этим пытаются свести объективный мир к совокупности идей, подобно тому, как Беркли отождествлял ощущаемую вещь с ощущением. Содержание всякой мысли (представления, идеи) складывается, составляется, формируется из всеобщих мысленных элементов, которыми и есть не что иное, как протяженности разных антиощущений и границы-ничто между ними. И если мы мыслим представление, то мы мыслим в себе не вещь, а отображение ее, фиксирующееся структурой субъектом различающихся антиощущений. Такой-то конкретной мысли нет у данного субъекта, если он ее не мыслит, хотя могущийся мыслиться материал для нее и есть в памяти. В результате мышления мы можем сформировать такое содержание представления (такую мысль, такую структуру антиощущений), которое окажется соответствующим элементно-структурным признакам предмета (или только поверхностным или и внутренним). И так мы можем познавать не только вещи, находящиеся вне нас, но и самих себя.

VI

Говорят, что Гегель омертвил материю и оживил мышление. Но не могло бы мышление ни существовать, ни быть живым, если бы сама материя была мертва, если бы она в своих началах не содержала того и такого, что собой и из себя производит всяко возможное живое и всяко возможное мышление. А ведь Гегель очищает идеалистическое начало от всякой материи, как будто что-то может быть и обладать

свойством, не будучи материальным, как будто что-нибудь может существовать, не имея в себе материального и идеального. Какая-то нематериальная монистическая сущность, сущность как чистый объект разума для гегелевской философии является единственно истинной абсолютной сущностью. Если до Гегеля божественное существо мыслили абстрагированным и освобожденным от природы, от чувственности и материи, то Гегель, напротив, превратил эту субъективную деятельность очищения божественного в самодеятельность идеального объективного и обожествленного существа, которое само занимается тем, чтоб освободиться от материального и тем самым проявляет свою активность. Для этого он и изобрел противоположность духа как его самоотчуждение, дающее ему возможность самоочищаться и созерцать себя же в этой своей противоположности, которая вообще то и не есть противоположность, а есть тот же самый дух, та же самая идея. Материальное и чувственное, таким образом, отрицаются. Ибо, хотя они и приняты в лоно идеи, но они приняты как тождественные с нею, а не как неидеальные.

А в монистическом материализме есть тенденция рессудочную деятельность мышления субъекта превращать в деятельность, лишенную возможности для проявления субъектом произвольности и свободы воли, и вынуждены изобретать некоторую противоположность материальности, которая вообще то и не есть противоположность, а есть лишь свойство материи, чем и тормозится познание творческих сил субъекта и его познавательных способностей и возможностей.

За сущность идеального у Гегеля берется одно из свойств или одна из способностей процесса мышления, отрываемое (мая) от этого процесса: возможность для проявления субъектом произвола и свободы воли в процессе мышления Гегель отделяет от человека, абсолютизирует и объективизирует и превращает в абсолютную сущность монистического и верховного начала. У него «Понятия, суждения, вывод, даже сами отдельные формы заключения и суждения... не являющиеся нашими суждениями, заключениями; нет, это объективные,... в себе и для себя пребывающие абсолютные формы! Так отчуждает от человека абсолютная философия его собственную сущность, его собственную деятельность! Отсюда

насилия и пытки, которым она подвергает наш дух».)¹⁾ А монистические материалисты за сущность идеального вынуждены брать свойство, функцию, движение материи, которое позволяет появиться и проявиться у человека процессу мышления и результатам этого мышления. А так как идеальное только в голове человека (этого мнения придерживаются большинство мономатериалистов), а понятие, суждение, представление и всякие прочие формы знания являются насквозь и целиком идеальными, то и оказывается, что знание человека непреодолимой стеной отделено от объективного предмета познания. У Гегеля свойства человеческого мышления мысленно отчуждаются, абсолютизируются и объективизируются в форму духа тем, что перестают мыслиться как человеческие и начинают мыслиться как вне человеческие, объективные. А у мономатериалистов они субъективизируются, отчуждаются от объективного тем, что мыслятся только в голове и только как специфическое свойство, специфическая функция, специфическое движение материального мозга, а поэтому и оказывается в заточении черепной коробки в форме свойства материи, т. е. свойство нельзя оторвать от его носителя.

Чувственность, по Гегелю, производится духом в результате того самого движения духа в себе самом, которое дает ему самого себя «как бы вещественным». Нет никаких подлинных противоположностей, есть лишь кажимости их. Так полученная чувственность чувствует в чувствуемом тот же дух, который произвел в себе своим движением внутри себя эту чувственность как проявление себя самого для себя же. Какой гениальностью нужно обладать, чтоб вот такие измышления выдавать за абсолютные истины. Подобной же тошнотворной «диалектикой» изворачивания или самовыворачивания одного и того же с целью получения псевдопротивоположности Гегель выводит и представление как какой-то этап на пути движения интеллигенции из не-себя, как созерцания себя же, внутрь себя самой. Представление у Гегеля является вроде бы формой обратного перехода интеллигенции из созерцания себя самой в бытие внутри себя для себя самой без самосозерцания себя. Оно потом превращается в

1). Л. Фейербах. Сочинения. М.-П., 1923 г., т. 1, стр. 107.

понятие и тем самым возвращается к тому же, из чего и вышло для самопознания себя созерцанием, чувствованием, сливается и бытием в себе и для себя радуется результатами самопознания. Механизм гегелевской диалектики здесь таков: понятие самовыворачивается в восприятие с тем, чтобы посмотреть на самого себя, и через представление переворачивается и возвращается опять в себя. И получается, что понятие познает само себя вместо того, чтобы понятием как формой познания субъект познавал предмет познания. Но нам необходимо еще познать понятие как форму познания и выяснить его возможности в сравнении с неречевыми формами познания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Из всего предшествующего и из практики познания неопровержимо следует, что восприятием невозможно выявить различия между теми структурно-элементными протяженными образованиями и познать форму (очертания) границ ничто между ними, самостоятельные воздействия которых на структуру элементов сенсорного поля соответствующего органа чувств не могут вызывать таких структурно-элементных последствий (изменений), которые произвели бы собой феномен какого-нибудь чувствования, ощущения. Следовательно, возможность для познания взаиморазмеров и форм однородных в себе структурно-элементных участков при помощи восприятия имеет свой предел, дальше которого (глубже в микромир) мы не можем проникнуть. Элементно-структурная картина атома, например, на уровне его составляющих элементов и частиц субатомного уровня сложности восприятиями не наблюдается, несмотря на помощь самых современных микроскопов. И поэтому мы вынуждены довольствоваться мышлением мыслителей сформированными моделями. Но известно, что ныне использующиеся модели атомов запутаны, непонятны, противоречивы и оказываются непригодными для выведения всего из них следующего, всего из них образующегося, ибо и сами они не получены выводением из тех всеобщих начал, из которых составляется и образуется все, в том числе и атомы, к окончательному познанию которых мы шаг за шагом и продвигаемся.

Можем ли мы мышлением познать то общее, что имеется у любого и у каждого элемента реальности любого уровня сложности, независимо от того, отображается ли он хоть как-нибудь в структуре феноменов чувствования или нет? Конечно можем! Это же и есть протяженности их составляющего нечто и границы-ничто там между ними, где они хоть чем-то взаимоотноличаются.

Но познать восприятием то, какие такости чувствования, какие оттенки ощущаемости вызывают те нечто, уровень сложности, структура и количество которых не вызывают чувствительности у соответствующего органа чувств при взаимодействии их со структурой элементов сенсорного поля этого органа чувств, мы не можем. Мы не можем чувствами проникнуть глубже, выйти за пределы их чувствительности и различающей способности (=способности различать инакости чувствования). А при помощи мышления мы достоверно можем знать и уже знаем, что любое нечто будет протяженным, т. к. и если оно что-то имеет в себе (а если оно ничего в себе не имеет, то это будет не нечто, а ничто), и между хоть чем-то взаимоотноличающимися нечто будет непротяженная граница-ничто. Замечательно то, что этого оказывается и достаточно для отображения (познавания) любого предмета до тех пределов, до которых можно познать их вообще; замечательно, что это и есть тот гносеологический ключик, которым удастся открывать дверь в тайники вселенские и познавать все, что вообще можно познать из еще не познанного.

Отрицание наличия в реальности изначального ничто наряду с нечто сводится же к отрицанию наличия разнокачественных нечто, сводится к признанию неразличного в себе и одного нечто и только, что не позволяет объяснить развитие. Но если бы реальность, изначальный состав и причинно-следственный механизм развития которой мы желаем познать, состояла только из одного повсюду и во всем одинакового материального нечто, то она так и не смогла бы выйти из этого изначального состояния и начать и продолжать развиваться в себе все имеющиеся в ней разнообразные вещества и существа, что противоречит фактически наблюдающейся действительности. Следовательно неверно, что она изначально состояла только из одного повсюду и во всем одинакового материального нечто, а в таком случае между хоть чем-ни-

будь различающимися нечто будет ничто. Кроме того, если бы не было структуры-ничто, уясненным образом отчуждающей отображением от вещественного предмета, имеющего в себе структуру-нечто и структуру-ничто, ничего не прибавляющую, а лишь прерывающую собой различающееся и обеспечивающую возможность судить о состояниях и изменениях состояний структуры-нечто предмета познания по состояниям и изменениям состояний структуры-ничто, то познание вообще было бы невозможно. Именно благодаря тому, что для множества единичных предметов, имеющих в себе подобные, схожие или одинаковые структуры-ничто, в уме может быть представлена одноэкземплярная структура-ничто, подобная, схожая, одинаковая или общая с имеющимися во множестве единичных предметов. Иначе как объяснить отображаемость в восприятиях или в представлении общего во множестве предметов, находящихся на расстоянии от отображающего (познающего) их субъекта? Как объяснить парадоксы, вызывающиеся неопровержимостью того, что мышление человека не может выйти из человека, из своего организма, это мышление окружающего и чувственным, явностью питающего? и несмотря на это мышление все же может верно отображать, познавать объективные предметы?

Л. М. Веккер отмечает концентуальную неопределенность в трактовке существенного признака мышления, отличающего его от немислительных психических процессов¹⁾. И эта неопределенность и неясность дополняется еще и невыясненностью существенного различия между такими психическими феноменами как ощущение и антиощущение, восприятие и представление. Антиощущение — это некая сознанием активированная протяженность сенсорного поля, знаящая потребность, вовлекабельностью на ощущение соответствующей (вспоминающейся) чувственной окраски, (такости, качества), это не ощущение, не слабый его повтор и не противоположное по качеству ощущение (как, например, белизна и чернота), а противоположность ощущения.

Мыслительные процессы (неречевое мышление) есть особая стадия развития психических познавательных проце-

¹⁾ Л. М. Веккер. Психические процессы. Изд. ЛГУ, 1979 г., т. 2, с. 22, 23, 29.

есов, в которую переходит процесс представления после добавления к нему тех специфических процессов, в результате которых информация, фиксирующаяся в структуре комплекса антиощущений, не только извлекается из памяти, но и обрабатывается, согласовывается, формируется творчески, перестраивается под влиянием всего того, что участвует в процессе мышления, в том числе и особенно и сознания, и мышц мышления и пр., что будет выяснено в «Логах...».

Процесс неречевого мышления не может осуществляться до и вне процесса представления и независимо от результатов, извлекающихся из памяти в представление. Кроме того, результатом неречевого мышления будет также представление, т. е. некоторая пространственно-временная структура комплекса протяженных антиощущений с границами-ничто между ними, по чему-нибудь различающимися; но это содержание представления, полученного в результате мышления, будет являться результатом соответствующей обработки или переработки информации, извлекающейся из памяти и фиксирующейся и переносимой структурами реальных элементов или их множеств. Специфическая обработка или переработка извлекающейся из памяти информации и является существенным отличительным признаком процесса неречевого мышления. Поэтому следует различать представление извлеченной формы, т. е. представление как результат только воспоминания, и представление вымышленное, т. е. как результат мышления. Понятно, что вымышленное представление может переходить в форму представления извлеченной формы: если его составляющее содержание подтверждалось восприятиями и запоминалось, а затем без изменений и переработки вспоминается.

Структурой антиощущений в представлении (извлеченного из памяти без изменений или мышлением обработанного и перестроенного) мы можем предугадывать структуру соответствующих фрагментов реальной действительности. Протяженностями однородных в своем качестве антиощущений и формами границ-ничто различия их качеств в их комплексах и отображаются соответствующие комплексы отличающихся друг от друга материальных нечто, имеющих в себе что-то их составляющее и поэтому протяженных, и их разграничивающих идеальных ничто, ничего в себе не имеющих и поэтому непротяженных. Антиощущающиеся нечто

следует мыслить протяженными потому, что они и на самом деле прстяженные, и потому, что именно протяженностью антиощущений можно отобразить протяженности познающихся реалий: а границы-ничто между хоть на малейшую малость в чем-то отличающимися антиощущениями следует мыслить непротяженными, как ничто и только. Потому и следует выполнять логическое правило запрета мыслить нечто без протяженности и ничто с протяженностью.

Именно благодаря этим особенностям абсолютно истинных смыслов этих фундаментальных понятий (абсолютная истинность их и незыблемость не может быть опровергнута: вель и онтологически в объективной и в субъективной реальности есть протяженные, но в однородности своего качества конечные, нечто и есть ничто, прерывающие их от соприкасающихся с ними иными нечто, тоже протяженными, но конечными: и в восприятии есть протяженные ощущения, а в представлении есть протяженные антиощущения, и границы-ничто между ними, субъектом рзличающимися) разум человека оказывается может формировать структуры своих представлений, соотносить их и сопоставлять со структурами предметов познания, снимающихся с них восприятиями их, переформировывать и согласовывать их и в соответствующей мере успешно познавать соответствующий предмет познания или и преобразовывать его с целью получения от него соответствующих предугадывающихся восприятий и ощущений. При всем этом ясно же, что представление не превращается само по себе в восприятие (а восприятие в предмет), а его составляющая структура антиощущений сопоставляется и осыпается встречным потоком воспринимающейся информации, в результате субъектом и выясняется соответствие или несоответствие ожидавшегося и чувственно дающегося.

Итак, следует отметить важное следствие: как бы мы ни напрягали свой ум, как бы мы ни варьировали усилиями мышления, но мы ничего иного не извлечем, не получим, не выжмем из него, кроме различных протяженностей взаиморазличающихся атиощущений и границ-ничто между ними (например, между антиощущающейся протяженностью зеленого и синего, или между антиощущающейся протяженностью зеленого и менее зеленого, или между антиощущающейся протяженностью сладкого и горького, или сладкого и ме-

нее сладкого, или твердого и мягкого, или твердого и менее твердого, или теплого и холодного, или теплого и менее теплого, или антиощущающей протяженностью высокого звука и менее высокого, и т. п., т. е. ничто между таким нечем и иным нечем), из чего мы только и можем формировать всевозможные содержания наших представлений, мыслей, идей. Но дело то в том, что в качестве исходного материала для мышления ничего больше и не нужно для того, чтоб субъекту отображать, познавать интересующий его предмет, в том числе и для того, чтоб познавать его до дна вглубь и истинно, что и требуется доказать и что и будет выясняться и доказываться еще и в последующих частях «Прологов...». Ведь ничто — наряду с нечем, противоположным ему во всем, — это такой всеобщий и диалектический «инструмент», который можно разместить между любыми сколь угодно малыми и на сколь угодно малость взаимоотличающимися нечем, — это то и такое острие, лезвие гносеологического кернера, которым удастся до дна расколупать любой предмет и истинно узнать, из чего же он состоит, как устроен и работает, который позволяет навести отчетливость различения между различающимися нечем и безошибочно настолько, там и тогда, насколько, где и когда оно мыслится мышлением именно между теми соприкасающимися нечем, которые на самом деле соприкасаются и хоть чем-то различаются. Для того, чтобы истинно познавать предмет реальной действительности представлениями, содержание их необходимо (и единственно возможно) мыслить как протяженные антиощущения чего-то и непротяженные ничто между различающимися антиощущениями. Без этого невозможно истинно отобразить познающийся предмет, но этого, конечно же, недостаточно. Потому-то на них основывающаяся и при помощи их обновляющаяся гносеология и наводит на метод исследования, ведущий к познанию начал всех учений, и приводит к открытию таких смыслов и состава исходных понятий, которые необходимы и достаточны для познания выведением из них знания о всем, нас интересующем; потому-то на них основывающаяся СНОЗ и дает возможность разуму истинно и до дна вглубь познать элементарно-структурные механизмы строения и работы вещества, — познать и объяснить все то, из чего, в чем, среди чего и как и почему вещество образуется

и работает, -- познать и объяснить все то, что можно познать и объяснить вообще и что не поддавалось познанию, объяснению и предсказанию в рамках монистической логики (при помощи лишь одной материи), — познать то, что называется духом и душой, и то, что управляет человеком исходя из общества и из истории, и изнутри его, (и зарождение, и жизнь, и смерть, и посмертное познать, чтоб страх смерти не превращал человека в труса поганого), и все прочее познать. А это ведь и является главной задачей наистиннейшей и благопрогрессотворнейшей всеобщей теории развития, объясняющей первоначала, пелопричины, источники, механизмы и законы развития всего сущего и возможные последствия этого развития в заданных или предугадывающихся условиях. Варьируя различающей способностью и глубиной проникания, проникновения в иерархическом ряде уровней сложности структур элементов и систем разум может варьировать возможностями выявлять архитонические формы представляющихся образов, их изменения и развитие, соотносить их к соответствующим реалиям и в результате всего добиваться истинного познания реальной действительности, в том числе и тех всеобщих начал ее, из которых все в ней образуется и развивается, и в которые все разлагается. И еще раз повторим правило: для того, чтобы истинно познавать предметы реальной действительности представлениями, мыслями, идеями, содержание их необходимо (да и единственно возможно) мыслить как протяженные атиощущения и границы-ничто между ними различающимися. Но одного этого, конечно, недостаточно.

Ощущения, восприятия, запоминание, атиощущения, представление и неречевое мышление проявляются как феномены яйности субъекта и получают как различные формы и уровни субъективного отражения реальной действительности, осуществляющегося в результате взаимовлияния и взаимобменного взаимодействия сознания, мозга и тела как субъективного в его организме и той объективной среды, в которой этот организм со всем своим субъективным обитает. Развитие процесса взаимодействия сознания с окружающими его и его создающими и воссоздающими мозгом, телом и объективным миром опосредуется и детерминируется и социальными факторами, для познания чего необходимо познание

социальных систем, факторов и механизмов влияния их на их составляющие индивиды. Необходимо выяснить социально-исторические и культурно-производственные источники и обусловленности развития познания и знания, без познания чего невозможно аподиктическое доказательство безошибочности и окончательности познания начал. Нужно выяснить (более глубоко и точно, чем до сих пор) вопросы о том, что получает в развитии своих познавательных способностей индивид дополнительно из социума, из истории, из прошлого, из культуры, из социальной реальности, в которой «про-сыпается к сознательной жизни отдельный индивид и требования которой он вынужден усваивать как обязательный для себя закон своей собственной жизнедеятельности»¹⁾, единственно что Э. В. Ильенков и предлагает называть идеальным и по поводу чего все еще идут нескончаемые споры.

Суть, механизм и направление влияния социального (исходящего из общественной системы) на развитие познавательных способностей человека, суть, различия и возможности форм речевого мышления исследуются в следующей (четвертой) части «Прологов...». Поэтому обвинения меня в биологизаторской тенденции, в выведении сущностных свойств человека и им использующегося знания лишь из одной стороны — со стороны факторов биологических, чувственно-физиологических, после прочтения третьей части будут преждевременными.

Конец третьей части текста «Прологи новой СНОЗ».

Продолжение следует.

* * *

В четвертой части «Прологов...», которая будет опубликована как только автор соберет достаточно для этого денег, излагаются существенные уточнения и дальнейшее развитие основных вопросов логики познания (понятия, суждения, умозаключения, речевое мышление и пр.), продолжается изложение развития смыслологического содержания новой СНОЗ.

Если Вы, уважаемый читатель, желаете приобрести четвертую часть «Прологов...» или и предшествующие ей П-1, П-2, П-3, или и последующие части текста этого научного труда, то заказы на это высылайте по адресу: 251010, Украина,

¹⁾ Э. В. Ильенков. «Проблема идеального». См. ж. «Вопросы философии» № 6, 1979 г. с. 130.

Черниговская обл., г. Бахмач, ул. Чапаева, д. 17, Неволько Григорию Ивановичу; или по адресу: 344025, г. Ростов-на-Дону, 37 линия, д. 42, кв. 4, Неволько Григорию Ивановичу. И соответствующие, заказанные Вами, книги «Прологов...», а потом и «Логов...» будут высылаться Вам (почтой с наложенными платежами) по указанному Вами адресу, — по мере опубликования и наличия их у автора.

Всю финансовую, юридическую и моральную ответственность перед общественностью и государством и перед каждым из заказчиков, покупателей и читателей автор берет на себя. Обязательность, правдивость, справедливость и честность автором гарантируются.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Предисловие	Стр. 3
ГЛАВА 1	3
§ 1. Ощущение	3
§ 2. Восприятие	18
§ 3. Дополнительные рассуждения, уясняющие ощущение, восприятие и прочие вопросы	31
§ 4. Память	51
ГЛАВА 2	70
Уяснение сути и возможностей представления и неречевого мышления как процессов и форм отражения и познания	70
§ 1. Антиощущение	73
§ 2. Представление	80
§ 3. Предварительное и поверхностное объяснение процессов общего поведения человека в целом	84
ГЛАВА 3	87
Дальнейшие уяснения сути и возможностей восприятия, представления и неречевого мышления как процессов и форм познания	
§ 1.	87
§ 2.	91
§ 3.	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	122—129

Сдано в набор 13.04.94. Подписано в печать 16.05.94. Формат 60x84 1/16. Бумага оберточная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Услови. печ. листов 8,25. Тираж 2500. Изд. № 33. Заказ 888. Цена договорная. Заказное.

Областное управление по печати 250000. Чернигов, проспект Октябрьской революции, 62.

Бахмачская районная типография.
251010 Бахмач, Луначарского, 4.